

Сказки
старого филина

Сказки
старого
филина

Y. 21p.

Сказки старого филина

= СКАЗКИ = СТАРАГО ФИЛИНА.

~~~~~
СБОРНИКЪ СОСТАВЛЕНЪ

Е. М. Чистяковой-Вэръ.

Съ РИСУНКАМИ

АНГЛІЙСКИХЪ, ИТАЛІЙНСКИХЪ, ПОЛСКИХЪ И РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
ИЗДАНИЕ В. И. ГУВИНСКАГО.
1916.

Сказки старого филина

*С рисунками английских, итальянских,
польских и русских художников*

МОСКВА
"СОВРЕМЕННОСТЬ"
1993

ББК 84Р7
С42

С42 Сказки старого филина.— М.: Современник, 1993
(кв.). 367.с. с илл.

ISBN 5-270-01762-8

В твоих руках, маленький читатель, удивительная книга сказок народов мира, изданная впервые за 70 лет.

Сказки, которые рассказывает старый, мудрый филин, откроют тебе путь к свету и добру. Они являют собой образец высокой духовности и богатейшей мировой культуры.

Книга читается с захватывающим интересом, знакомит с невиданными странами, с их обитателями, обычаями, нравами.

Надеемся, что инфанта Шесса, царевна Зоренька, Роза и Лео, а также другие герои этих великолепных сказок станут и твоими друзьями.

С 480000000-044
М106(03)-93 без объявл.

ББК 84Р7

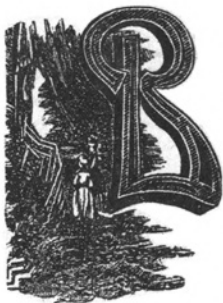
ISBN 5-270-01762-8

© Издательство «Современник», 1993

© Художественное оформление

В. В. Толстоногов, 1993

Горбунья

давние времена, когда Польша еще была самостоятельным государством, в красивой гористой местности, называвшейся Ойцовом или Песчаной Скалой, жила одна бедная старушка. Никто не знал, кто она и откуда пришла, и люди называли ее просто Горбуньей, потому что она всегда ходила согнувшись, опираясь на клюку. Приютом

ей служила ветхая, Бог весть кем и когда сколоченная избушка на дне глубокого оврага, почти скрытая от посторонних глаз густо разросшимися деревьями и кустами. В одном из углов ее помещалась постель из сухих листьев, два больших камня служили столом и стулом, а на одной из стен, против окна, было устроено нечто вроде аналоя, на котором стоял образок Пресвятой Девы, окруженный венком из лавров; тут же внизу лежал плоский камень, на который старушка опускалась на колени, когда молилась.

Горбунья очень любила детей, и все мелкие деньги, которые получала от людей, отдавала им на лакомства. И дети, вначале дичившиеся старушки, с течением времени так привыкли к ней, что каждый день с нетерпением ожидали

ее прихода и даже выбегали далеко за околицу встречать ее. Она посещала не только хаты крестьян, которым приносила разные целебные и лекарственные травы, собираемые ею в соседнем лесу, но и барские дома, везде встречая ласковый прием за свою доброту и благочестие.

Осенью, в хмурые, дождливые дни, и зимою, когда в воздухе кружилась снежная метель, Горбунья по целым неделям сидела у себя, питаясь чем попало и все время проводя в посте и молитве; выходила она только по праздникам, чтобы отправиться в церковь или раздобыть хоть немного пищи. Выходя, она никогда не запирала за собою дверь, потому что без нее все равно никто не решился бы проникнуть в ее хижину.

В той же местности, в недалеком расстоянии от жилища Горбуни, находилось обширное поместье, принадлежавшее одному богатому вельможе, почти безвыездно проживавшему в Кракове; в большом доме жила только его жена с десятилетним сыном и многочисленной дворней. Юля был красивый, живой мальчик, но гордый и своенравный, убежденный, что все окружающие его люди созданы только для него одного, чтобы ему хорошо жилось на свете. Может быть, в этом были виноваты сами слуги, льстившие ему на каждом шагу и чуть не носившие его на руках; что же касается матери, то она старалась воспитать в нем скромного и примерного сына, часто делала ему выговоры, а иногда и наказывала, когда вина мальчика вынуждала ее к этому. Однако это мало помогало; Юля не выказывал ни малейшего желания исправиться и сделаться лучше.

Однажды весною, в тихий ясный день, когда солнце уже сильно пригревало землю, Горбунья, возвращаясь из церкви, зашла на барский двор,

где ее хорошо знали все слуги; ей тотчас же вынесли завязанную в узелок провизию, но она почему-то медлила уходить, долго не сходила с крыльца и, наконец, тихим голосом попросила вызвать барчука. Бартек — казачок, прислуживавший в комнатах — побежал доложить ему о желании старушки. Недовольный тем, что его беспокоят, Юля с сердитым лицом вышел на крыльцо и, видя, что какая-то нищенка протягивает к нему руки, видимо желая его обнять, оттолкнул ее от себя и крикнул:

— Как ты смеешь прикасаться ко мне, старая ведьма?

Старушка подняла на мальчика свои глаза, молча, с укором посмотрела на него и тихо заплакала; этот взгляд и эти слезы смутили Юлю, и он поспешно отвернулся от нее, а Горбунья, не сказав ни слова, спустилась с крыльца, прошла двор и исчезла за воротами.

Матери в это время не было дома, и она ничего не узнала о поступке сына. Она часто уезжала в Краков, оставляя мальчика с гувернером и слугами, и в такие дни он делал решительно все, что хотел, вполне уверенный, что никто не станет доносить на него.

Вскоре после этого случая, пользуясь отсутствием матери, Юля схватил свое маленькое ружье и вместе с казачком отправился в соседний лес. Бартек, как старший, просил его не ходить далеко, но Юля, словно нарочно, удалялся от него все дальше и дальше и скоро совсем потерял его из виду. Какая-то птичка кружилась над его головой, все время что-то чирикавая на своем птичьем языке, и, преследуя ее, он и не заметил, как очутился в самой чаще леса. А веселая щебетунья все продолжала кружиться и чирикать, увлекая его все дальше и дальше, и вдруг исчезла, точно растаяла в воздухе.

Юля остановился, оглянулся и, не найдя знакомой дорожки, по которой так часто бегал, понял, что заблудился. Он начал кричать и звать Бартека, но никто не отзывался; казачок находился далеко, на опушке, где ожидал его возвращения, и ничего не слышал.

Юля был смелый мальчик, он не растерялся и стал искать дорогу; но местность была ему незнакома, какие-то пригорки и овраги окружали его, столетние толстые дубы внезапно выросли перед ним и преграждали путь; солнце, слабо проникая сквозь густой узор ветвей, едва-едва роняло свои лучи на землю, и от этого все вокруг казалось еще более диким, безлюдным и страшным. Юля взбирался на пригорки, спускался в овраги, возвращался назад, повертывал то вправо, то влево, но дороги нигде не оказывалось. Он начинал уже чувствовать усталость, его томила жажда, и ему хотелось есть; он садился отдыхать, снова вскакивал, окликая Бартека, кричал на разные лады: «Ау! Го-го!» — но все было напрасно.

Вдруг, когда от голода и отчаяния мальчик готов уже был заплакать, вблизи от него раздались чьи-то шаги, кусты раздвинулись, и на поляну вышел громадный мужчина с густой черной бородой; это был атаман разбойников, живших в этом лесу.

Увидя его, Юля гордо поднял голову, назвал себя и повелительным голосом приказал тотчас же вывести его из лесу и указать дорогу домой, но в ответ слышал только громкий смех.

— А, так ты, значит, сын вельможи! — воскликнул, наконец, мужчина, переставая смеяться. — Тем лучше!.. Твои родители дадут нам за тебя богатый выкуп!.. А за то, что ты горд и дурно обращаешься с людьми, ты останешься у нас несколько дней. Мы научим тебя рубить

дрова, носить воду, исполнять разные домашние работы и слушаться и уважать старших.

И, говоря это, он взял мальчика за плечи, повернул его, вывел на дорогу и приказал:

— Ступай за мной!..

Юля хотел было сопротивляться, но разбойник поднял его на руки, пронес несколько шагов и, поставив на землю, крикнул:

— Марш вперед!

Юля понял, что будет лучше, если он подчинится, и молча пошел впереди разбойника.

Они шли очень долго и наконец остановились около высокой горы; атаман отвалил камень, скрывавший вход в пещеру, и толкнул туда Юлю. Внутри это было высокое, обширное помещение, полное людей; все это были члены шайки. Они не сделали мальчику никакого зла, но поминутно приказывали ему что-нибудь делать, так что весь день прошел для него в тяжелой черной работе. На другой день его подняли очень рано и опять заставили работать. Так прошло несколько дней. Привыкнув дома ко всяким удобствам, он должен был теперь спать на голой земле, есть черный черствый хлеб, носить воду из родника, поддерживать огонь в очаге и даже рубить дрова.

Единственным утешением мальчика была теперь молитва, и часто по ночам, когда все спали, стоя на коленях в своем уголку, он думал о том, что Господь наказал его за ту старую нищенку, которую он обидел, когда она хотела приласкать его. И он тут же дал себе слово, что, если ему удастся вернуться домой, он станет добрым и послушным.

Между тем родители Юля вернулись из Кракова и, узнав об исчезновении сына, немедленно разослали слуг по всем окрестностям для его поисков; но разбойники, узнав об этом,

только рассмеялись, вполне уверенные, что их жилище не так-то легко отыскать.

В одну темную ночь атаман отправился к Горбунье с просьбой сходить в поместье вельможи и принести выкуп, обещая за это отдать мальчика.

Весть о том, что их сын жив, так обрадовала родителей, что они сейчас же вручили старушке требуемую сумму, которую она и передала атаману. Ночью разбойники привели мальчика к дверям ее хижины и, оставив его там, исчезли.

Юля до утра пробыл у Горбуньи, всячески стараясь выказать ей свою любовь; добрая старушка накормила его, уложила на свою постель, и он тотчас же уснул.

На другой день за ним приехала мать, чтобы отвезти его домой, где с таким нетерпением его ждал отец.

После этого случая характер мальчика резко изменился, и от гордости его не осталось и следа.

Прошел год. Однажды из соседнего селения явилась в поместье вельможи какая-то женщина и передала матери Юли грязный клочок бумаги, на котором было что-то написано. Прочитав его, она заплакала и приказала закладывать лошадей. Когда экипаж был подан, мать и отец, захватив с собою сына, несмотря на темноту ночную, отправились к Песчаной Скале, к тому месту, где жила Горбунья.

Когда они вошли в хижину, они нашли в ней священника и умирающую старушку, в бессилии читавшую последнюю молитву. Юля очень удивился, когда его мать опустилась на колени и стала покрывать лицо и руки умирающей горячими поцелуями.

Оказалось, что эта старушка была ее ма-

терью и его бабушкой; долгое время она находилась в монастыре, а потом пожелала остаток жизни провести пустынницей, чтобы смирением, постом и молитвой получить прощение грехов.

Только теперь понял Юля, почему заплакала старушка, когда он с таким высокомерием оттолкнул ее; только теперь он понял, что в ту минуту она хотела обнять и приласкать своего внука.

С этого времени он стал добрым, стал уважать старость и был со всеми вежлив.

Так собственной совестью была наказана гордость мальчика.

Карлетто и духи цветов

Итальянская сказка

Это было давно, в те старые времена, когда кругом Комского озера росли густые леса; когда Ломбардия еще не сделалась сплошным, прекрасно обработанным полем или огородом, обсаженным тузовыми деревцами; когда Италию не переполняли путешественники с красными книжками в руках; когда в ее чащах жили такие звери и зверьки, которые позже ушли в другие, более северные, страны; когда кругом старинной Равенны простирались необозримые болота и ноги иностранцев не попирали мозаичных полов ее великолепных храмов... Словом, это было очень, очень давно.

Спускался вечер. Тихо шелестели листья еще неспелой, но уже высокой кукурузы. Где-то вддали лениво лаяла собака. Карлетто стоял в садике своей мачехи, Альбы-Розы, смотрел на небо и думал невеселые думы. Какая сердитая его мачеха!.. Ну, за что она опять так больно прибила его? Что за беда, что он подбросил старому Чукко свеженакошенной травы? Говорит, что ослику вполне достаточно придорожных лопухов и чертополоха. Правда, Чукко любит жесткие и колючие сорные травы, но все-таки почему бы не дать старику полакомиться чем-нибудь другим? И маленький Карлетто тяжело вздохнул.

Действительно, мальчику жилось не весело. Родной матери он не помнил; отец его женился вторично, когда Карло было пять лет, и умер

через два года после свадьбы с Альба-Розой. У Карло была только одна близкая родственница — бабушка Карола, которая очень любила его; но она жила далеко от дома Альбы-Розы на озере, в городе Комо, как раз против великолепного комского собора, где по воскресеньям так хорошо играл орган и голоса певчих звучали, как хоровое пение ангелов. Карло страстно хотелось переселиться к бабушке в Комо, но старушка, души не чаявшая в своем маленьком внуке, не подозревала об этом; не подозревала она также, что ему плохо живется у мачехи; жаловаться ей он стыдился, а сама старая Карола ничего не могла заметить. Одет Карлетто был всегда хорошо, в одну из тех курточек с откидными воротниками, которые еще и теперь носят итальянские мальчики, сыновья зажиточных крестьян или мещан, в коротенькие панталончики и короткие же чулки; вдобавок Альба-Роза при бабушке не только не решалась ударить пасынка, но даже побранить его: она знала, что Карола богата, и, как очень жадная женщина, все ждала от нее выгоды. Приезжая навестить внука, Карола дарила ему деньги, материи на платье, лакомства и т. д., а после ее отъезда мачеха брала себе все привезенное ею, запрещая «сплетничать старой колдунье». Такие грубые слова огорчали Карлетто больше, нежели побои Альбы-Розы. Ведь он знал, что его старая, горячо любимая им бабушка совсем не колдунья, напротив, благочестивая женщина, делающая много добра.

И вот теперь недавно побитый Карлетто тихо стоял в садике и смотрел на небо, порозовевшее там, за лесистыми горами. Он мысленно говорил себе:

«Что же? Пусть Альба-Роза бьет меня. Все равно я не могу не подбросить лишней охапки

травы бедному старому Чукко, когда он смотрит на меня такими добрыми, печальными и кроткими глазами, или не дать корки хлеба верному сторожу Неве, который лаем извещает о приближении чужих. Пусть лучше Альба-Роза не даст есть мне, чем морит голодом бедных, верных животных, моих единственных друзей. Добро бы она сама нуждалась, а то вон какие дорогие цветы завела». И мальчик огляделся кругом.

Действительно, в маленьком саду Альбы-Розы красовались прелестные цветы. У этой суровой, скупой и жадной женщины была единственная страсть, на которую она совсем не жалела расходов, — цветы. Она выписывала лучшие семена из Комо, иногда даже из Милана, собственноручно ухаживала за появившимися ростками: поливала их, подвязывала, окапывала, словом, ухаживала, как за малыми ребятами, благо родных детей у нее не было, а Карлетто она совершенно не любила.

Карло тоже не мог любить Альбы-Розы, но свое холодное чувство к мачехе не переносил на ее любимцев и с большой охотой ухаживал за ними; у этого мальчика было очень чуткое, нежное и отзывчивое сердце, которое заставляло его любить все, что есть в природе, всех зверей, все цветы, малейшие былинки, насекомых, птиц, рыб, кишасих в ручьях, самую землю и камешки.

Думая Бог весть почему о комском соборе, о звуках органа и небесном пении маленьких певчих, Карлетто бессознательно сорвал один из высоких стеблей с багровыми, как кровь, цветами, так же бессознательно вышел из сада мачехи и направился в соседний лес, через который протекала небольшая речка.

Говоря правду, мальчик чувствовал потреб-

ность хотя бы на время уйти подальше от дома Альбы-Розы и подышать свободным воздухом леса. Наслаждаясь своим одиночеством, красотой старых буков, дубов и орешин, он шел все дальше и дальше, не обращая внимания на дорогу, не думая, что становится поздно и на небе постепенно разгорается багровый закат. Вдруг Карло зацепился ногой за моховую кочку, полетел вниз и уткнулся носом в траву. Мальчик тотчас же поднялся; он нисколько не ушибся, но, понятно, это маленькое происшествие заставило его очнуться от грез и вспомнить о действительности.

Карлетто огляделся и прислушался; все было тихо, только в густых листьях деревьев перекликались еще не утомившиеся птицы да где-то вблизи слышался говор и нежный плеск воды.

«Батеньки, — подумал Карлетто, — как я далеко зашел!»

Мальчик знал, что речка протекала в самой середине леса, но никогда не бывал подле ее берегов.

— Как-то я найду дорогу домой, — громко произнес он, в смущении покусывая цветочный стебель, которого почему-то так и не бросил.

Едва детские зубы Карло надкусили кожицу стебля, как на его язык брызнула струя сока растения и он ощутил во рту очень горький, хотя далеко не неприятный вкус.

— Тише, тише; не надо шуметь в сердце леса. Не надо приносить страха и огорчения туда, где живем мы, создания Божии, не обижая друг друга, не боясь вас, жестоких людей, — прозвучал над Карло какой-то нежный, но звонкий голосок.

И, странная вещь, мальчик знал, положительно знал, что чудесный голосок не произнес

ни одного слова на комском или вообще на каком-либо человеческом наречии, однако от-лично понял решительно все, что не то пропе-ло, не то сказало какое-то невидимое ему жи-вое существо.

— Ты меня ищешь? — продолжал тонкий музыкальный голос (теперь он не пел, а гово-рил отрывистыми звуками). — Ищешь, а не по-смотришь вверх, где я сижу над тобой.

Карлетто поднял голову и увидел на ветке дерева хорошенькую птичку с красной грудкой и шейкой, которая, наклонив свою маленькую, круглую головку, не сводила с его лица бле-стящих черных глаз.

— Реполов, — произнес озадаченный Карлет-то, — только реполов! Правда, он все смотрит и смотрит на меня, точно хочет что-то сказать или желает услышать от меня несколько слов, но ведь это же невозможно! Кто может разго-варивать с птицей?

— Почему бы нет? — произнес обиженный нежный голосок. — Позвольте, синьор Карло, узнать: почему бы вам и не поговорить с пти-цей? Ведь несколько минут тому назад ты го-ворил сам с собой, а ведь птица может дать заблудившемуся ребенку лучший совет, нежели не знающий дороги ребенок даст сам себе.

Доводы реполова убедили Карлетто, и он вежливо поклонился рассерженной птичке, ко-торая от обиды распушила все свои перышки и в таком виде как две капли воды походила на комочек мягкого пуха.

— Извин... извините, — начал Карло.

— Говори мне «ты», — строго остановил его реполов, — у нас, лесных птиц, зверей и духов не заведено ваших людских глупостей; мы го-ворим друг другу «ты». Понимаешь, когда один разговаривает с одним, а не с несколькими.

— Понимаю, — ответил Карлетто. — Так извини меня. Ведь я просто удивился, что мне стала понятна твоя песня или речь, прежде со мной никогда не случалось

ничего подобного. И будь добренький, объясни, почему я могу так свободно разговаривать с тобой, а прежде...

— Знаю: прежде ты не понимал разговоров птиц и других существ? Ты ужасно многословен, но я знаю тебя и потому охотно дам тебе необходимые объяснения. Слушай: в твоей руке стебель с алыми цветами пассифлоры, или страстоцвета. Это цветы великой любви и великого страдания. Ты нечаянно выпил несколько капель сока этого чудного растения; ты почувствовал вкус горьких непролитых слез молчаливой муки, а когда это случается в такую ночь, как сегодня, и...

— Какая же сегодня ночь? — с удивлением спросил мальчик.

— Этого я не смею тебе сказать, — торжественным тоном ответила птичка. — Повторяю: когда человеческое существо в такую великую ночь, как эта, выпьет хотя бы малую каплю сока страстоцвета, оно начинает понимать то, чего раньше не понимало, и его глазам открываются вещи, недоступные для них прежде.

— А-а-а! — протянул Карлетто. — Но, милый реполов, прелестная, умная птичка, как мне ни приятно разговаривать с тобой, я должен вернуться в дом Альбы-Розы... а дороги туда я не знаю. Заблудился. Не скажешь ли мне, как бы я мог добраться до усадьбы моей мачехи Монте-Виво?

— К сожалению, не могу. Я не вылетаю из

глубины леса с тех пор, как маленькие люди вроде тебя подбили левую лапку моему брату... Я знаю, что ты не делаешь таких вещей: об этом мне говорили быстрые ящерицы, а ведь они всюду бегают, все слышат, все знают и не боятся людей и людских жилищ. Вот если хочешь, спроси их... Впрочем, нет, теперь они не в духе; вечер, им холодно, а когда ящерице холодно... — реполов не закончил фразы и многозначительно посвистал. — Лучше пройди до реки, ступай вверх по ее течению до разлива; там ты увидишь бобров; они строят свои плотины; поговори с самым старым из них, с Седым. (Его так зовут — Седой.) Он научит тебя найти дорогу к этой, как, бишь, ты сказал? К ма-а-ч-е-хх-е? Да? Я не понял этого слова, но бобр, наверно, поймет.

— Спасибо, добрый реполов, — ответил Карлетто. — Я все сделаю, как ты сказал.

Мальчик добрался до речки и пошел вверх по ее течению. Вот и разлив. Карлетто увидел прекрасно выстроенную плотину, а на ней множество красивых бобров с умными глазками. Все они работали толково, спокойно, без малейшей суеты.

Два бобрика плыли по каналу, впадавшему в разлив, и несли большое бревно, причем каждый держал его зубами за край. Два другие своими толстыми, бесшерстными хвостами прибавляли землю, которой был засыпан край новой строящейся плотины. Другие делали еще что-то, кажется, занимались поправкой своих маленьких домиков, походивших на крошечные круглые юрты.

Что делали остальные бобрики, — а их было очень много, — Карлетто не успел разглядеть, потому что увидел необыкновенно большого и красивого пушистого бобра с седоватой шкур-

кой. Зверок этот пристально смотрел на мальчика своими круглыми, умными и добрыми глазами.

— Вы... ты... Седой? — спросил бобрика Карлетто.

— Да, — ответил зверок, и его жесткие усы так шевельнулись, точно он улыбнулся. — Ты, верно, ко мне с просьбой? Или хочешь спросить совета? Все за этим идут всегда ко мне, — прибавил Седой.

— Да, — сказал мальчик и рассказал, что с ним случилось.

Седой немного подумал, помолчал, покусывая прутик, потом потрогал свою толстую мордочку и принялся объяснять Карло, как он должен идти домой.

— От реки иди до большого камня, там поверни направо, выйдешь на поляну, за поляной будет холм, обойди его с левой стороны; увидишь медвежью тропинку...

И долго, подробно описывал бобрик путь к усадьбе Монте-Виво. Карлетто старался хорошенько запомнить его слова.

— Только торопись, — прибавил бобер, — тебе нужно миновать зеленый холм до полуночи, не то попадешься духам цветов. Сегодня их ночь, великая ночь, когда совершается много необыкновенного. Духи добры, но вас, людей, они не очень-то любят за то, что вы рвете и топчете цветы и обижаете мирных жителей леса. Иди же, иди и торопись. Быстрые ящерицы часто говорили мне о тебе, и я знаю, как добро ты обращаешься с нашими пленными братьями — собаками, кошками, домашними птицами, осликами и тому подобным народом.

Мальчик поблагодарил Седого и по его указаниям двинулся в путь. Долго ли шел Карло, неизвестно, но, когда он был на зеленой поля-

не, где-то вдали слышался удивительно приятный и звонкий бой часов — двенадцать ударов! Едва последний из них прозвенел в воздухе и замер, целый рой маленьких существ налетел на Карло. Сначала мальчику показалось, что это птички, но минуты через две он рассмотрел, что его окружила толпа прелестных детей, гораздо меньше его ростом. За плечами у каждого и каждой из них было по два нежных крыла, и они с легким жужжанием порхали над травой. Лица у всех были сердитые, но голоса звучали как нежная музыка.

— Ты попался нам! Ты наш пленник, — говорили они. — Ты рвешь и рвешь цветы, и за это ты будешь наказан.

Говоря это, крошечные мальчики и девочки быстро-быстро опутывали его тонкими, необыкновенно крепкими шнурочками и нитями.

Скоро Карлетто не мог пошевелить ни ногой, ни рукой. Да и говорить он не был в силах, потому что онемел от удивления. Рой лесных духов взвился выше и поднял с собой Карло.

— Ты наш, ты наш! — повторяли духи цветов. (Карло понял, кто такие эти крошечные крылатые дети, по их словам о цветах и еще сам не зная почему.)

— Как его наказать? — спросил один хорошенький мальчик с нежными, как у бабочки, крылышками.

— Пусть он останется навсегда у нас в плену и служит нам, — ответил другой дух, тоже красивый, но с не очень добрым лицом.

— Нет, это слишком жестоко, — прозвучал нежный, точно вздох, музыкальный голос. — Я знаю, он любит нас и никогда без нужды не мнет и не рвет цветов и растений.

Карлетто обернулся и увидел, что это сказа-

ла прехорошенькая маленькая девочка с крылышками бабочки, с очень кротким личиком и огромными глазами темно-лилового оттенка.

— Спасибо, — сказал он ей. — Ты, кажется, очень добрая. Объясни же мне, пожалуйста, за что они на меня сердятся и что я сделал?

— Опустимся на землю, там будет удобнее разговаривать с этим земным мальчиком, — обратилась кроткая темноглазая девочка к своим товарищам и подругам.

Остальные духи согласились, и скоро все они и их пленник очутились на земле. Маленькие крылатые существа разместились на веточках кустов и в цветочных чашечках; некоторые покачивались на тонких травинках. Тот мальчик, у которого, по мнению Карлетто, было недоброе лицо, опустил на листок крапивы и ласково обвил своей нежной ручкой ее ствол, усаженный жгучими волосками. Из всех духов он был самый бледный, а его глазки поблескивали зеленым светом. Кроткая девочка села на цветочный стебель душистой фиалки и положила свою хорошенькую кудрявую голову на один из ароматных лиловых цветов, таких же лиловых, как ее большие нежные глаза.

— Я — дух крапивы и горжусь этим, — сказал зеленоглазый мальчик, — мое имя — Крапивка. Твоя защитница, — он кивнул головой в сторону своей кроткой крылатой подружки, — Фиалка, дух лесных фиалок. Вот это — Незабудка, это — Олеандр, это — Сирень, это — Чертополох или Кард, это — Подорожник...

И много, много имен еще назвал Крапивка, указывая пальцем то на одного, то на другого из крылатых детей.

Карлетто кланялся им, а они в ответ улыбались ему и совсем не казались сердитыми. Ког-

да же эта церемония окончилась, Крапивка громко позвал:

— Лопушка и Цикорка!

На его зов из толпы других детей выпорхнули два мальчика: хорошенький, но пухлый и, что называется, мешковатый Лопушка и стройный Цикорка в золотисто-желтой одежде с огромными прозрачными крылышками, как у стрекозы.

— Что тебе? — в один голос спросили они Крапивку.

— Ваши подданные — лопухи и одуванчики-цикории, как и мои кусты крапивы, — любят селиться подле людских жилищ; некоторые из них живут и подле дома этого человеческого «бутона», — сказал Крапивка, — а потому мы знаем о нем многое. Моя крапива видала, что он рвет и режет цветы в саду...

— Но я знаю, что он не портит корней растений, — сказал Цикорка.

— И не мнет без нужды травы, — поддерживал товарища Лопушка.

— Может быть, — с недоброй улыбкой заметил Крапивка, — но сегодня он сорвал стебель страстоцвета... сегодня, в наш великий праздник...

Все духи молчали. Фиалочка печально смотрела на Карлетто.

— Он не знал... Он добрый, спросите кого хотите... — наконец сказала она. — И вы забыли, что в его саду есть кустик фиалок, и мои подданные тоже говорили мне, как хорошо ухаживает он за цветами.

— Да, в страшную засуху он не ленился носить из колодца ведро за ведром в сад и добросердечно плескал на мой народ — подорожники.

Это сказал маленький мальчик в зеленой

курточке с продольными, зелеными же, но более светлыми полосками и с пушистыми розовато-лиловыми крылышками.

— Он спасал моих подданных от ужасных для них страданий — жажды.

— Моих подданных тоже. И моих! И моих! — слышались голоса.

— Что и говорить, — согласился Крапивка, — говоря правду, он и мою крапиву в сухую погоду не раз освежал брызгами, спасая ее от пыли и давая ей возможность вздохнуть во все листья.

— Ну, так что же нам делать с ним? — спросил Цикорка. — Мальчик, что нам сделать с тобой? Ведь ты совершил, по-нашему, большой проступок: в такой вечер, как сегодня, сорвал страстоцвет.

— А что это за день или за ночь сегодня? — в свою очередь спросил Карлетто.

— Этого не смеет объяснить тебе никто, кроме Розы, — ответила Фиалка. — Только ты нас не бойся, — ласково шепнула она. — Все мы не злые, даже Крапивка и тот только любит обжечь словом, а сам не способен...

Она не договорила, потому что среди духов цветов произошло волнение. Все они задвигались, стали перешептываться, и до Карло долетели слова: «Королева, королева!»

Он поднял голову и при свете луны, которая в это мгновение вышла из-за гор, увидел красивую картину: грациозную колесницу, сплетенную из серебряных нитей, несли тысячи очень крупных бабочек, крылышки которых отливали всеми цветами радуги. В прелестном серебряном экипаже на светло-розовых подушках полулежала маленькая девочка в розовом платье, со светло-розовыми крылышками и со светло-розовым же веночком на золотистых волосах.

Бабочки опустились на землю, из колесницы вышла крошечная красавица. Все крылатые духи были очаровательны, но она казалась очаровательнее всех.

— Что такое случилось? — спросила она голосом, который прозвучал как музыка.

— Королева Роза, — ответил ей Крапивка, выступая вперед, — у нас пленник, и мы не знаем, что нам делать с ним. — И он рассказал королеве о том, как к ним попал Карлетто и в чем состояла его вина.

Королева выслушала Крапивку, потом Лопушку, Цикорку, Фиалочку, Подорожник и еще нескольких духов цветов, наконец приказала самому Карлетто рассказать о себе и, когда мальчик замолчал, задумалась.

— Скажите мне, скажи, — поправился Карло, вспомнив наставления реполова, — почему дурно, что я сорвал страстоцвет именно сегодня?

— Это я объясню тебе позже, теперь же я придумала для тебя наказание. Ты будешь превращен в муху. — Карлетто испуганно вздрогнул, и на его глазах блеснули слезы, но королева духов цветов мигом успокоила его, сказав: — Не бойся, ты пробудешь мухой самое короткое время. Я сделаю это, потому что так мне легче перенести тебя, куда нужно. Не бойся же, — повторила она, подпорхнула к Карлетто и дотронулась до его головы мягкой крошечной ручкой. Его охватил аромат розы. На одно мгновение голова мальчика закружилась, но скоро это прошло. Карлетто показалось, что его тело как-то странно сжимается, он хотел спросить королеву, что это с ним, но только зажужжал.

— Значит, я — муха, — мысленно сказал он себе.

В ту же минуту королева, которая стала казаться ему огромной, взяла Карло в руку, посадила в колесницу, села сама и скомандовала что-то бабочкам. Они взвились на воздух. Карлетто, который еще не привык быть мухой и подниматься высоко, спрятал свою мушиную головку в складки платья королевы, чтобы не видеть ничего. Ведь глаз-то мухи закрывать не могут! Когда Карлетто почувствовал, что колесница остановилась, он выглянул из складок платья Розы и увидел, что они на берегу огромного озера, на синих водах которого не было ни одного острова.

— Вылезай, — приказала ему королева и, когда Карлетто-муха очутился на отмели, снова превратила его в мальчика.

— Видишь ли, — сказала она, — на песчаном берегу лежат камешки?

— Вижу, — сказал Карлетто.

— Ты должен собрать их как можно больше. Иди, когда наберешь семьсот семьдесят семь камешков и между ними не найдется двух совершенно одинаковых, твоя работа будет окончена и я не только прошу тебя, но и расскажу о нашей великой ночи. Иди же! И знай: ты должен окончить дело раньше, чем на небе загорится утренняя заря. Ты огромный, и тебе это наверно удастся, но повторяю: торопись, не то мне придется на целый год оставить тебя у нас, и чтобы нам было удобнее поместить тебя в одном из наших приютов, превратить тебя в какого-нибудь жучка или в какую-нибудь крошечную козявку.

Карлетто вздохнул, ему не совсем улыбалась мысль целый год прожить в виде козявки, поэтому он с особенным усердием принялся за работу.

Сначала ему казалось, что задача нетрудна, но скоро он понял, что ошибался: камешков было очень много, но постоянно попадались совершенно одинаковые, и Карлетто уже начал приходить в отчаяние, когда увидел, что к нему подлетает какое-то крылатое существо. В его уме мелькнула мысль, что к нему летит Фиалочка или кто-нибудь другой из духов цветов, но он скоро заметил, что это сова, хорошенькая сова маленькой породы.

— Кру, кру, — прокричала она, — давно, давно у меня было гнездо в старой комской башне, и ты не позволил мальчишкам тронуть моего совенка. Помнишь? (Карло не помнил, но поверил совушке, так как знал, что звери и птицы никогда не лгут.) За это я услужу тебе, я вижу в темноте, а в темных местах, под берегом, лежат самые разнообразные камешки.

И без долгих рассуждений сова принесла ему в своем крючковатом клюве много-много прекрасных валунчиков, и между ними не попало двух одинаковых. Карло поблагодарил сову, она в ответ вежливо сказала ему: «Кру-кру» — и улетела.

«Как хорошо, что я никогда не обижал ни зверей, ни птиц», — подумал Карлетто и принялся считать камешки.

Их оказалось ровно шестьсот семьдесят семь. Ста еще не хватало, а между тем на востоке небо начало уже светлеть. Сердце Карло замерло от ужаса: неужели ему придется целый год ползать каким-нибудь жуком? Что-то подумает его добрая бабушка Карола. Слезы подступали

к глазам мальчика, но он услышал чей-то ласковый, немного сиповатый голос, говоривший: «Не тужи».

Карлетто повернулся. Перед ним стоял его знакомец Седой и, подняв свою толстую милую мордочку, ласково смотрел на него добрыми глазами.

— Пока вы работали с совой, я тоже не оставался без дела — нырнул на дно озера и собрал сто камешков. Я был уверен, что ты попадешь в беду, и заранее отправился к большому озеру, зная, что королева духов цветов непременно привезет тебя сюда. Теперь камней у тебя достаточно, а мне пора домой; ведь против течения плыть труднее, чем сюда. Видишь, вон там направо впадает река? В нее же впадает ручей, на котором построена наша плотина. Прощай, мальчик! В душе твоей живет любовь к людям, зверям, цветам, ко всему миру и ко всему живущему в мире, а потому мы, звери и птицы, помогли тебе.

Бобрик уплыл, а Карлетто отнес камешки королеве Розе.

— Нужно хорошенько просмотреть и пересчитать их, — сказала она. — Но мне неудобно сидеть так, просто на земле. Я королева, и мне необходим трон.

Маленькая красавица топнула своей крошечной ножонкой о землю, и тотчас же над почвой показался зеленый росток, почти мгновенно увеличился и превратился в прекрасный стебель, на котором распустилась крупная розовая роза с бесчисленным количеством лепестков. Королева шевельнула своими крылышками и уселась на цветок.

Пересчитав и осмотрев камешки, она осталась очень довольна, поблагодарила Карлетто и сказала:

— Теперь выслушай историю нашей великой ночи, а потом ты получишь свою награду. Слушай же. В очень давние времена в этих местах жил прекрасный и добрый человек. Он был сыном богатого купца, но когда его отец умер, роздал все свои богатства бедным и стал жить, чем Бог пошлет. Многие из знавших его насмеялись над прежним богачом и прогоняли его от своих жилищ, потому что его платье было недостаточно чисто; его называли глупцом; иногда, когда он просил хлеба, били его. Но в его сердце жила такая любовь, что он не сердился на этих людей. Для него не было злых, он считал их только заблуждающимися и несчастными. Но если люди не умели его ценить, звери и птицы чувствовали его великую душу, не боялись его и не делали ему вреда. Больше: при нем они стыдились ссориться и делать зло друг другу. Волк не трогал ягненка; лиса ласкала курицу; щука становилась в речке рядом с серебристой плотвой, и все склонялись перед этим добрым человеком. Медведи зимой

грели ему ноги. Птицы тучами спускались к нему. Он отдыхал в горах и лесах и большую часть времени проводил подле вот этого большого озера, но все же часто уходил в города и

села, чтобы попробовать научить и других людей счастью любви. Раз он пришел к этим синим водам весь в ранах, измученный и избитый. Начальник огромного города, Милана, человек властный и жестокий, рассердился на него за то, что он вмешивается в его дела и учит его рабов пустякам, когда они должны работать. Злой начальник города заключил доброго человека в тюрьму, потом велел его избить и бросить за городские стены. Там добрый, конечно, умер бы, если бы не пришли собаки и не зализали его ран, если бы не прилетели вороны и голуби и не принесли ему хлеба и зерен; если бы сова не притащила в своем крючковатом клюве воды и не освежила его запекшихся губ. Его испалило бы солнце, но цветы и растения прикрыли его своими листьями и бросили на него густую тень. Он метался в бессоннице, но соловьи и малиновки убаюкали его своими песнями. Когда же на следующий день он добрался до реки, подплыли бобры, подставили ему свои спинки, так что он мог лечь на них, и отнесли его к берегам этого озера.

Здесь он лежал и думал, все думал, и в его душе собиралась горечь невыплаканных слез, мука большая, но не ядовитая, потому что к ней примешивалась любовь, ведь, страдая, он страдал за людей, а не за себя. Раз он понял, что к нему подходит смерть. Тогда святой при-

звал всех животных, всех птиц и рыб, все растения, которые были поблизости и могли откликнуться на его зов, и благословил их. Своей властью он каждому цветку, каждой травке дал душу — духа; животным же и рыбам — разумение и речь, вздохнул, и его святая душа улетела к небу, а там, где лежало его тело, вырос страстоцвет. Годовщина его смерти сделалась нашим праздником, праздником духов растений и цветов; ведь, так сказать, это день нашего рождения. Позже, гораздо позже, меня избрали королевой... для порядка, — прибавила Роза. — Сок страстоцвета дает человеку, выпившему его, способность понимать язык зверей и птиц, потому что тот, добрый, хорошо понимал речь всей природы. Прежде всякий, когда-либо выпивший несколько капель страстоцвета, начинал говорить со всеми живыми существами, но потом люди стали употреблять такие знания во зло, а потому теперь они только раз в год могут приобретать великий дар и раз же в году, вступив на наш зеленый холм в полночь, получают возможность видеть нас... Но рвать страстоцвет — грех... Это «его» цветы... Вот и все. Теперь смотри. Добрый же предсказал нам, что со временем тот, один из духов растений, которому удастся собрать семьсот семьдесят семь различных камешков, руками существа, никогда никому не сделавшего зла, образует на этом большом озере острова, и острова эти превратятся в царство цветов.

Говоря это, королева взяла камешки, собранные Карлетто, и бросила их в озеро. И на глазах изумленного мальчика среди синих волн выросли прекрасные цветущие острова.

Где-то далеко часы пробили пять.

— Загорается утренняя заря. Наши невиди-

мые часы бьют, — сказала Роза. — Прощай, Карло, я знаю, то, что ты хочешь — исполнится. — И королева Роза поцеловала Карлетто в голову, его глаза невольно закрылись, и неудержимый сон овладел им.

— Что с тобой? Как ты сюда попал? Почему ты такой бледный? Почему не вошел в дом, а лежишь в саду на траве? — услышал Карлетто знакомый милый старый голос.

Мальчик открыл глаза. Он лежал в саду бабушки, а сама старая Карола тревожно склонилась над ним. Потрясенный всем, что он видел и пережил, бедный Карлетто в первый раз в жизни рассказал бабушке, как плохо обращалась с ним Альба-Роза. Рассказал и все остальное. Все, что касалось мачехи, Карола вполне поверила, так как знала, что Карло никогда не лжет, а рассказ о странных событиях в лесу сочла сном или бредом. Из уважения к бабушке Карлетто не стал спорить с ней, но в душе остался при особом мнении.

Нужно ли говорить, что Карло не вернулся в Монте-Виво? Больше: Карола купила у Альбы-Розы за большие деньги Чукко и Неве, и старые друзья Карлетто счастливо дожили свой век в Комо.

Принцесса и ежик

— Да, я не знаю, что нам делать, — в двенадцатый раз сказала королева.

— Все, что мы ни сделаем, окончится несчастьем, — мрачно ответил король. — Ты сама это увидишь.

— Ах, дорогой! Я знаю, что увижу, — со вздохом подтвердила королева.

Бывают разнородные несчастья, и невозможно знать заранее, каким путем или в каком образе явится то или другое из них, но иногда случаются такие вещи, после которых несчастье является так же неизбежно, как за днем ночь. Например, если дашь всей воде выкипеть из котелка, он непременно прогорит насквозь. Если сток из ванны закроешь и предоставишь воде свободно литься из обоих кранов, лестница дома, в котором эта ванна помещается, неизбежно уподобится Ниагарскому водопаду. Если оставишь свой кошелек дома, его не окажется в кармане, когда придется расплачиваться за проезд в трамвае. Если бросишь зажженную спичку на свое муслиновое платье, конечно, в дом явятся пожарные.

Также, если король не пригласит на крестины своей дочери злую фею, она все равно явится. Если он пригласит ее, — она тоже придет, а и то, и другое нехорошо для новой принцессы. Итак, что делать бедному королю? Одно остается: совсем не устраивать нарядных крестин и никого не приглашать по случаю

рождения дочери. Но ведь это значит — обидеть всех добрых фей? А что тогда будет?

Король Озиманд и королева перебирали все это и говорили друг другу, что их положение ужасно. Они в сотый раз возвратились к упомянутому разговору, сидя на дворцовой террасе, украшенной множеством гранатовых деревьев и олеандров в зеленых кадках и обнесенной мраморной балюстрадой, на которой пестрели красные, розовые, желтые и белые розы. По нижней террасе расхаживала кормилица с крошкой принцессой на руках. Королева восхищенным взглядом следила за малюткой, которая причиняла им столько забот.

— Милочка Озиманд, — обратилась королева к мужу, — скажи, тебе иногда хочется, чтобы мы были простыми, бедными людьми?

— Никогда, — очень решительно ответил король.

— А мне часто, — сказала королева. — Тогда на празднике в честь крестин нашей малютки были бы только мы с тобой да твоя сестра, и нам нечего было бы бояться... Ах, у меня явилась новая мысль...

Выражение черт короля доказывало, что он не предполагал, будто королева могла придумать что-нибудь полезное, но едва она произнесла три слова, его лицо совсем изменилось. Можно было бы сказать, что он насторожил уши, если бы его уши могли двигаться. Вот какие это были слова:

— Устроим тайные крестины.

— Как? — спросил король.

Королева на минуту задумалась.

— погоди, — медленно произнесла она. — Я придумала. Это будет в погребах. Ты знаешь, они великолепны.

— Да, мой прадед велел выстроить их.

— Мы разошлем приглашения, но они будут походить на счета из лавок. Разнести их поручим сыну булочника. Он славный мальчик. Еще вчера он так рассмешил мою малютку. Мы напишем: «Один каравай — 3 пенса. Уплата по возможности скорая». Это будет значить, что мы приглашаем одно лицо к трем часам дня;

по какому случаю послано приглашение — будет написано химическими чернилами на обороте «счета». Знаешь, — лимонным соком. И мальчик должен просить, чтобы ему позволили повидаться с хозяевами, как это делается, когда торговцы действительно желают, чтобы им поскорее заплатили по счетам. Раз его примут, он прошепчет только: «Полная тайна. Лимонный сок. Подержите над огнем». О, милый, скажи, что я придумала хорошо.

Король положил на балюстраду трубку с табаком, поправил съехавшую набок корону и нежно поцеловал королеву.

— Ты удивительная женщина, — сказал он, — ты придумала самую подходящую вещь. Но сын булочника еще очень мал. Можно ли ему доверять?

— Ему уже девять лет, — ответила королева, — и этот ребенок так умен, что порой мне кажется, будто он переодетый принц.

План королевы выполнили. Действительно, большие погреба разукрасили на славу (но, конечно, тайком: этим занимались друг короля, подруга королевы и еще несколько лиц, которым их величества доверяли). Когда все было кончено, вы ни за что не поверили бы, что это погреба. Белые атласные и бархатные драпировки покрывали стены; повсюду висели гирлянды из ароматных белых роз. Пол исчез под свежим дерном с белыми маргаритками. В воздухе стоял прелестный, свежий полевой запах.

Сын булочника разнес приглашения. На каждой бумажке простыми синими чернилами было написано:

«Королевская булочная
1 каравай — 3 пенса.
Просят уплатить вовремя».

И когда, по совету мальчика, получившие эти записочки подогревали их, они видели светло-коричневые буквы и читали:

«Король Озиманд и королева Елиза приглашают вас на крестины своей дочери, принцессы Озилизы, которые состоятся в среду, в три часа пополудни в дворцовом погребе.

Нам необходимо действовать очень тайно, из-за недобрых фей, а потому, пожалуйста, приезжайте в виде продавцов, желающих подать нам счета».

Поймите, король и королева не были очень богаты, а потому купцы со счетами не раз являлись во дворец, требуя уплаты денег. Но и большинство подданных Озиманда тоже не обладало богатствами, а потому граждане и поселяне сочувствовали своему властелину, а властелин сочувствовал своим подчиненным.

Легко себе представить, как волновались все приглашенные на крестины принцессы и какие хлопоты и приготовления начались в семьях, осчастливленных королевским вниманием. Министр юстиции оделся башмачником; главнокомандующий армией — продавцом мяса для собак; первый министр — портным.

Переменили свою наружность и добрые феи, которых, понятно, пригласили раньше всех остальных гостей. Беневолла, королева добрых фей, приняла вид лунного луча, который может, не возбуждая вопросов, проникать решительно во все дома. Ее помощница, Серена, оделась летучей рыбкой; все остальные тоже были одеты мило и со вкусом.

Лицо красавицы королевы сияло счастьем; король имел мужественный вид, и все гости, в один голос, нашли, что они еще никогда не

видали такой прелестной малютки, как ново-рожденная принцесса.

Каждый доставил во дворец хорошенький подарок крошке Озилизе. Феи поднесли ей обычные дары: красоту, грацию, ум, очарование и т. д.

Казалось, все шло отлично. Но не то было на самом деле.

Адмирал не нашел достаточно широкого поварского костюма, который прикрыл бы его адмиральский мундир. Кусочек золотой эполеты выглянул из-под белого передника, и злая фея Малеволла заметила это, когда он подходил к черному крыльцу дворца. Сама она сидела подле нижней ступени и караулила, приняв на этот случай вид бродячей собаки без ошейника.

Заметив блеск эполеты, Малеволла так обрадовалась, что от восторга чуть не выскочила из собачьей шкуры.

— Ого! — произнесла она и фыркнула чисто по-собачьи. — Нужно посмотреть, в чем тут дело.

Она тотчас же превратилась в жабу и пробралась в трубу, по которой вода из котла подземелья стекала в ров замка.

Этот котел доставил много хлопот во время украшения погребов. Его хотели спрятать, но это не удавалось. Наконец неуклюжую вещь решили украсить: котел закрыли зеленым мохом и посадили в него крошечную цветущую яблоньку. Вышло прелесть как мило.

Малеволла быстро переменяла свою наружность и, приняв вид крота, прорыла ход сквозь землю, наполнявшую котел, и наконец выставила наружу свой носик как раз в ту минуту, когда нежный голос Беневоллы произнес:

— Принцесса всю свою жизнь будет любить и пользоваться всеобщей любовью.

— Да, — произнесла Малеволла, принимая свой истинный образ, что вызвало возгласы всего собрания. — Молчи ты, глупая кукушка, — сказала она, обращаясь к лорду-канцлеру. — Не то я и тебе поднесу подарочек.

Мгновенно воцарилась тишина.

Королева Елиза, которая при первых же словах Малеволлы прижала к груди свою малютку, сказала:

— О, милая Малеволла, не надо...

А король пробормотал:

— Вы знаете, ведь это не званый вечер, даже не званое утро, просто случайно собралось несколько добрых друзей...

— Да, да, вижу, — ответила Малеволла и засмеялась злым смехом, от которого всем сделалось грустно на душе. — Ну, я тоже случайно зашла к вам, король и королева. Дайте-ка мне посмотреть на малюточку.

Бедная королева не решилась отказать Малеволле. Она, шатаясь, подошла к фее.

— Гм! — протянула Малеволла. — Ваша дочь будет красива, мила, и у нее будут все вздорные качества, которые ценят глупые люди, об этом успели позаботиться дурочки добрые феи. Но ее выгонят из вашего королевства; она явится к своим врагам без провожатых или помощников, и она не получит своего королевства обратно, пока... пока...

Малеволла не знала, что бы придумать еще.

— Пока к ее услугам не явится тысяча стрел, готовых служить ей, и только ей одной!

Это сказала очень молоденькая фея, которая сидела на молодой яблоньке, прячась между бело-розовыми цветами. Теперь она спорхнула на пол и продолжала:

— Я еще очень молода, я знаю это; я только что прошла первый курс училища фей,

однако знаю, что, когда фея, произнося недоброе заклинание, остановится больше чем на полсекунды, другая волшебница может изменить его. Ей нужно только достаточно скоро досказывать фразу по-своему. Ведь так, ваше величество? — обратилась она к Беневоле.

— Да, — ответила королева фей, — только это такой старинный закон, что многие совсем позабыли о нем.

— Ты считаешь себя невесть какой умной и ловкой, — заметила Малеволла, — но в сущности ты просто-напросто глупа. Ведь я именно позаботилась о том, чтобы у нее не было сторонников и помощников. Ни один человек не поддерживает ее во время боя, а потому она потеряет свое королевство. Прелесть как будет весело. — И злая Малеволла с удовольствием потеряла руки, а все остальные залились слезами.

— Ну, ничего, — сказал, наконец, король и вытер свои заплаканные глаза хвостиками от горностаев. — Это случится еще не так-то скоро, а может быть, и никогда не случится. Ну, если вы, Малеволла, уже все сказали и вам не угодно покушать или хотя бы выпить чашку чая, позвольте проститься с вами, пожелав вам счастливого пути.

Он говорил очень вежливым тоном и сам открыл дверь для недоброй феи. Она засмеялась и ушла.

Конечно, все случилось, как предсказала Малеволла. Король постарался подготовить принцессу к ожидавшей ее борьбе. Он научил ее ездить верхом, фехтовать, стрелять из лука и самострела, а также из пистолета, ружья, даже из пушки. Озилиза умела плавать, нырять; она быстро бегала, отлично боксировала, стала очень сильна.

Вообще это была прелестная молодая девуш-

ка. Много принцев приезжали во дворец ее отца, но когда они узнавали, что у нее нет никакого приданого, кроме даров, принесенных феями, а также о заклятии Малеволы, то тотчас же уезжали. Ни один из них не предложил ей своей руки и половины своего королевства.

И вот, наконец, случилась ужасная вещь. Продавцы, которые в течение многих лет не получали платы за проданные ими товары, решили обратиться к посторонней помощи. Они отправились к соседнему королю, поговорили с ним, и скоро к владениям короля Озимандиаса двинулось огромное войско; оно покорило всю его страну. Соседний король изгнал из покоренного королевства короля Озимандиаса и королеву Елизу, заплатил всем купцам по счетам, изгнал из королевства прежних властителей и принялся хозяйничать во дворце.

В то время, когда происходили эти события, принцесса гостила у своей тетки, королевы страны Орикалькия, за тридевять земель от королевства своего отца.

Между этими двумя странами не было правильной почты, поэтому, когда Озилиза вернулась домой с караваном из пятидесяти пяти верблюдов (прибавлю, что принцесса ехала очень медленно), она надеялась увидеть на домах разноцветные флаги, на мостовой ароматные цветы и услышать звон церковных колоколов. И ошиблась.

Улицы были мрачны, пустынные. Лавки стояли закрытые по случаю полупраздника, и Озилиза не увидела никого из своих знакомых.

Она оставила пятьдесят четыре верблюда, нагруженных подарками тети, подле городских ворот, а сама на своем любимом верблюде поехала ко дворцу.

«Может быть, папа не получил моего пись-

ма, которое я послала ему», — думала принцесса.

Наконец она подъехала ко дворцу, соскочила с верблюда и вошла в первую залу. Тут на троне ее отца сидел чужой король, а рядом с ним, на месте ее матери, была чужая королева.

— Где мой отец? — спросила смелая принцесса. — И что вы тут делаете?

— Это мне следовало бы спросить вас, — сказал король. — Да скажите, кстати, кто вы такая?

— Я принцесса Озилиза, — ответила она.

— О, я слыхал о вас, — проворчал король. — Вас давно ждали. Теперь же ваш отец изгнан... и я не могу дать вам его адреса.

Как раз в эту минуту кто-то шепнул королеве, что пятьдесят четыре верблюда, нагруженные шелком, бархатом, обезьянами и попугаями, а также самыми великолепными сокровищами Ориклии, стоят подле городских ворот. Она подумала немножко и что-то шепнула королю, а тот кивнул головой и сказал:

— Я хочу издать новый закон.

И все упали ниц. В этой стране глубоко чтит законы.

— Никто не объявлял, что Озилиза имеет право владеть чем-нибудь в этой стране, — сказал король. — Она чужая; прогоните ее.

И принцессу выгнали из дворца. Она ушла в сад и плакала, плакала. В этом парке она когда-то была так счастлива!

И вот сын булочника, теперь уже взрослый, красивый молодой человек, проходил через садовую площадку; он увидел, что подле цветущих олеандров кто-то плачет, подошел и сказал:

— Полно, приободритесь.

И в эту минуту узнал принцессу.

— О, принцесса, — прибавил он, — не горюйте.

— Как мне не горевать, сын булочника, — ответила Озилиза (она тоже узнала его). — Как могу я не плакать, когда меня изгоняют. Подумай: у меня даже нет адреса моего отца и мне придется воевать с моими врагами одной, совсем одной.

— Это неверно, — ответил сын булочника (его звали Эринак), — а я-то! Если вы позволите мне быть вашим оруженосцем, я пойду с вами на край света и помогу вам сражаться с вашими врагами.

— Тебе этого не позволят, — печально сказала принцесса, — но все-таки я очень, очень тебе благодарна.

Она отерла глаза платком и прибавила:

— Теперь я должна уйти, но идти мне некуда.

А во дворце происходило следующее: как только Озилизу прогнали, королева сказала:

— Лучше было бы, если бы ты объявил, что она изменница, и велел ей отрубить голову.

Король же ответил:

— Хорошо, я велю лучникам убить ее; они ее увидят, когда она пойдет из сада.

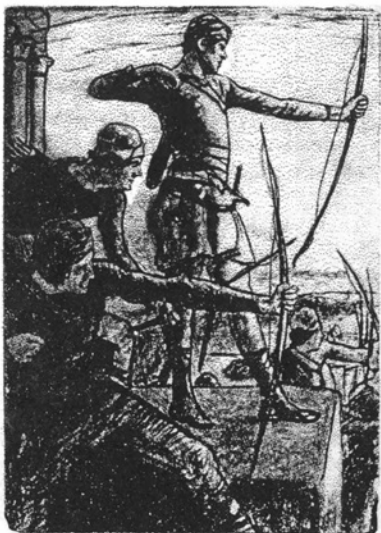
Поэтому, едва Озилиза отошла от олеандров, кто-то на террасе закричал:

— Вот она!

И тотчас же град стрел посыпался в сад. Эринак кинулся к Озилизе, схватил ее в охапку и повернулся спиной к стрелам. Королевских лучников было много, целая тысяча. И все превосходные стрелки. Эринак упал. Тысяча стрел вонзилась в его спину.

— Вот и последний мой друг погиб, — со слезами молвила принцесса.

Она была очень сильна, а потому отнесла

Эринака в кусты, подальше от дворца, потом протащила в лес и там стала громко призывать к себе королеву фей Беневола.

Беневола явилась.

— Моего лучшего друга убили, — сказала Озилиза. — Должна ли я вынуть стрелы из его тела?

— Если ты это сделаешь, он изойдет кровью, — ответила Беневола.

— А если они останутся в его спине — он умрет, — проговорила принцесса.

— Ну, это еще вопрос, — возразила фея. — Дай-ка я пообрежу их (и она действительно

укоротила стрелы своим волшебным перочинным ножом). Теперь, — продолжала Беневола, — я сделаю все, что возможно, только боюсь, это будет неприятно вам обоим. Эринак, — обратилась она к неподвижному сыну булочника, — приказываю тебе, едва я исчезну, превратиться в ежа. Еж, — объяснила она Озилизе, — единственное существо, способное жить с тысячью стрелами в спине. Да, конечно, я знаю, существуют еще дикобразы, но о них не стоит говорить: у них очень дурные манеры. Однако теперь до свидания.

И она исчезла.

Эринак тоже исчез, и Озилиза осталась совсем одна; только в зеленой траве копошился коричневый ежик со спинкой, усаженной частыми колючками.

— Ах, Бог мой, — сказала принцесса, — вот и опять со мной нет никого; сын булочника пожертвовал за меня жизнью, но моя-то собственная жизнь ровно ничего не стоит.

— Она дороже всего в мире! — прозвучал какой-то тонкий, но звонкий голосок.

— Да ты умеешь говорить?! — повеселев, сказала Озилиза.

— Почему бы мне не разговаривать? — ответил ежик. — Я только принял наружный вид ежа. А в сущности, я по-прежнему Эринак. Вот что, принцесса, поднимите-ка меня концом вашего плаща. Только осторожнее! Не уколите ваших милых пальчиков.

— Ну, ну, помни, без нежностей! — сказала принцесса. — Даже наружность ежа не оправдывает таких вольностей.

— Извините, принцесса, — ответил ежик, — но я не могу не быть откровенным. Только одни люди лгут и притворяются, а все звери, птицы, рыбы искренни, откровенны и всегда го-

ворят правду. Теперь у меня язык ежа, и он может только говорить искренно и правдиво. А говоря правду, я люблю вас, принцесса, люблю больше всего в мире.

— Ну, — сказала принцесса, — раз ты теперь еж, кажется, я должна позволить тебе любить меня; и я тоже тебя полюблю, как, бывало, любила своих золотых рыбок и собачек. Итак, ты мой милый, дорогой ежик!

— Молчите! — сказал еж. — Помните, что во мне живет душа сына булочника. Я только по наружности — еж. Поднимите же меня, милая принцесса, и пойдемте бродить по белу свету, искать счастья.

— Мне кажется, прежде всего я должна постараться отыскать моих родителей, — ответила принцесса.

Тем не менее она взяла ежика в полу своего плаща и пошла с ним в лес.

На ночь их приютил дровосек в своем доме. Дровосек был очень добр; он сделал из буковых дощечек ящичек, в котором Озилиза могла носить своего ежа. Работая, дровосек сказал принцессе, что почти все подданные ее отца по-прежнему преданны Озиманду, но они не хотят за него сражаться, так как поднять оружие ради Озиманда было бы все равно, что вступить за Озилизу, а этого они сделать не имели сил вследствие заклятия Малеволы.

Итак, принцесса посадила своего ежа в коробочку и пошла дальше отыскивать Озиманда. После многих приключений, которых перечислять мы не будем, она, наконец, нашла своих родителей. Они жили очень скромно в небольшом, довольно уединенном доме. Сильно обрадовались при виде дочери, но, услышав, что Озилиза собиралась вернуть утраченное королевство, король сказал:

— На твоём месте, дитя мое, я не стал бы хлопотать об этом. Мы очень счастливы. Мне дают небольшую королевскую пенсию, а твоя мать стала очень хорошей экономной хозяйкой.

Королева вспыхнула от удовольствия и сказала:

— Благодарю тебя, милый Озиманд. Но знаешь, Озилиза, если бы тебе удалось выгнать из нашего королевства этого дерзкого чужого короля я, конечно, стала бы теперь лучшей королевой, чем была прежде. Я учусь домоводству по книге «Подарок молодым хозяйкам».

Принцесса расцеловала своих родителей и ушла в сад, чтобы хорошенько обдумать все. Но сад был мал, да еще весь завешан сохнувшим бельем. Поэтому она вышла на дорогу; но по ней шло множество нянек с детскими колясочками, которые поднимали сильную пыль. Даже мокрое белье на веревках было лучше пыли, и Озилиза вернулась в садик и села на траву в белой аллее, состоявшей из скатертей и простынь. В то же время она вынула ежа из коробочки. Он лежал там, точно шарик, но она стала гладить зверька по его мягкому лобику. Если приглядишься хорошенько к свернувшемуся в комок ежу, всегда заметишь маленький кусочек его лба. Ежик распрямился и сказал:

— Я задремал, дорогая принцесса. Я вам нужен?

— Только ты один знаешь решительно все обо всем, — сказала она. — Я не говорила отцу и матери о тысяче стрел. Ну, что ты мне посоветуешь?

Эринаку было лестно, что Озилиза спросила его совета; только, к несчастью, он ничего не мог придумать.

— Не знаю, принцесса, — сказал он, — ведь я могу делать только то, что в силах сделать

еж. А это не много. Понятно, я могу умереть ради вас, но это не принесет вам ни малейшей пользы.

— Ни малейшей! — повторила она.

— Хорошо, если бы я стал невидимкой, — задумчиво сказал еж.

— Ай, ай! Где ты? — вскрикнула Озилиза, не видя ежика.

— Тут, — слышался тонкий голосок. — Вы меня не можете видеть, зато я вижу все, что хочу. И я вижу, что нам нужно сделать. Я заползу в мой ящик; вы же под видом старой француженки-учительницы с хорошими аттестатами отправьтесь по объявлению, которое чужой король поместил в «Розовом журнале».

Королева Елиза помогла принцессе переодеться (она ни за что не сделала бы этого, если бы знала об истории с тысячью стрел), а Озиманд дал Озилизе денег на железнодорожный билет. Поэтому принцесса быстрехонько прикатила в бывшее королевство своего отца.

Злой король, захвативший трон Озиманда, тотчас же пригласил к себе на службу старую француженку, с тем чтобы она выучила его повара и поварих читать французскую поваренную книгу; ведь лучшие способы готовить кушанье придумывают во Франции. Понятно, он совсем не узнал принцессы. Уроки французского языка бывали от шести до восьми часов утра и от двух до четырех дня; все остальное время учительница была свободна. В незанятые часы она гуляла по дворцовому парку, разговаривая со своим ежиком-невидимкой. Разговоры касались решительно всего в мире, и ежик оказался отличным собеседником.

— Почему ты стал невидимкой? — спросила его раз Озилиза.

— Думаю, это дело Беневолы, — ответил

он. — Вообще же мне кажется, что, если сильно, очень сильно пожелаешь чего-нибудь, желание непременно исполнится.

На пятьдесят пятый день еж сказал:

— Теперь, моя милая принцесса, я начну стараться вернуть вам ваше королевство.

На следующее утро король пришел пить кофе с забинтованным лицом и сердитый-пресердитый.

— В этом дворце — нечистая сила, — сказал он. — В полночь на мое лицо упал какой-то страшный колючий шар. Я зажег спичку, но ничего не увидел.

Королева же ответила:

— Какие пустяки! Тебе просто приснился дурной сон.

Но на следующее утро и она вышла пить кофе с обвязанным лицом. А ночью по лицу короля снова катался колючий мячик. Потом наступила очередь королевы. Затем обоих раз кололи и царапали невидимые иголки. Они не могли спать, лежали не смыкая глаз и думали о своих недобрых делах. Вдобавок через каждые пять минут какой-то тоненький голосок повторял:

— Кто украл королевство? Кто убил принцессу?

Наконец король и королева застонали от муки.

И вот королева прошептала:

— Зачем мы убили принцессу!

А король прибавил:

— Я только что думал об этом.

На следующий день король сказал:

— Не знаю, хорошо ли мы сделали, что присвоили это королевство? Ведь у нас были отличные собственные владения.

— Я только что думала об этом, — заметила королева.

Их руки, шеи, лица, уши — все было искорото, все жестоко болело, и они очень ослабели после долгих бессонных ночей.

— Знаешь, — предложил король, — поправим дело; напишем Озиманду, что он может вернуться в свое королевство; оно мне страшно надоело.

— Хорошо, — согласилась королева. — Вот только принцессу мы не можем оживить, мне так хотелось бы сделать это.

И она заплакала; слезы покатились из-под бинтов королевы и упали в ее рюмку с яйцом всмятку (в это время король и королева за-втракали).

— Ты действительно хочешь этого? — снова прозвучал голосок. — Отвечай «да» или «нет».

— Да, — сказала королева. — Не знаю, кто ты, говорящий со мною, но повторяю: да, да, да. Прямо не понимаю, как могли мы сделать такое ужасное дело?

— Я и сам не понимаю, — вторил ей король.

— Пошлите за француженкой, — произнес голосок.

— Позвони, мой дорогой, — попросила королева, обращаясь к королю. — Мне кажется, это голос нашей совести, — прибавила она, — я часто слыхала о нем, но сама не была с ним знакома. — Король дернул за украшенную драгоценными камнями сонетку; вошло десять лакеев в зеленых, расшитых золотом костюмах.

— Позовите сюда мадемуазель, — приказала им королева.

Лакеи нашли «француженку» подле мраморного бассейна. Она стояла и кормила золотых рыбок. Десять зеленых фигур наклонились; ла-

кеи передали «француженке» приглашение королевы.

Она тотчас же отправилась в столовую со светло-розовой атласной мебелью и там увидела короля и королеву, обмотанных марлевыми бинтами.

— Что угодно вашим королевским милостям? — с низким поклоном спросила она.

— Голос совести велел нам послать за вами, — ответила королева. — Скажите, нет ли во французских книгах указаний, как оживляют застреленных принцесс? Если есть, пожалуйста, переведите их нам.

— Такое указание есть, — задумчиво ответила принцесса, — и способ очень прост. Взять короля, королеву и голос совести. Поместить в розовую богатую столовую; прибавить туда же кофе, яйца, свежих булочек и взрослую учительницу-француженку. Короля и королеву следует предварительно хорошенько исколоть и окутать бинтами. Голос совести должен быть очень отчетлив.

— И все? — спросила королева.

— Да, почти, — сказала «француженка», — только еще необходимо завязать глаза королю и королеве и продержать их так, пока голос совести не просчитает до пятидесяти пяти. Считать он должен очень медленно.

— Пожалуйста, — попросила королева, — завяжите нам глаза нашими салфетками. Только сложите их поосторожнее. У нас очень болят носы, щеки, губы, а королевские вензеля на салфетках жестки, потому что они вышиты мелкими жемчужинами.

— Не беспокойтесь, — ласково сказала «учительница».

Как только она завязала королю и королеве глаза, голос совести начал:

— Раз, два, три...

Озилиза сбросила с себя костюм старухи: из-под альпака, усеянного черными и лиловыми горошинами, вышла стройная принцесса в се-ребристом платье. Она кинула костюм французской учительницы на камин; седой парик — в чайный котелок; митенки — в кофейник; башмаки с резинками — в угольный ящик и успела сделать все это, пока голос совести, то есть ежик, шептал:

— Пятьдесят три, пятьдесят четыре, пятьдесят пять...

Королева и король сняли повязки — и что же? Перед ними стояла принцесса, живая, здоровая, розовая, та принцесса, которую, как они думали, убила тысяча стрел тысячи лучников.

Не успели они еще и губ раскрыть, как принцесса сказала:

— Здравствуйте, ваши королевские милости! Я боюсь, что вам снились недобрые сны. Мне тоже грезились ужасы. Забудем об этом. Надеюсь, вы еще поживете во дворце моего отца? Добро пожаловать! Мне грустно, что вас обидели.

— Мы заслужили это, — сказала королева, — и до нашего слуха дошел голос совести. Пожалуйста, простите нас.

— Довольно, — ответила принцесса. — Я хочу, чтобы мне заварили нового чаю и приготовили яиц. Эти-то совсем остыли. Мы начнем завтрак сызнава. Ах, как мне жаль, что у вас лица так болят!

— Если вы их поцелуете, — сказал голос, который король с королевой называли голосом совести, — все у них пройдет.

— Можно? — спросила Озилиза и поцеловала короля в ухо, а королеву в самый кончик носа; больше она ни до чего не добралась: все закрывали повязки.

И тотчас же все раны на их лицах зажили.

Все отлично позавтракали. Потом король велел придворным собраться в тронной зале и там объявил, что раз принцесса явилась и потребовала королевство своего отца, они уедут домой в четверг с трехчасовым поездом.

Поднялся радостный крик. Город разукрасили флагами; вечером устроили блестящую иллюминацию. Флаги развевались на каждом доме, колокола звонили; все было так, как ждала принцесса, когда она вернулась на родину с пятьюдесятью пятью верблюдами. Сокровища, привезенные на этих вьючных животных, были отданы принцессе; вернули ей и верблюдов.

Озилиза проводила короля и королеву, и они очень ласково простились с ней. Видите ли: они были не вполне дурные в душе, но до сих пор у них не было времени хорошенько подумать. А когда им пришлось не поспать, они стали думать, а голос совести подсказал им, о чем они должны поразмыслить.

Когда король и королева уехали, Озилиза послала телеграмму своим:

«Приезжайте. Дворец свободен. Жильцы уехали. Озилиза».

И они немедленно явились.

Принцесса рассказала родителям всю историю. Они расцеловали дочь и назвали ее освободительницей родины.

— Я-то ровно ничего не сделала, — сказала принцесса, — это устроил Эринак, и...

— А как же, — прервал ее король, — феи говорили, что ты не вернешь себе королевств-

ва, пока в мире не найдется тысячи стрел, готовых служить тебе, тебе одной.

— В моей спине — тысяча стрел, и все они служат и будут служить только принцессе Озилизе, — произнес тонкий голосок.

— Ах! — вскрикнул король. — Этот голос, звучащий из пустоты, действует мне на нервы.

— Я тоже не могу к нему привыкнуть, — поддержала мужа Елиза. — Нужно будет выстроить золотую клетку для зверька. Но мне так хотелось бы, чтобы он стал видимым.

— И мне тоже, — с жаром проговорила Озилиза.

Мгновенно перед ней очутился ежик с острой мордочкой, умными глазками, круглыми ушами и колючей спиной.

Еж поднял свой подвижный носик, посмотрел на принцессу, но молчал.

— Скажи что-нибудь теперь, — попросила его королева. — Мне хочется видеть говорящего ежа.

— Если я заговорю, я буду говорить правду, — сказал Эринак. — Принцесса всем сердцем пожелала, чтобы я стал видим. Это было ее самое сильное желание, которое не могло не исполниться, и мне жаль, что она не пожелала лучше чего-нибудь хорошего для себя.

— Это было такое желание, которое не могло не сбыться? Я не знала, милый мой, милый еж, не то я пожелала бы, чтобы к тебе вернулся твой собственный образ.

— Тогда вы увидели бы мертвого Эринака, — ответил ежик. — Ни один человек не мог бы остаться жив с тысячью стрел в теле, а вспомните: в мою спину вонзилась тысяча стрел.

Принцесса залилась слезами.

— О, ты не можешь оставаться ежом, — сказала она. — Это несправедливо, я не вынесу этого. Ах, мама! Ах, папа! Ах, Беневол!

В ту же минуту появилась Беневол, маленькая, в ослепительно блестящем платье, с голубыми крыльями за плечами. Эти крылья походили на крылышки огромного мотылька; прелестную головку феи окружал венок из лучей голубоватого света.

— Ну, что? — спросила Беневол.

— О, ты знаешь все, — сказала Озилиза,

продолжая плакать. — Я высказала то желание, которое не могло не сбыться, во второй раз этого сделать нельзя, а он все еще — еж. Не можешь ли ты помочь нам?

— Я не могу, а ты можешь, — ответила фея. — Помнишь, как ты вылечила короля и королеву от всех укулов игл ежа?

— Она не может целовать ежей, — заметила Елиза, — это неприлично. Кроме того, она уколёт губы о его колючки.

Но ежик поднял свою умную острую мордочку, и принцесса взяла его на руки. Она уже давно научилась поднимать ежика без вреда для своих пальцев. Озилиза заглянула в его блестящие, черные, как бисерины, глазки.

— Я поцеловала бы каждую твою иголку, — сказала она, — чтобы только тебе было хорошо.

— Поцелуй меня только раз в мягкую шерстку, — сказал зверек. — Этого вполне достаточно.

Она наклонилась и поцеловала ежа в голову между глазками.

И тотчас же перед ней очутился молодой человек; ее руки лежали на его плечах, губы прижимались к его белому лбу, а под его ногами лежало множество стрел.

Озилиза отшатнулась от него.

— Эринак, — сказала она, — ты не прежний... ты не походишь на сына булочника.

— Пока я был ежом-невидимкой, я знал решительно все, теперь же моя мудрость пропала, но я помню две вещи: во-первых, что я королевский сын. Бессовестный булочник украл меня в раннем детстве из королевского дворца и воспитал. Мои родители умерли, и мой народ ждет, чтобы я вернулся и занял пустой трон.

— Ах, не уезжай! — вскрикнула принцесса. — Что буду я делать без моего ежика?

Эринак, красивый, царственно-величавый, молча смотрел на нее.

— А что же еще узнали вы, когда были ежом? — с любопытством спросила королева.

Эринак ответил не ей, а Озилизе:

— Я узнал, принцесса, что люблю вас.

— А ты... вы не узнали еще одного, Эринак? — спросила принцесса, опуская глаза.

— Да, узнал. Но «это» должны сказать вы, а не я.

— О, — вскрикнула принцесса, — значит, вы знали, что я люблю вас?

— Ежи умные зверьки, — сказал Эринак, — но я узнал это, когда вы сами сказали мне...

— Я сказала?..

— Я узнал, когда вы поцеловали меня в мою острую мордочку.

— Боже милостивый! — прошептал король.

— Да, да, — заметила Беневола, — только на вашем месте я никого не пригласила бы на свадьбу.

— Кроме тебя, милая фея, — сказала королева.

— Да, потому что я случайно проходила мимо, — ответила Беневола. — И, знаете, — прибавила она, — не следует терять времени. Не приказать ли начать свадебный обряд?

Инфанта Инеса

С испанского

Инфанта Инеса была хороша, как самый лучший цветок в мире, всегда нарядна, как блестящая бабочка, и весела, как птичка на воле. Самоцветные камни украшали ее шею, блистали на тонких пальчиках; нити крупных жемчугов переплетались с прядями ее иссиня-черных волос. Она редко касалась земли, потому что куда бы ни шла красавица принцесса, четверо слуг, исполинов-негров, несли за нею богатыйшие смирнские ковры и расстилали их перед ее обутыми в багдадский сафьян ножками. Когда инфанта ложилась спать, одни красивые прислужницы нежно играли на маленьких египетских арфах колыбельные мелодии, навевавшие на нее сон, или пели не слишком печальные и не слишком веселые песни, чтобы сладкие, но не волнующие сновидения спускались к ней с лазоревых небес; другие в это время без усталости обведали Инесу опахалами из павлиньих перьев, чтобы ей не было жарко, тогда как старая дуэнья всю ночь поддерживала легкий огонь в золотой, привезенной с острова Крита, курильнице, распространявшей в комнате сладкий, тонкий аромат.

У короля и королевы не было других детей, и все их заботы устремлялись на Инесу, «красу и гордость Испании», как ее называли придворные льстецы. Повторяю: действительно, трудно было найти девушку красивее Инесы, но от баловства ли родителей или от природы в ее груди билось далеко не нежное сердце, сердце,

не знавшее ни жалости, ни сострадания, ни любви. Да, как ни ужасно сказать это, Инеса не любила никого, даже свою бесхарактерную, боготворившую ее мать. Когда последний вечный сон смежил глаза королевы, инфанта даже не заплакала.

Между тем Филипп (помнится, короля звали так, впрочем, может быть, я и ошибаюсь; во всяком случае, какой он был Филипп по счету — не помню... Ну, все равно, мы будем продолжать давать ему это имя) воображал, что смерть матери глубоко потрясла его, как он называл, «нежную Инесу», и стал баловать ее больше прежнего. Теперь ей уже решительно не было ни в чем отказа, и стоило высказать какое-либо желание, чтобы оно тотчас же исполнилось.

Раз как-то она сказала:

— Я читала о странах, в которых на земле лежит снег, как у нас на вершинах гор; по нему ездят в санках на полозьях. Сделайте, чтобы у меня был снег.

Король призвал своих приближенных, те кликнули слуг. Ночью с высоких гор привезли несколько возов белого серебристого снега и разбросали его перед окнами принцессы; в то же время искусные мастера изготовили прекрасные саночки, сбрую с колокольчиками, полость из шкуры черного тибетского медведя и запрягли лошадей в зимний, до тех пор не виданный в Испании экипаж.

Стояли красивые лимузинские лошадки, позвякивали серебряные бубенчики, нетерпеливо встряхивали головами горячие животные, и высоко взлетали привязанные подле их ушей темно-бурые хвосты венгерских лисиц. Принцесса, точно нарочно, в этот день заспалась, а будить ее никто не смел; как на грех, солнце палило землю, и, когда около полудня Инеса вышла на крыльцо, снег превратился в грязь. Сказав: «Какая гадость», — инфанта ушла в свою комнату и весь день не показывалась. Зато, встав на следующий день еще позже, она увидела перед окнами своей комнаты блестящий снег, хотя солнце жгло землю еще сильнее, чем накануне. Инфанта села в санки и долго весело каталась, с наслаждением прислушиваясь к серебристому звону бубенчиков и колокольчиков. Она, конечно, не спросила, откуда взялся такой прочный снег, ни чуточки не растаявший от знойных лучей. Между тем всю ночь до самого рассвета сотни рабочих и работниц таскали к королевскому дворцу огромные кули соли и лопатами рассыпали ее на той площадке, которую принцесса пожелала превратить в снежное поле.

Второй раз было еще хуже. Инеса объявила: — Хочу видеть, как живой человек превращается в какую-нибудь вещь или как простая вещь делается человеком.

— Душенька, — попробовал возразить капризнице ее отец, — ведь ты же не ребенок; тебе семнадцать лет; ты должна понимать, что превращения совершаются только в сказках; пойми, что в жизни это невозможно.

— А я хочу, — отвечала инфанта.

Она твердила только одно слово: хочу, а когда ее уговаривали, приходила в бешенство, топала ногами, кричала, наконец, стала плакать. Слезы же принцессы казались королю таким ужасным несчастьем, что он всегда бывал готов на все, на величайший подвиг или на самую большую жестокость (конечно, только не относительно Инесы), чтобы «его радость» снова улыбнулась.

Король объявил величайшую награду тому, кто сумеет выполнить желание Инесы. Приходили искусные механики, приносили с собой фигурки на пружинах, которые действовали при помощи удивительно сложных скрытых механизмов. Например: стоит человек; нажмет механик пружину, и вместо человека на том же самом месте очутится осел. Инфанта смотрела, ей нравились игрушки, но она говорила:

— Ты ловкий человек, но где же превращение? Во-первых, и человечек, и ослик — куклы, а потом одна фигурка проваливается в ящик, составляющий подставку для нее, и в то же мгновение снизу выскакивает другая и занимает место первой... Отец, дай ему денег. Игрушка нравится мне, но она только игрушка, — мне же необходимо настоящее превращение.

И принцесса снова начала плакать. Филипп от печали терял голову. Наконец его старый доктор, мавр Гамид, сказал:

— Помнит ли ваше величество о старом ученом Хакиме, которого обвинили в чародействе и приговорили к сожжению на костре?

— Помню, а что? — спросил Филипп.

— Ваше величество даровали ему жизнь, заменив смертную казнь тюремным заключением; из уважения к учености Хакима ему дозволили продолжать заниматься науками, приказав давать узнику все нужное для его научных опытов с тем, однако, чтобы передаваемые ему в темницу предметы были предварительно окурены ладаном и, следовательно, не могли служить для волшебства. Мне сказывали, что в своем уединении Хаким достиг удивительных вещей. Может быть, он осушит драгоценные очи «красы и гордости Испании»?

Король с восторгом ухватился за эту мысль.

— Если только Хаким исполнит желание инфанты, я дарую ему свободу и награжу по царски.

Хакиму передали о желании Филиппа, предложив тотчас же переселиться во дворец. От этого Хаким отказался, потребовал только несколько помощников и механика — все немых; затем стекол, плавильные трубки, железные листы и еще не знаю какие приборы. Немые нашлись; нашлось и все необходимое для работы ученого мавра.

Через два месяца Хаким объявил, что все готово, что он произвел опыты и покажет принцессе превращение вещи в человека, но требует для этого соблюдения некоторых условий.

— Во-первых, — сказал Хаким, — в той зале, в которой я покажу чудо, должна стоять полная тьма. Во-вторых, принцесса обязана дать мне слово не двигаться с места, на которое я ее посажу, не делать попыток коснуться видений, вызванных мною, и в-третьих, на стене залы необходимо повесить цельный кусок белоснежного полотна. Наконец, я ставлю последнее

немаловажное условие: чудо будет произведено мною ровно один раз, затем я уничтожу аппараты, с помощью которых вызову его, в ту же ночь сяду на корабль и отплыву к берегам Африки.

(Нет сомнения, ученый мавр высказал последнее желание, опасаясь новых обвинений в колдовстве и чародействе.)

В назначенный вечер в большой зале королевского дворца потушили свет и в ее конце натянули белоснежное полотно, — целый огромный, широкий кусок без швов. Принцесса, ее придворные дамы, король и высшие сановники молча и неподвижно сидели в ожидании. Позади них в темноте что-то шипело, а Хаким знаками указывал своим немым помощникам, что следовало делать. Вот на белом полотне появился ярко освещенный круг. Зала наполнилась как бы жужжанием громадного насекомого, потом в середине светлого пятна вырисовался самый обыкновенный зонтик. Он начал расти, изменяться. Вот его рукоятка вытянулась, превратилась в шляпу, на палочке образовалось лицо, и мало-помалу простая, заурядная вещь превратилась в тонкую, смешно одетую женскую фигуру. Женщина эта повернулась к публике лицом, поклонилась, потом видение исчезло.

Как пораженные громом сидели придворные, король и все видевшие чудо. Когда же они опомнились и повернулись к магу, чтобы потребовать от него объяснений, ни его, ни его аппаратов, ни его помощников не нашли. Искать было негде, тем более что землю окутывала бархатная непроницаемая южная ночь. Когда настало утро, на горизонте увидели розовеющие в первых лучах солнца надутые паруса. Это Хаким уплывал на корабле к берегам своей далекой родины.

Странное явление до такой степени поразило инфанту, что она загрустила. Теперь уже сам король для ее развлечения предлагал те или другие подарки, но Инеса от всего отказывалась. Наконец, однажды утром, она пришла к отцу с такими блестящими глазами, что его сердце невольно дрогнуло от восторга.

— Отец, — сказала инфанта, — я видела во сне смешного-пресмешного карлика. Достань мне такого, и я перестану скучать.

— Ну, карлика достать не трудно, только скажи, радость моих очей, какого ты хочешь, и у тебя будет эта живая игрушка.

— Карлик должен быть маленький, но с длинной, очень, даже ужасно длинной бородой, которая достигала бы земли и, переброшенная через его плечо, на целую сажень волочилась бы за ним.

— Такого карлика достать труднее, — задумчиво сказал Филипп, опасаясь новых слез и капризов своей любимицы. — Но постараемся. Может быть, удастся угодить тебе.

В тот же день гонцы поскакали во все стороны Испании, даже отправились в соседние страны, и наконец, после многих неудач, через год один из посланцев вернулся в королевский дворец с карликом по имени Булетто. Он был маленький, толстенький, и его густая борода, закинутая через плечо, волочилась за ним на целую сажень. Смешной, маленький человечек дорожил этим украшением: мыл бороду, умащивал ее маслами, душил французскими ароматами. Принцесса была довольна; первые дни она любовалась своим Булетто, ласкала его, как собачку, закармливала сладостями, как ребенка, но через несколько времени принялась над ним смеяться и мучить его. Она заставляла бедного карлика танцевать до упада, прыгать в

кольцо, громко при нем называла его уродом, когда он говорил, что устал и не может больше на потеху ей бегать или кувыркаться, даже била его хлыстом.

Все это было худо и страшно жестоко, особенно потому, что первое время своего пребывания во дворце Филиппа карлик выказывал собачью привязанность к Инесе и даже, когда она стала так плохо с ним обращаться, долго выносил это молча, только с печалью глядя на нее. Раз жестокая девушка придумала новую забаву. Не зная, чем раздражить беднягу, она дернула его за бороду, которую он так берег и холил. Булетто с волнением упал перед ней на колени и стал просить не портить его бороды, единственного украшения, которым он, по его словам, дорожил, которым гордился. Инфанта в ответ только залилась бессердечным смехом и постаралась снова схватить его за бороду, но Булетто увернулся и побежал от нее. Однако на своих маленьких кривых ногах он не мог двигаться быстро. Принцесса догнала его, сжала ему руки, повернула лицом к себе и, схватив за длинную бороду, стала трепать ее.

Булетто отшатнулся, подпрыгнул и толкнул ее ногой, а когда, выпустив его бороду, она посмотрела ему в лицо, то невольно содрогнулась: карлик побелел, а его перекосившиеся от злобы черты стали безобразны и страшны.

В невольном ужасе инфанта отступила от Булетто, а он убежал во дворец и спрятался в каком-то темном коридоре. Три дня его никто не находил, когда же карлик снова появился, его трудно было узнать. Нельзя сказать, чтобы его лицо переменилось, черты остались те же, но прежде всякий, кто видел его, невольно думал: «Некрасив ты, маленький, бедный уродец, но у тебя такое печальное и кроткое лицо, что

тебя хочется приласкать и утешить». Теперь же при встрече с Булетто невольно напрашивалась мысль: «Какой злой и противный карлик».

С принцессой он перестал разговаривать. При других Булетто по-прежнему покорно исполнял ее приказания, но когда она оставалась с ним наедине и приказывала ему делать один из прежних фокусов, он ничего не отвечал, не шевелился, не возражал, точно не слыша ее слов; если она начинала кричать на него или бралась за хлыст, его устремленные на нее глаза вспыхивали необычайным зеленым огнем и он злобно щелкал зубами. Это почему-то до того пугало принцессу, что она оставляла его в покое. Жаловаться на Булетто она не хотела, ей мешало самолюбие. «Как я, краса и гордость Испании, — мысленно говорила она себе, — сознаюсь, что не могу сама проучить своего раба, маленького, негодного карлика? Нет, нет, пусть никто, даже отец, не знает, что я струсил, испугалась щелканья зубов маленького уродца. Нет, вот соберусь с духом и собственноручно расправлюсь с ним. Но как же его наказать?»

Долго думала об этом злая девушка, и так как при каждой новой встрече с Булетто страх все с большей силой овладевал ею, она начинала все сильнее и сильнее ненавидеть его. Досада на себя, ненависть к бывшему любимцу сделались, наконец, до такой степени невыносимы для принцессы, что она решила ценой чего угодно, хотя бы ценой преступления и злодеяния, избавиться от несносного чувства. Она задумала тайно убить Булетто, а затем сказать отцу и приближенным, что ее карлик куда-то пропал. Не удивляйтесь: ведь уже сказано, что у инфанты не было сердца, кроме того, она не смотрела на Булетто, как

на человека, а считала его скорее чем-то вроде живой игрушки или вредного, злого животного.

И вот в один день, когда во время полуденного зноя все во дворце отправились отдыхать в прохладных комнатах, Инеса вышла в патио (так называются внутренние дворики в испанских дворцах и в богатых домах) и села в тени, которая падала от большой гранитной чаши, принимавшей в себя струю прекрасного фонтана. Принцесса знала, что в этот час Булетто приходит к фонтану, молча стоит подле чаши, слушая говор и плеск падающей воды. Ждать ей пришлось не долго. Из дворца вышел Булетто. Едва он появился, зазвенела тетива, визгнула стрела и впилась прямо в его сердце. Он упал. Принцесса превосходно стреляла из лука, и много певчих птишек пало от рук этой недоброй девушки ради ее забавы.

— Готово! — бессердечно прошептала инфанта и подошла к бедному карлику, чтобы положить его в принесенный с собой мешок, в котором она собиралась унести его и кинуть в глубокий пруд дворцового парка.

Инеса наклонилась над карликом и в ту же минуту отшатнулась от него: на нее смотрели его живые, зеленые страшные глаза. Она попробовала повернуться, чтобы убежать. Не тут-то было: маленькие руки Булетто, точно когти, впились в ее плечи; его длинная борода, как живая змея, опутала ее ноги и закрыла ей рот; крик инфанты замер. И вот принцесса, к своему ужасу, почувствовала, что она отделяется от земли, что она летит, что карлик, одаренный новой волшебной силой, с быстротой ветра мчит ее куда-то. Внизу остался дворец; как в видении сна Инеса увидала далеко под собой голубое море. Потом прохладный туман охва-

тил ее. Она хотела крикнуть и не могла, хотела заплакать, но глаза ее точно окаменели...

Во дворце ужас и смятение: инфанта Инеса пропала и никто не знает, где найти ее. Филипп выходит из себя, теряя от отчаяния голову. Он то грозит карой всем и каждому, то обещает великие милости, если «краса и гордость Испании», а его «радость и счастье» найдется; то плачет, как женщина, ломая свои красивые белые руки.

Но никто и ума приложить не может, куда девалась принцесса. Была во дворце; привратник не сходил со своего места и не видел, чтобы кто-нибудь вышел из ворот; окружавшая дворец стража утверждала, что решительно никто не переправился через ров, окружавший старинное жилище короля. Словом, казалось, что принцесса сквозь землю провалилась. В общей суматохе сперва не подумали о карлике, когда же вспомнили о нем, то решили, что он с печали забился куда-нибудь в чашу парка и со временем покажется. Жив он или нет, никому не было дела, а потому о нем скоро совершенно позабыли.

Король Филипп призывал ясновидящих, астрологов, гадалщиков и гадалок, но никто из них не мог сказать, куда пропала принцесса. Одна только столетняя гадалка утешила короля, сказав:

— Твоя дочка, король, найдется. И знай: пройдя через плавильный котел, золото очищается; отшлифованный жесткой алмазной пылью камень начинает искриться небывало прекрасными лучами.

Что обозначали эти последние фразы, — от

старухи не добились. Сама же она или не могла, или не хотела объяснить их значения. Во всяком случае, первая половина ее ответа доставила королю некоторое утешение и зажгла в его измученном сердце искру надежды.

Тем не менее он продолжал разыскивать свою «радость» и расспрашивал всех и каждого о том, как бы найти ее.

Однажды в синем небе над королевским дворцом появилась белая точка, опустилась, и тогда все поняли, что это голубь. Он покружил над старинным мрачным строением, потом сел на перила той веранды, на которой полулежал измученный бессонницами Филипп. В те времена голубиная почта не составляла редкости, и король приказал осмотреть голубя, предполагая, что он принес письмо; действительно, под крылом птицы нашли привязанную трубочку, сделанную в неопушенной части гусиного пера, а в ней крепко свернутый кусочек тончайшей шелковой ткани. Ткань эту подали королю; он развил ее; на ней было написано по-испански:

«От Хакима Великому Филиппу, королю двух Испаний и Леона.

Раб твой, Хаким, освобожденный твоею милостью и вечно благодарный тебе, шлет привет и просит бросить печаль и уныние. Благородная инфанта Испании может быть найдена; но спасти и освободить ее в силах только тот, кому она не только никогда не причинила ни печали, ни огорчения, но еще и оказала какую-нибудь милость. Если в твоём королевстве найдется такой человек, будет ли то мужчина или женщина, — дай ему или ей оружие, снабди казной и поручи вернуть принцессу».

Далее в письме шли обычные пожелания, благословения и стояла подпись Хакима.

Король несказанно обрадовался, так как вполне доверял ученому мавру.

— Теперь, — говорил себе Филипп, — моя радость вернется во дворец; скоро я обниму мою дорогую Инесу.

Так думал король, но на деле встретились большие затруднения. Нужно было найти человека, которому инфанта не только не причинила ни одного огорчения, но и сделала что-нибудь хорошее; между тем таких не оказывалось. Лстить не приходилось, и один за другим придворные и приближенные дамы и девицы с грустью сознавались, что принцесса одного обидела своим насмешливым языком, у другой отняла что-либо ей дорогое. Кого ударила в детстве, кого оскорбила в расцвете юности. Обратились к людям, не знавшим лично Инесы; но и не зная их, инфанта сумела обидеть их или принести им вред. Те же, кому она не сделала ничего дурного, тоже не могли послужить королю, потому что принцесса никому не доставила ни счастья, ни хотя бы мимолетной радости.

Вот раз Филипп призвал самую любимую прислужницу Инесы, Зорадэ, мавританскую девушку, и гневно сказал ей:

— Тебя-то моя дочь наверно не обидела, я сам видел, как она дарила тебе вышитые золотом туники и украшенные золотыми монетами головные уборы.

— О, милостивый король, — ответила Зорадэ, — она украшала меня для удовольствия своих глаз; только ради того, чтобы у нее была сверстница и подруга игр, ты приказал привезти в твой дворец красивую мавританскую девушку, и курды напали на наш дом, разграбили его, отняли меня от моих родителей и продали греческим купцам.

Мне в то время было семь лет, но я отлично помню родной дом, родной оазис, нашу любимую верблюдицу с кротким верблюжонком, который знал и любил меня.

О, у меня не переставало болеть сердце в разлуке с моими родителями, с маленькими братьями и сестрами. Я просила принцессу пустить меня хоть ненадолго повидаться с ними; давала ей честное слово вернуться во дворец к назначенному сроку, а ведь мавританки не лгут, — гордо заметила она. — Инфанта меня не пустила... Суди сам, король, могу ли я отправиться в неведомый путь за принцессой с надеждой найти и освободить ее?

Король печально опустил голову; он уже решил сам ехать отыскивать дочь, хотя отлично помнил, сколько раз в тишине ночи готов бывал плакать из-за ее злости и капризов; но вот ему доложили, что его желает видеть молодой пастух в сильно потертом и грубом платье.

Филипп вышел к незнакомому молодому человеку и еле слышным голосом спросил его, что ему надо.

— Король, — ответил красивый пастух, — я тот, кого ты ищешь. Живя на высоких горных пастбищах, я не скоро узнал о случившемся несчастье и о том, кто может спасти добрую инфанту.

Король насторожился. Инесу при нем часто называли прекрасной, умной, находчивой, «красой и гордостью Испании», но никто никогда не заикался о ее доброте.

— Король, — продолжал пастух, — инфанта не только никогда ничем не огорчила и не обидела меня, но однажды порадовала, и с тех пор в душе моей живет ее прекрасный, светлый образ. Когда мне случалось слышать, что принцесса недобра и жестока, я всегда думал,

что говорят о какой-нибудь другой королевской дочери, а не о милой инфанте Инесе.

— Неужели? — радостным и вместе с тем дрожащим от опасения голосом спросил его Филипп. — Расскажи же все, как было.

— Я — сирота, не помню ни отца, ни матери; они были убиты горным обвалом в один и тот же день, и я даже в самом раннем детстве не знал ласки. Меня передавали с одних рук на другие; никто не любил меня. Я часто голодал, ходил всегда в отрепье и переносил жестокие побои. Вот однажды, когда мне было семь или восемь лет, я забрел к ограде сада твоего величества. Меня только что жестоко избили, и слезы одна за другой так и текли по моему, вероятно, чумазому лицу. Как попал я к королевскому саду, я и сам не знаю, но теперь верю, что меня привела к нему судьба.

Хотя рубцы на моем теле жестоко болели, я не мог не заглядеться на прекрасные цветы, которые окружали каменных красавиц; на пруды со светлой, как хрусталь, водой; на апельсины, лимоны, гранаты и персики, красовавшиеся в листве фруктовых деревьев.

Я стоял разинув рот. Вдруг кто-то засмеялся, да таким звонким смехом, какого я еще никогда не слыхивал; я посмотрел в ту сторону, откуда звенел этот прелестный смех, и увидел еще более прелестную малютку в белом кружевном облаке, в лентах, с кудрявой головкой и огромными глазами. Мне показалось, что это один из ангелов Божиих, сошедших на землю, но маленькая красавица объяснила, что она инфанта Испании Инеса и что ей семь лет.

— А мне казалось, что ты ангельчик или святая, — сказал я.

Это ей понравилось, и она спросила, почему у меня такие заплаканные глаза и грязное ли-

цо; я ответил, что меня только что побили; что я живу в том сарае, где хранят уголь, и что мне негде и некогда мыться, так как с самого утра и до позднего вечера меня заставляют работать.

Она посмотрела на меня, кажется, с удивлением и, когда я прибавил, что мне очень хочется есть, сорвала с одного дерева пару самых крупных апельсинов, а с другого — два спелых, прекрасных граната и все бросила мне.

Она еще долго разговаривала бы со мною, но пришла нарядная важная дама, низко поклонилась ей и позвала куда-то. Принцесса на прощанье кивнула мне головой и ушла.

Я вырос, но моя судьба мало изменилась. Я по-прежнему беден, по-прежнему живу среди чужих людей, и у меня нет ни одной близкой души. Только на горных пастбищах, под вечным небом, играя на своей деревянной трубе, среди моих коз, я нахожу отраду. И нередко в минуты уединения мне видится образ прелестного ребенка, которого я когда-то считал ангелом, который бросил в утешение мне, чумазому, оборванному мальчишке, прекрасные плоды из-за ограды королевского сада. Это была единственная доброта, которую я видел от людей за всю мою жизнь.

— Именно ты можешь найти Инесу, — сказал пастуху Филипп. — Как твое имя?

— Ромуальд, — ответил молодой человек.

* * *

Через несколько дней Ромуальд получил казну, приличную одежду, шпагу и отправился отыскивать по белу свету пропавшую принцессу. Он не взял ни коня, ни тяжелого

вооружения, думая, что пешком ему дастся лучше обыскать все уголки Божьего мира; от тяжелого же вооружения отказался, решив, что доспехи затруднят его движения.

Шел он, шел, долго шел. И вот раз утром увидел большой зеленый луг. Едва он сделал по нему несколько шагов, как споткнулся, казалось, о камень. Ромуальд остановился, наклонился, поднял предмет, попавшийся ему под ногу, и увидел, что это был совсем не камень, а человеческий череп, побелевший от времени.

— Что мне с тобой сделать, бедная кость, бывшее вместилище человеческого ума, может быть высокого и благотворного? Не похоронить ли тебя, чтобы дать тебе покой? — прошептал молодой человек.

Ромуальд уже хотел исполнить свое доброе намерение и предать череп земле, но не успел сделать этого, потому что до него донесся душе раздирающий, отчаянный вопль. Он посмотрел по направлению жалобного крика и увидел большого филина, который опустился на зайца и впился в его спину своими огромными когтями. Под рукой у Ромуальда не было ничего,

кроме черепа, и, желая спасти зверька, он бросил им в хищную птицу.

Филин испугался, выпустил зайца и улетел. Ромуальд подошел к зверьку и поднял его на руки. Заяц был ранен не сильно, только испуган.

— Беги, прячься, радуйся жизни, маленькое создание; я доволен, что мог тебя спасти. А ты, — обратился он к черепу, — прости меня, что я превратил тебя в орудие помощи; погоди, я сейчас предам тебя земле.

К удивлению Ромуальда, серый зайчик и не подумал убежать. Он прыгал кругом, жевал травку и своими черными глазами посматривал на бывшего пастуха. Еще больше удивился молодой человек, когда череп двинул своими челюстями и тихим, но явственным голосом сказал:

— Похоронив меня, ты окажешь мне большую услугу. Злые люди меня убили, разбросали мои косточки и оставили мой череп в жертву дождям, ветру и зною солнца. В земле я найду покой. При жизни я владел чарами, но употреблял их только к добру и теперь, прежде чем скрыться навеки, в последний раз проявлю свою волшебную силу, дав на один час зайцу дар человеческого слова. Это старый заяц, мудрый; он бегал по белу свету, видел и знает многое и может дать тебе полезные советы... А теперь спасибо и прощай.

Ромуальд зарыл череп глубоко в землю, насыпал над ним курганчик и положил на этот холм большой камень; исполнив свое доброе дело, он обратился к зайцу:

— Зайка, а зайка, какой же совет дашь ты мне? Знаешь ли ты, как я могу отыскать инфанту Инесу?

— Это мудрено и трудно, — ответил мудрый

заяц. — Но не печалься. Перейди через поле. Видишь там, вдали, лес? На его опушке ты встретишь прекрасного белого коня в седле, но без узды. Подле коня увидишь большой камень, подними его. Под ним вход в подземелье, и в подземелье ты найдешь полное рыцарское вооружение. Ты не посвящен в рыцари, но достоин этого высокого звания за благородство души, мужество и доброту сердца. Доспехи надень, возьми меч и сядь на коня. Он сам понесет тебя куда следует. Конь этот чудесный; он принадлежал волшебнику Мерлину, но из-за жестокого обращения сбросил его с себя и ждет теперь достойного седока. Недостойных он всех сбрасывает.

Ромуальд нашел все, как сказал ему заяц; надел на себя рыцарское вооружение и вскочил на белоснежного коня, который не пошевелил и ухом, пока он садился, а потом, как вихрь, понес его по равнинам, ущельям и долинам.

Вот они выехали снова на открытое песчаное место; это была длинная, совершенно плоская равнина, только посредине ее виднелся какой-то пригорок. Пригорок странный; он слегка пошевеливался. Белый конь остановился как вкопанный и, несмотря на уговоры Ромуальда, не двигался с места. Ударить или прищипорить благородное животное молодому человеку и в голову не приходило; он боялся оскорбить его.

Откуда ни возмись — заяц, тот самый, серый, мудрый, с которым недавно беседовал молодой человек.

— Зайка, зайка, скажи, что мне делать и почему конь не сходит с места?

Но заяц ничего не ответил, только посмотрел на Ромуальда как будто с печальным упреком; тряхнул ушами и медленно запрыгал по направлению к шевелившемуся бугорку. Точно

только этого и ожидал конь и двинулся вслед за зверьком. Сажень за двадцать от пригорка конь снова остановился, и теперь молодой человек увидел, что холм был совсем не холм, а огромное, страшное чудовище с исполинской круглой головой, зелеными глазами и лапами вроде человеческих рук. Своими тусклыми и злобными глазами страшилище смотрело на Ромуальда и щелкало своими крепкими зубами. Ромуальд поднял меч, готовясь сразиться с ужасным созданием, но белый конь снова как бы прирос к земле и, повернув голову, посмотрел в сторону зайца. Зверок описал широкий круг, подобрался к чудовищу сзади, вскочил на него и стал грызть своими маленькими, острыми зубками в форме долота. Страшилище поднялось на задние ноги; заяц соскочил с него и стал перед ним метаться из стороны в сторону. Ужасное создание неуклюжими прыжками кинулось преследовать зверька, а мудрый заяц, заложив уши за спину, осторожно и умело отвлекал его все дальше и дальше от коня и всадника. Когда чудовище было уже очень далеко, конь стрелой помчался через песчаную долину и скоро унес Ромуальда от опасного места.

Все дальше и дальше нес он своего седока, наконец примчался к удивительному дворцу с золотой крышей, со множеством куполов и башенок; дворец окружали великолепные сады. Подъехав к чудесному зданию, конь остановился и опустил на передние колени, дав этим понять своему хозяину, что он должен спешиться. Ромуальд исполнил желание благородного животного и направился к дворцу. По дороге из-под одного прекрасного розового куста на него глянула серая мордочка с большими черными глазами. Опять мудрый заяц!

Выскочив на открытый лужок, зверок сел на задние лапки, левую переднюю протянул вверх, туда, где в синем небе летала как будто крупная птица очень странной формы. Выразительно указав лапкой на нее, заяц поскакал к Ромуальду, носиком дотронулся до его меча, снова показал на небо и принялся одной лапой тереть мордочку ниже рта, точно брился. Потом кивнул головой и снова боязливо спрятался в кусты.

Ромуальд не понял, что обозначало все это, но на всякий случай обнажил меч и, поглядывая вверх, тихо пошел к золотому дворцу. Когда он достиг широкой площадки перед великолепным зданием, фигура, летавшая в воздухе, начала опускаться, и Ромуальд увидел, что это был карлик с длинной-предлинной бордой. Тут молодой человек вспомнил движения лапки зайца и понял, что он должен от-

сечь карлику бороду, хотя и не понимал — зачем. Карлик, это был Булетто, — спустился и топнул ногой. Мгновенно вокруг него земля осела, и из этой ямы начал подниматься удушливый пар. Еще мгновение, и ядовитый газ принес бы смерть Ромуальду, но храбрец не потерялся, схватил карлика за бороду, готовясь отрезать ее мечом. Ядовитые испарения мигом рассеялись, и Булетто стал молить своего противника пощадить его бороду, в которой заключалась вся его волшебная сила. Но меч Ромуальда отсек ее, и, заливаясь слезами, Булетто скорчился в своей яме.

Сам не зная зачем, молодой человек привесил к своему поясу длинную бороду и вошел во дворец. В нем все было роскошно, везде блистало золото, серебро, эмаль. В громадных яшмовых чашах курились благовония; по колоннам вились нигде не виданные цветы. Но ни слуг, ни прислужниц не встречал молодой человек. Наконец он вошел в огромную залу, всю из малахита. В ней было много народа, мужчин и женщин в парадных одеяниях, но никто из них не двигался, всех сковывал волшебный сон. Посреди залы, на возвышении из гранитных плит, стояло золотое, украшенное эмалью ложе, и на нем в парадном наряде лежала красавица. Взглянув на нее, Ромуальд сразу узнал Инесу, хотя он видел ее только в детстве, а теперь перед ним была взрослая молодая девушка.

«Что мне делать? — подумал Ромуальд. — Как нарушить ее волшебный сон?»

В эту минуту он услышал еле уловимый топот и обернулся. Заяц. Серый зверок подпрыгнул до самого его пояса, схватил бороду карлика и поскакал с ней в угол малахитовой залы. Обрадованный Ромуальд пошел вслед за

своим маленьким проводником. В углу залы на кресле сидел спящий, бледный и неподвижный, как изваяние, старик в королевской одежде и с благородным лицом. Заяц вскочил к нему на колени, потом на плечо, все не выпуская из зубов бороды, наконец добрался до его головы и потер волосами Булетто ему лоб. Старик мгновенно открыл глаза и со словами: «Как я долго спал» — поднялся с кресла.

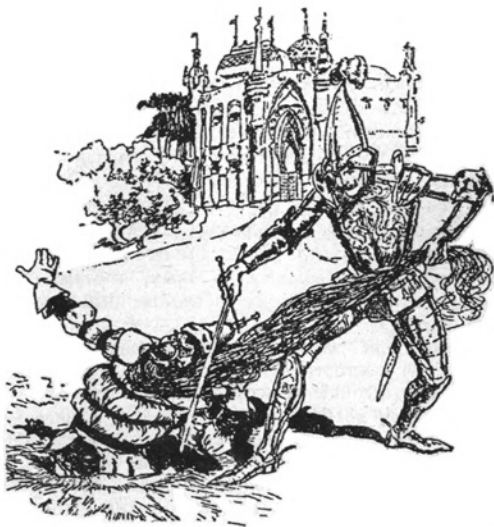
— О, я вспомнил все, — сказал он, — я во дворце Мерлина. Волшебник решил было исправиться, отправился к людям в образе карлика, но там его жестоко обидели. Он снова призвал к себе на помощь прежнюю волшебную силу, похитил красавицу принцессу и, прилетев в мое королевство, погрузил в сон меня, моих придворных, весь мой народ и похищенную им красавицу, которой хотел отомстить. Перед тем чтобы окончательно погрузить всех в сон, он сказал, что ее и нас может пробудить только человек, которому она не сделала никакого зла и который догадается отрезать ему бороду и коснуться ею лба принцессы и наших голов.

— Идем же, идем же к ней, — воскликнул Ромуальд. — О, благодарю тебя, мудрый заяц!

Но его благодарность пропала даром. Заяца и след простыл.

Подойдя к ложу Инесы, Ромуальд оживил ее, а затем всех придворных короля и вышел из дворца с красавицей, оставив королю бороду карлика, с тем чтобы он мог поехать по городам и селениям своего государства и оживить всех своих подданных.

Предсказания знахарки сбылись. Пробудившаяся Инеса стала добра и кротка, как ангел. По дороге к белому коню она увидела корчившегося и плакавшего карлика, который все повторял:

— Я потерял, потерял мою волшебную силу и из великого Мерлина снова превратился в жалкого Булетто.

Она протянула ему руку и сказала:

— Забудь прошлое, поезжай с нами. В моем дворце ты будешь жить, как почетный и любимый гость. Прости меня, я была виновата перед тобой.

Мгновенно безобразное лицо карлика изменилось и стало приятно, в то же время он вырос, правда не стал высоким, но все же достиг среднего роста.

— Вот что сделала со мной твоя доброта, —

сказал он, — мое иссохшее сердце расширилось, и, повинаясь ему, вырос я... в собственных глазах.

Чудесный белый конь прямой и короткой дорогой отнес всех троих в королевство Филиппа. Никаких приключений с ними не случилось на пути; тем более что страшное чудовище, которое готовилось погубить Ромуальда, исчезло навеки. Нужно ли говорить, что оно было создано чарами Мерлина? Когда волшебник потерял свою магическую силу, страшилище рассыпалось в прах, и там, где оно лежало, образовался обыкновенный песчаный бугор.

Нужно ли также описывать радость, нет, больше — восторг короля при виде вернувшейся к нему, да еще и исправившейся Инесы?

У короля не было других детей, и в награду за подвиги Ромуальда он сделал его наследником своего престола, а Инеса сама предложила бывшему пастуху стать ее мужем. Это было тем исполнимее, что мудрый Хаким прислал второго голубя с письмом, говорившим, что Ромуальд в детстве был похищен разбойниками из дворца короля, страны Марсии, брошен ими в лесу и спасен дровосеком, и следовательно, имел полное право занять королевский трон и сделаться мужем королевской дочери.

На радостях Инеса отпустила Зорадэ к ее родным.

Свадьбу сыграли весело и с большой торжественностью. Ко всеобщему удивлению, во время празднеств, происходивших в королевском парке, к принцу Ромуальду подкачал вынырнувший из густых кустов зайчик, постоял перед ним с минуту на задних лапках и снова юркнул в чашу. Ромуальд понял, что его приятель,

мудрый заяц, прискакал поздравить его, и с этих пор было приказано в Испании не стрелять и не ловить зайцев. Не знаю, удержался ли там этот закон до сих пор, но в старину он строго соблюдался.

Азерг

Целый день Питер капризничал и вообще вел себя очень дурно; чем дальше, тем шло хуже. Прежде всего он утром бросил куклу своей сестры, Гвен, в ванну, а в самом конце дня укусил няню за руку, когда она хотела дать ему лекарство, которое размешала в ложке с вареньем.

Он отлично знал, что порошок совсем не так противен, чтобы большому десятилетнему мальчику стоило поднимать из-за него шум; а все-таки укусил няню за руку и выбил из ее пальцев ложку с вареньем и лекарством.

Няня сказала немногое, но у нее был такой вид, точно она могла наговорить ужасных вещей. Она заметила только:

— Прекрасно, мастер Питер, как вам угодно! Не принимайте порошка и, если можете, спите спокойно.

Было уже худо, что няня назвала его «вы» и «мастер». Еще хуже казалось мальчику, что она помогла ему раздеться, не проронив больше ни слова, и ушла, не поцеловав на прощанье.

Правда, перед уходом из спальни своего воспитанника она хорошо укутала его и зажгла ночник, поставленный в умывательную чашку.

Питеру было тепло и удобно, тем не менее он чувствовал себя ужасно нехорошо. Голова у него горела; во рту пересохло, и ему очень хотелось пить. Но няни позвать он не решался. Питер сбросил с себя одеяло, потом снова им

накрылся, повернулся было к окну, наконец съезжился калачиком и стал смотреть на полуоткрытую дверь.

Вот что-то выглянуло из-за дверей и снова спряталось, что-то круглое, величиной и формой напоминавшее голову котенка. Питер протер глаза, еще не вполне уверенный, что он действительно видел что-нибудь, и снова стал смотреть на дверь, не спуская с нее взгляда; наконец его веки отяжелели и стали слипаться...

Вот тут-то и случилось! Из-под своих полуопущенных ресниц мальчик увидел, на этот раз совершенно ясно, что из-за двери выглядывает маленькая круглая голова... Через несколько секунд показались узкие плечи и все тело крошечного человечка; он на цыпочках подошел к постели Питера.

Человечек этот был ростом в четверть аршина и весь круглый; его голова походила на мячик, тело тоже, только на мячик побольше. Его круглые ушки выдавались по обеим сторонам головы. Глаза, нос, рот карлика были тоже круглы; его обтягивала желтая одежда; на его голове сидела желтая же шапочка.

Он легко ступал по полу своими ножками в желтых сапожках, а когда подошел совсем близко к кровати Питера, прыгнул на стул, стоявший подле нее.

Мальчик лежал неподвижно; он боялся спугнуть странное маленькое создание и только смотрел на него из-под своих ресниц.

Круглый человечек приходился против головы Питера; он улыбался так широко, что мальчик не мог видеть уголков его губ, — они растянулись до самых ушей странного существа. Вот человечек вынул маленький меч с необыкновенно острым кончиком, и Питер решил открыть глаза.

— Что тебе нужно? — спросил Питер.

От изумления человек чуть не упал со стула.

— Да ты не спишь! — с неудовольствием пропищал он. — Как жаль!

Маленькое создание злобно затопало обеими ногами, готовясь соскочить со стула.

— Почему тебе жаль, что я не сплю? — спросил его Питер.

— Потому что это мешает мне. Как ты думаешь, зачем я пришел?

— Право, не знаю, — сознался Питер. — Зачем же?

— О, я не скажу... Прощай, может быть, я вернусь к тебе, когда ты заснешь.

— Да ведь я тогда тебя не увижу.

— Конечно, не увидишь, зато почувствуешь! Ха, ха, ха!

Со смехом желтый человечек соскользнул по ножке стула на пол. Но Питер решил во что бы то ни стало узнать все и быстро выскочил из своей постельки.

— Будь же добренький, скажи мне, как тебя зовут и зачем ты пришел ко мне, — снова попросил мальчик.

Круглый человечек наклонил набок свою похожую на мячик голову и посмотрел на Питера.

— До чего ты несносен, — сердито пропищал он. — Мое имя Азерг; у меня пропасть дела, и я не могу тратить его даром, особенно на разговоры с тобой. Ведь ты должен был уже спать. Но вот что, хочешь отправиться со мной? Это будет тебе полезно.

— Ах, как было бы хорошо! — почти закричал Питер.

— Да? — спросил Азерг, и Питеру почему-то стало страшновато, но взять обратно своих слов не хотелось.

— Конечно, это доставит мне множество хлопот, — продолжал маленький желтый человек. — Прежде всего ты слишком велик.

— Ну, в этом я не виноват и ничего не могу поделать.

— Можешь, — резко заметил Азерг. — Закрой глаза и скажи вслух: «Я хочу стать меньше». Повтори эти слова семь раз подряд, не переводя духа. Ну, раз, два, три. Начинай!

Питер исполнил приказание Азерга; открыв наконец глаза, мальчик понял, что он сделался таким же крошечным, как его собеседник. Ему было так смешно видеть огромную мебель, но маленький человек не позволил ему долго раздумывать и разглядывать окружающее: он страшно торопился и сказал:

— Живее в трубу, а там — наверх. Слышишь?

Питер хотел было возразить, что ему будет трудно перебраться через каминную решетку, но Азерг прибавил:

— Смотри на меня: надувай щеки, задержи дыхание и...

Он в ту же минуту поднялся на воздух, полетел в трубу и оттуда снова позвал Питера.

Мальчик сделал все, как ему было приказано, и скоро вылетел из трубы, как, бывало, вылетало гуттаперчевое ядро из его игрушечной пушки. Это произошло так быстро, что он даже не успел испугаться. Он очутился на крыше того дома, где жил; рядом с ним стоял Азерг. Светила полная луна, и было почти так же светло, как днем. Питер видел только крыши да крыши, а подле желтого человека стояла прекрасная лошадка и нетерпеливо била ногой по черепичной крыше. Ее грива развевалась в ночном ветре, раздувавшиеся ноздри были красны, точно огонь.

— О-о, мой красавец, — сказал животному Азерг. Он уже собирался вскочить на спину своего конька, как вдруг с досадой обернулся к Питеру и очень недобрым голосом сказал: — Ах, я совсем забыл, что и тебе нужен конь...

И он свистнул в маленький серебряный свисточек ровно пять раз.

— Один свисток, чтобы позвать извозчика. Два для таксомотора; три для кареты; четыре для аэроплана; пять для кошмара. Ага! Вот и он.

И Питер увидал другую вороную лошадь, мчавшуюся не то по крыше, не то над крышей.

— Значит, эти кони кошмары? Да? — спросил мальчик.

— А как бы ты думал? Ну, садись и поезжай.

Питер взобрался на вороного конька, уцепился за его густую гриву, и вот обе лошади помчались. Их копыта стучали по крышам, от быстрой скачки дыхание захватывало в груди Питера.

— Куда мы? — наконец удалось ему спросить Азерга.

— Дай мне посмотреть, — сказал человечек, вытаскивая из кармана маленькую записную книжку. — Кого я должен навестить сегодня ночью? Питера Парсиваля, это — ты. Дальше: Тома Симсона. У меня записан его адрес.

Еще немного — и Азерг остановил своего конька подле широкой печной трубы. То же сделал и Питер. Человечек соскочил с вороного и нырнул в трубу. Питер сделал то же самое. К своему собственному удивлению, он совершенно перестал бояться.

В камине наш мальчик чуть не задохся посреди груды опилок, переполнявших его. Когда же он преодолел все эти препятствия, то увидел, что очутился в большой, роскошной спальне. На красиво убранной кровати лежал мальчик приблизительно его лет и крепко спал.

Даже во сне лицо его сохраняло капризное, неприятное выражение. Азерг вынул из кармана записную книжку и прочитал вслух:

«Мастер Томас Симсон толкнул своего младшего братишку, ударил его так, что у того из носа пошла кровь, отбросил ногой кошку к стене, съел два фунта сухого компота, который взял без позволения из буфета, и пошел спать, не сказав ни своей маме, ни няне, что ему жаль, что он весь день так дурно вел себя». Ну, дружок, ты скоро пожалеешь обо всем, что наделал. Я сейчас познакомлю тебя с моим славным кошмаром. Алло! Сюда!

Стук копыт. Из камина выскочил конек. Азерг сел на его спину и принялся носиться на нем взад и вперед по спящему; время от времени он колот Тома или бил его своим мечом. Несчастный метался из стороны в сторону, стонал, но проснуться не мог, человечек же только смеялся.

Наконец мальчик с усилием открыл глаза; в

то же мгновение конек и его всадник очутились на полу.

— Готово! — крикнул Азерг, вскинул Питера на спину своего вороного, и все они как стрела вылетели из трубы. На крыше Питера ждала его собственная лошадь.

— Теперь, я думаю, ты понимаешь, — посмеиваясь, спросил мальчика Азерг, — в чем состоит мое дело?

— Мне кажется, ты приносишь детям дурные сны? — ответил Питер.

— Да, — подтвердил желтый человечек, — да, дурные сны, кошмары, удушье и всевозможные неприятности в этом роде. От меня страдают все маленькие мальчики и девочки, которые за день заслужили такого наказания и перед отходом ко сну не сказали, что им грустно и жаль вспомнить, как дурно и недобро поступали они. О, ты можешь порадоваться, что я застал тебя еще не спящим.

— Но если раньше чем идти спать дети говорят, что раскаиваются во всем, ты не можешь их мучить ночью? — с тревогой спросил Питер.

— Нет, не могу, и это очень досадно. Из-за того, что дети часто перед сном делаются милыми, перестают капризничать, я постоянно лишуюсь забавы. Ну-с, куда же мы должны теперь ехать? Сейчас увидим!

Азерг вынул записную книжку и, взглянув в нее, сказал:

— К Полли Перкинс. Значит, в путь!

И они помчались на своих вороных конях. Все скорее и скорее летели лошади. Иногда эти волшебные коньки, делая громадные прыжки, перелетали с крыши одного дома на крышу другого, иногда скакали по самому краю какой-нибудь высокой каменной стены, и сердце Питера

замирало от страха; тем не менее он невольно смотрел вниз, и в самой глубине, далеко-далеко видел освещенные фонарями улицы. Гул автомобилей, электрических трамваев и шум человеческих голосов доносились до него, но очень слабо из-за высоты зданий. Теперь они были очень далеко от того дома, в котором Питер жил со своими отцом и матерью; кругом виднелось множество телеграфных и телефонных проволок; куда ни глянь, повсюду тянулись эти стальные нити и гудели, как орган.

Вот дома начали делаться все ниже и ниже, а улицы темнее, спокойнее, безлюднее. В самой темной и спокойной из них Азерг оставил своего коня, как раз подле какого-то чердачного окна.

— Приехали, — сказал он, — здесь живет Полли Перкинс. Дай-ка мне посмотреть, в чем она виновата. — И человек прочитал: — «Выпила молоко своего младшего брата и сказала, что это сделала кошка. Дернула братишку за волосы, да так сильно, что тот закричал и заплакал. Пошла спать, не сказав, что ей жаль, что она так плохо вела себя». Ага! она дурная девочка, и ей хорошо достанется от меня. На этот раз мы отправимся через окно.

Они прошли в комнату без малейшего труда, потому что почти все стекла в окне были разбиты и заткнуты бумагой и тряпками. Попав в каморку на чердаке, Питер огляделся. О, здесь было совсем не то, что в спальне маленького богача Тома или даже в его собственной комнате. На полу не лежало ковра; повсюду тянулись только ничем не прикрытые доски, вместо всякой мебели Питер увидел две постели, вернее две подстилки из соломы, лежавшей прямо на полу и прикрытой какими-то старыми и не очень чистыми лоскутьями и тряпьем.

На одной из печальных постелей лежала мать с крошечным мальчиком, на другой — маленькая бледная девочка с запачканным личиком, вся в слезах. Сверток тряпок, который служил ей подушкой, намок от слез. Видно было, что бедняжка плакала, пока не устала и не заснула.

Азерг вытащил свой ужасный маленький меч. В эту минуту она жалобно всхлипнула, и Питеру показалось, что бедная девочка чувствует себя очень несчастной. Он положительно не мог остаться спокоен и промолчать.

— Не приноси ей дурных снов, — попросил он, — я уверен, Полли раскаивается.

— Мне нет до этого дела, — ответил круглый человечек, — я знаю только, что она очень плохо вела себя днем и легла спать, не попросив прощения. Больше меня ничего не занимает!

— О, какой ты ужасный человек! — вскрикнул Питер. — Да ведь ты же хотел бы, чтобы дети сожалели обо всем дурном, что они сделали за день?

— Нет, это совсем не радовало бы меня, — ответил Азерг. — Тогда мне нечего было бы делать. Осталось бы только навещать детей, слишком жадно поевших за ужином. Подумай, какая скука! Теперь же, пожалуйста, не мешай мне. У меня мало времени.

Но Питер был не в состоянии дольше выносить и принялся изо всех сил трясти Полли за плечо.

— Проснись, — кричал он, — проснись, попроси прощения у твоей мамы и сознайся во всем, что ты наделала сегодня.

Вот в это-то время Питер и понял, как ужасно, что он стал таким крошечным. Он пищал не громче мышки, и спящая не чувствовала

ла его толчков. Азерг все время прыгал подле него, выходя из себя от бешенства.

— Как ты смеешь вмешиваться, — шипел он. — Ну, ты пожалеешь об этом.

Однако, несмотря на брань, крик и угрозы желтого жестокого человечка, несмотря даже на уколы его острого меча, мальчик продолжал свое дело. Он схватил прядку волос Полли и изо всех сил дернул за нее. Почти в ту же секунду маленькая девочка проснулась и заплакала.

— Боже мой, — прошептала она, — я должна сказать мамочке, до чего мне жаль, что я была такая дурная.

Она выбралась из-под лохмотьев, чуть не задавив при этом Питера, и подбежала ко второй соломенной постели.

— Проснись, мамочка, — прорыдала она. И ее мать тотчас же открыла глаза. — Я была дурная, злая и не могла хорошенько заснуть, потому что не сказала тебе всего. Я выпила молоко братишки и сказала на кошку. Когда же братишка заплакал, я дернула его за волосы. Но, мамочка, я была так ужасно голодна... Прости меня, я никогда больше не буду...

— Славная моя Полли, — ответила ей мама. — Поди сюда, дай я обниму тебя. Ляг на мамину постель. Вот так, подле твоего братишки Бобика.

Глядя на них, Питер позабыл обо всем остальном, но мальчика заставил опомниться голод, который долетел до него со стороны окна:

— Прощай, помешавший мне друг! Сам отыщи дорогу домой.

Мальчик быстро повернулся и увидел только, как желтые ноги Азерга исчезали за окном. Питер подбежал к подоконнику, выбрался на

крышу, огляделся. Нигде ни следа Азерга или вороных коньков-кошмаров.

Бедный Питер стоял на крыше один, ночью, далеко от своего дома и не знал, как дойти до него или вообще что делать. Было бы ужасно очутиться одному далеко от дома, там, внизу, на улицах, где можно расспрашивать встречных, но быть среди крыш, как две капли воды похожих одна на другую, прямо нестерпимо... Вдобавок Питер сделался таким маленьким.

Он сошел в дождевой желоб и заплакал. В обыкновенное время Питер был храбрым мальчиком, но теперь мужество его покинуло, и он мог только залиться слезами. Проходя мимо одного отверстия, которое вело в дождевую трубу, бедный мальчик услышал довольно сердитый голос:

— Что ты тут делаешь и почему так ужасно шумишь?

— Извините, — ответил Питер, — я только хотел бы вернуться к себе домой.

— Я не знаю, где ты живешь, и не могу тебе помочь, — продолжал голосок. — Пожалуйста, уйди, не то разбудишь детей, а им еще рано просыпаться. Сейчас видно, что ты не знаешь, каково быть воробьиной с четырьмя малютками, которые как только проснутся, так сейчас все зараз и закричат, требуя еды. Уйди, или я выскочу и клюну тебя.

Питер побежал по желобу, чувствуя себя еще несчастнее прежнего.

Но худшее было впереди.

Он очень медленно и осторожно спускался с покатой крыши, как вдруг увидел, что к нему идет какое-то страшное чудовище — огромное животное, зеленые глаза которого блестели при лунном свете.

Зверь этот походил на громадного тигра, но

его шкура была совершенно черного цвета. Мягко ступая, страшное животное раскрыло огромную пасть, и бедный Питер услышал громовой звук:

— Мя-а-у-у-у!

— Это чудовищно громадная черная пантера, — прошептал Питер.

(Он любил рассказы о животных и читал книгу Киплинга, в которой много и часто говорится о черной пантере Багире.)

Крошечный мальчик споткнулся, упал и покатился по крыше, однако ему удалось снова вскочить, и он что было сил побежал вдоль по желобу. Громадное животное пустилось за ним. Питер слышал, как стучали его мягкие лапы.

Не зная, что делать, бедный мальчик с отчаянием осматривался кругом, отыскивая взглядом места, где он мог бы укрыться от своего исполинского врага, и вдруг с чувством радости заметил маленькое отверстие под одной из аспидных плит, которыми был покрыт домик. Он залез в щелочку и постарался сжаться как можно сильнее, сделаться как можно меньше в надежде, что исполинский зверь не заметит, куда он скрылся.

Не тут-то было. Он услышал громовые звуки: м-мя-а-яу-у! мя-а-у-у! Потом какое-то страшно громкое ворчание. В уголке Питера стало совершенно темно, и бедняга понял, что гигантское создание прижалось к трещинке. Наконец наступило самое ужасное мгновение.

На одну секунду в тайничок Питера пробрался лунный луч, в следующую — огромная лапа просунулась в отверстие и начала искать его, Питер это чувствовал. Лапа все двигалась и двигалась, пока наконец не дотронулась до несчастного мальчика.

Огромные белые когти уцепились за синенькую рубашку, которую Питер надел перед тем, чтобы уйти с Азергом, и вытащили его на крышу. Питер разглядел огромную усатую голову чудовищной черной пантеры, ее зеленые глаза... И в ту же минуту заметил еще кое-что другое.

На шее зверя был красный сафьяновый ошейник с серебряными бубенчиками, совершенно такой же ошейник, какой он сам недавно надел на своего собственного котика Негра.

Питер понял. Только собственный необычайно крошечный рост заставил мальчика принять за чудовище своего милого, добренького Негра, мяуканье и мурлыканье которого превратилось для него в какие-то страшные, громовые и грозные звуки.

Питер невыразимо обрадовался и обеими руками схватил шею своего кота (хотя, конечно, не мог обнять ее) и спрятал лицо в его мягкую, густую черную шерсть.

— Кисанька мой, кисанька, как я рад, что

это ты! — говорил бедный мальчик и целовал Негра.

А черный кот замурлыкал, изогнул дугой спину, потерся головой о маленькую голову Питера и сказал:

— М-рррррр-уууу! М-рррррр-у!

Питер совершенно перестал бояться; он отлично знал, что Негр отнесет его домой. Кошки так же хорошо знают дорогу по крышам, как мы по улицам, и не могут заблудиться. Кроме того, мальчик был уверен, что котик пришел за ним нарочно.

Он взобрался на мягкую пушистую спинку Негра и обеими руками схватился за его красный ошейник. Они отправились. «Топ-топ-топ», — мягко стучали кошачьи лапки по крышам домов.

Это путешествие совершенно не походило на безумную скачку на кошмарах, Питер не боялся. Мягкое покачивание спинки кота убаюкивало его. Он невольно закрыл глаза, задремал так сладко, сладко...

Голова мальчика наклонилась и упала между двумя бархатистыми ушками Негра. Вероятно, Питер спал очень крепко, потому что так никогда и не узнал — вошли ли они в дом через каминную трубу или через окошко.

Как бы то ни было, Питер проснулся в своей постели. Подле него сидел его черный кот, шею которого он обнимал обеими руками. И так было приятно чувствовать его мягкую шерстку. Комнату еще наполняла темнота, но Питер понимал, что он больше не крошечный. На пороге открытой двери стояла няня с зажженной свечой; одной рукой она заслоняла ее пламя, и потому по краям ее пальцев рисовались красноватые линии. Мальчик быстро вскочил, выпустив из объятий шею Негра.

— Нянечка, нянечка, — закричал он, бросаясь к ней. — Я так рад, что ты пришла. Мне было страшно заснуть, не сказав тебе, как я жалею, что весь день капризничал и был такой нехороший и что я укусил тебя.

— Ну, ну, Питер, успокойся, не волнуйся, — ответила няня. — Дай-ка я тебя закутаю, а ты будь умницей — засни и не тревожься больше.

Но Питер все-таки постарался ей объяснить все, что случилось; она слушала и, покачивая головой, говорила:

— Это грезы. Злая греза мучила тебя.

Когда утром Питер сказал маме, что было с

ним, она погладила его по голове и тоже сказала:

— Это были грезы. Злая греза мучила тебя.

В тот же день Питер, сам не зная зачем, написал слово «греза» и, машинально прочитав его наоборот, увидел, что составилось имя «а з е р г».

Три дара

Индусская сказка

В стародавние времена на свете жил умный и добрый раджа; у него была красивая и добрая жена и сын Чандер Дас. И отец и мать молодого принца казались разумнее, красивее, добрее и лучше, чем все остальные люди, но когда Чандер вырос, он во всех отношениях превзошел своих родителей. У него было благородство орла — царственной птицы; отвага тигра, ловкость кобры и ум столетнего белого слона. А, как известно, белый слон не только умнее всех животных и людей, но даже многие божества не могут по разуму сравниться с ним.

— Скажи мне, — однажды спросил отца прекрасный Чандер, — все ли люди так добры, как ты и матушка?

— К несчастью, не могу этого сказать, — ответил старый раджа, покачивая седой головой. — На свете много людей, которые притесняют и мучают себе подобных, и от злых дел их стонет земля.

— А разве нельзя пойти и уговорить этих людей сделаться справедливыми и добрыми, чтобы земле не приходилось больше стонать от их дел? — спросил Чандер.

— Святые наши йоги и сунниазы пробовали уговаривать, но злые не хотят исправиться.

— Тогда нужно всех злых посадить в темницы, чтобы они не мучили добрых.

— Нельзя, злых слишком много.

— Тогда скажи мне, где они живут, я пойду убью их и освобожу мир от их темных дел.

— Опять повторяю то же, сын мой: их слишком много.

— Ну, так скажи, кто самый худший, самый злой из всех людей на земле, я постараюсь победить его.

Старый раджа долго не соглашался назвать сыну самого худшего из людей, говоря, что это злодей, о котором страшно даже и думать, но Чандер так неотступно просил его, что раджа наконец махнул рукой и сказал:

— Его дом не особенно далеко от нас, — на острове Цейлоне. Имя его великан Магул. Кругом крепости, в которой он живет, выкопан глубокий ров; говорят, страшные чудовища охраняют жилище исполина. Сам он зол, хитер и необыкновенно силен. Рассказывают, что не так-то давно Магул похитил дочь правителя одного из соседних с Цейлоном островов, красавицу Саббу Диму, держит ее в плену и всяче-

ски грозит ей, чтобы заставить бедняжку выйти за него замуж.

Этих слов раджи было достаточно. Молодой человек объявил ему, что он отправится на Цейлон, убьет жестокого Магула и освободит несчастную Саббу Диму. Отец и мать долго упрашивали Чандера отказаться от задуманного опасного подвига, наконец, по совету старого уважаемого дервиша, благословили его и позволили пуститься в путь. На прощанье раджа сказал сыну:

— Если тебе удастся проникнуть в жилище страшного Магула, он прежде всего потребует, чтобы ты подарил ему три вещи, которых, как я полагаю, нельзя достать.

— Чего же именно потребует он от меня? — спросил Чандер.

— Кувшин, полный танцующей водой, поющий камень и говорящую птицу.

— Что же? Попытаюсь добыть эти диковинки, — сказал молодой принц. — Может быть, он останется так доволен моими подарками, что похвалит, сжалится над Саббой Димой, да и меня отпустит подобра-поздорову.

— Куда там, — уныло махнув рукой, заметил старик. — Когда дело касается Магула, нечего и толковать о жалости или доброте. Он не знает этих чувств. Напротив, тогда он прикажет тебе согнуть его огромный лук. Если ты этого не сделаешь... ну, тогда да сжалится над тобой небо... Но случится необыкновенное счастье, и ты выполнишь трудную задачу, великан придет в полное отчаяние и со злости бросится в море. Об этом мне говорили тибетские старцы, которые прошлой весной приходили в наше княжество.

Чандер простился с отцом и матерью и, провожаемый их напутственными благословения-

ми и молитвами, пустился в путь, взяв с собой только меч.

Шел он долго и подвергался многим опасностям. Раз на него напали разбойники, раз он чуть было не наступил на очковую змею, но, вероятно, молитвы отца и кроткой матери Чандер Даса отвращали от него беды, и все обошлось благополучно.

Вот, выйдя из густых зарослей, он увидел огромную гору, вершина которой так искрилась и сияла, точно была усыпана бриллиантами, рубинами и сапфирами. Ее северный склон был красный, южный — желтый, западный — белый, а восточный — черный.

Чандер долго смотрел на эту странную гору и вдруг вспомнил, как в детстве его добрая старая няня рассказывала ему, что на свете есть высокая гора, по названию Черная. Что над этой горой вечно стоит туча, а из тучи падает огромная река, которая образует озеро, дающее начало четырем быстрым потокам. Принц закинул голову, поглядел вверх и там, далеко-далеко в темной лазури неба, различил над вершиной каменной громады беловатое облачко.

«Передо мной, наверно, та самая гора, о которой, бывало, рассказывала няня, — подумал принц, — и все здесь так странно и необыкновенно, что если где-либо в мире можно отыскать танцующую воду, то, без сомнения, на этой удивительной горе».

Чандер Дас пошел дальше. Вот и подножие страшной громады. Перед принцем были совершенно черные камни, крутые скалы с острыми утесами самых странных и прихотливых очертаний. Один из них походил на гигантскую голову, другой напоминал руку человека. Некоторые казались огромными окаменевшими

птицами, некоторые — разверстыми пастьми зверей. Все это было необыкновенно и страшно. Но мог ли Чандер Дас бояться? Ведь впереди его ждало еще более страшное дело. И, не долго думая, он начал карабкаться по крутым уступам диковинной горы. После долгих усилий принц добрался до такой высоты, где не было никакой растительности, а куда ни глянет глаз — везде блестел лед. Тут Чандер понял, что сияние, которое он видел снизу, исходило не от бриллиантов, а от громадных ледяных глыб, одевавших вершину Черной горы.

Еще немного, и Чандер Дас дошел до озера, над которым действительно висела совершенно круглая розоватая тучка, а из нее, пенясь, свергалась река.

В самой середине озера возвышалась четырехугольная скала; вода из тучи падала на нее, а потом четырьмя водопадами свергалась в озеро, дававшее начало четырем великим рекам. Но на Черной горе все было необыкновенно, и не просто падали со скалы потоки, вовсе нет! На каждой стороне четырехугольного утеса было по странному выступу в виде головы животного. С юга, из камня, имевшего форму исполинской головы коровы, падал каскад — исток реки Ганга; с запада, из каменной головы коня, вырывался водопад — родоначальник реки Отуса. С севера, из пасти тигра, выбивались пенистые струи реки Тигр; а на востоке, там, где высилась исполинская слоновая голова, бурлили первые струи Желтой реки.

Принц долго смотрел на это диво дивное и любовался странными скалами, так походившими на головы животных, но вдруг до него донесся звон и нежные голоса. Он пошел в ту сторону, с которой до него долетали эти привлекательные звуки; сделав около тридцати ша-

гов, обогнул большой утес и в удивлении остановился: четыре прекрасные, как сон, девушки в блестящих, легких одеждах держали балдахин из какой-то необыкновенно красивой и нежной ткани голубого цвета, а под этим балдахином, на троне из перламутра и коралла, сидела изумительная красавица с маленькой арфой в руках. Из-под золотой коронки на ее голове падали пряди золотистых, волнующихся волос, в ее глазах как бы пробегали голубые струйки, и ее одевало платье неопределенного цвета, которое то отливало золотом, то лазурью, то оттенком изумруда. Ее нежные пальцы перебирали струны арфы, и она напевала нежным голосом мелодию, напоминавшую журчание струи. У ног красавицы лежала огромная рыба с золотистой чешуей и с зелеными, как хризопразы, глазами, и не спускала их со своей госпожи, как бы ожидая от нее приказаний. Немного дальше на солнце грелась огромная черепаха с пестрым, удивительно красивым щитом на спине и три белоснежных лебедя.

— Кто ты? — невольно спросил красивую девушку Чандер Дас.

— Разве ты не узнал меня? Я — Ганга, богиня здешних рек, — ответила она. И Чандер вспомнил, что он видел изображение этой богини на одной из стен дворца, в котором родился: оно было выложено цветными камешками.

Чандер почтительно поклонился, и Ганга продолжала:

— Я знаю тебя, ты добр и отважен, ты любишь добрых, жалеешь обездоленных и ненавидишь злых. Ты, не щадя себя, пошел в опасный путь и достоин награды. Мне хочется помочь тебе. Не правда ли, ты ищешь танцующую воду?

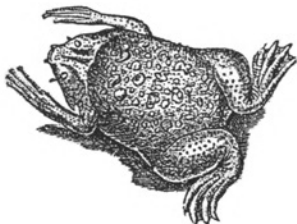
— Да, богиня, — ответил Чандер Дас.

— Так знай же, ты нашел ее. Я — танцую-

шая вода; я свергаюсь с высоких скал; я прыгаю по камням, я, в виде могучей реки, несусь к морю. Я медленно омываю берега, когда протекаю по спокойным равнинам. Может быть, ты не веришь. Смотри же!

Ганга дала знак своим прислужницам; они мгновенно сложили балдахин и отошли в сторону. Огромная рыба сделала могучий прыжок и очутилась в волнующихся водах озера; пестрая черепаха последовала ее примеру. Богиня провела рукой по струнам арфы, спустилась со своего трона, который исчез, как бы растаяв в воздухе. Пройдя несколько шагов по камням, Ганга поднялась на воздух и полетела над водой. Ее руки продолжали играть на арфе, и золотые струны пели; сначала слышалась очень нежная и медленная музыка, потом мелодия начала ускоряться. Ганга сперва тоже плавно скользила над водой, еле касаясь своими красивыми ножками голубой поверхности, но постепенно движения богини начали делаться живее и веселее. Теперь она плясала какой-то

удивительно быстрый танец, и из ее золотой арфы лились веселые звуки. Все кругом ожило: стали танцевать красавицы прислужницы, вращаясь, как вихрь, в стройном хороводе. Лебеди закружились, расправив свои белоснежные крылья; прилетели дикие утки и гуси и принялись, раскачиваясь, носиться над водой, в такт ныряя и в такт же снова появляясь на поверхности. Громадная золотистая рыба выскочила из воды, перекувырнувшись в воздухе, снова погрузилась и невдалеке от поверхности закружилась в странной пляске. За ней запрыгали и затанцевали меньшие рыбки, раки, озерные улитки, водяные жуки и мошки, даже неповоротливая жаба тоже пошла в пляс, смешно прихлопывая одной передней лапой о другую. Мало того, головы животных на четырехугольной скале не выдержали плясовой мелодии арфы; они закачались, и корова замычала, лошадь заржала, тигр заревел, а слон затрубил в свой огромный каменный хобот. Ноги Чандер Даса сами собой подпрыгивали на одном месте.

Так продолжалось несколько минут. Наконец Ганга перестала танцевать, и все остальное пришло в порядок. Она подошла к принцу и подала ему стеклянный кувшин с водой.

— Вот тут, — сказала богиня, — налита танцующая вода. Возьми ее себе.

Снова появился великолепный трон, и Ганга села на него. Красавицы девушки, рыба, лебеди и черепаха — все заняли свои прежние места.

Принц хотел поблагодарить Гангу, но облако закрыло ее, делаясь все гуще и гуще, и скоро совершенно скрыло и богиню, и всех ее слуг.

Чандер пошел с Черной горы.

Как ни был доволен принц тем, что он добыл такую драгоценность, как танцующая вода, он все же еще не мог считать свое дело окончанным и решил странствовать, пока ему не удастся найти еще две чудесные вещи, о которых говорил отец. И он пошел странствовать. Шел он, шел, шел долго, наконец увидел широкую реку. Невдалеке, там, где вода еще не была глубока, стояла птица ибис и неподвижно смотрела вглубь. Принц наблюдал за красивым созданием. Вот ибис быстро погрузил голову в воду; когда он снова поднял ее, в его клюве оказалась прекрасная блестящая жемчужина. Чандер замер на месте, чтобы посмотреть, что случится дальше. А дальше было вот что: ибис то и дело опускал свой длинный клюв в реку и каждый раз вынимал из воды по жемчужине. Чандер считал их. Когда красивая птица набрала двадцать жемчужин, она разложила их рядом на отмели. При солнечном свете они играли всеми оттенками радуги. Ибис постоял над ними, точно любуясь прекрасными драгоценными зернами, потом, пораздумав о чем-то, взял в клюв длинную травинку и, направляя ее лапами, ловко, каким-то странным образом, сплел в виде тонкой золотистой косы, а вслед

за этим глиной, которую он тоже достал из реки, приклеил к ней все двадцать жемчужин и в конце концов соединил косу, украшенную жемчугом, так, что образовался красивый браслет. Когда все было готово, птица распустила крылья, попрыгала на одном месте, по-видимому, радуясь на свое изделие, и стала до того пристально смотреть на Чандера с добрым выражением в глазах, что он подошел к ней. Ибис только того и ждал: когда принц был в двух шагах от него, он взял отливающий самыми прекрасными тонами браслет в свой длинный клюв и вложил его в руку принца.

В ту минуту, когда изумленный Чандер брал драгоценности, ибис снова открыл свой клюв и отчетливо произнес два слога: «Саб-ба», а еще через мгновение еще два: «Ди-ма». Принц тотчас же вспомнил, что это было имя несчастной принцессы, которую похитил великан Магул.

— Я понимаю тебя, умная птица, — с жа-

ром сказал Чандер Дас. — Ты хочешь, чтобы я освободил несчастную Саббу Диму? Да?

Ибис закивал ему головой и усиленно замахал крыльями, и принц принял это за утвердительный ответ.

— Вероятно, и великолепный браслет ты сделал для нее, добрый ибис?

Птица снова кивнула головой.

— Прекрасно. Но, ибис, как же я передам ей твой роскошный подарок? Кроме того, скажи, раз ты так хорошо говоришь, где бы мог я достать поющий камень?

Ибис не дал принцу ответа. Он просто вытянул свою шею, поднял длинноносую голову к небу и закричал во всю силу звонкого птичьего голоса:

— Рок, Рок, Рок!

Ответа не было. Ибис захлопал крыльями и повторил:

— Рок, Рок, Рок!

Опять ничего. Ибис стал бить крыльями, щелкать клювом и снова, еще громче прежнего, закричал:

— Рок, Рок, Рок!

«Кого это зовет он?» — подумал Чандер. Он слышал, как люди болтали о сказочной птице, Роке, которая будто бы отличалась неимоверной величиной, силой и жила с самого сотворения мира, но не знал, правда ли это или пустые басни. Раздумывая об этом, Чандер

смотрел на небо и вдруг увидел, что на лазури зачернелась точка, которая росла с невероятной быстротой. Скоро точка эта приняла формы птицы, а еще через мгновение на землю, подле ибиса, опустился исполински большой и очень красивый орел; его глаза горели красным светом, как рубины; черные перья блестели, точно вороненая сталь; на голове алел кроваво-красный хохол, а лапы были желтые, как золото.

Принц обнажил меч, чтобы спасти ибиса, потому что ему представилось, что гигантский хищник погубит его нового друга, но Рок, нимало не смущаясь, схватил своими мощными когтями и Чандера, и его пернатого приятеля, и жемчужный браслет и взвился высоко на воздух. С быстротою мысли неся он над горами и над океанами, и от движения его могучих крыльев воздух стонал и свистел.

Вот Рок пронесся над узким перешейком, над городом, полным высоких минаретов и круглых куполов, подлетел к пирамидам, над самой высокой из них описал три круга, пронзительно закричал и опустился на землю.

Рок выпустил из когтей человека и птицу — своих пассажиров, и Чандер Дас увидел огромный гранитный сфинкс. Покачиваясь на своих длинных ногах и помахивая крыльями, ибис быстро зашагал по песку к каменному полузверю-получеловеку, остановился подле него и, слегка наклонив голову направо, казалось, принялся читать какую-то древнюю надпись, начертанную на одной из громадных щек гранитного гиганта.

Прочитав иероглифы, птица широко раскрыла клюв и закричала:

— Ночь!

Яркое солнце мгновенно исчезло за горизонтом; лиловая тьма окружила сфинкса, и он, ка-

залось, ожил: из его груди, точно из груди живого существа, вырвался глубокий вздох, потом из каменных губ вылетел один сладкий звук, другой, и полилась чудесная мелодия.

— Слава небу! — закричал принц, все еще стоявший на пирамиде. — Спасибо тебе, говорящая умная птица! Это ты помогла мне найти поющий камень.

Чандер быстро сбежал вниз, скоро был подле сфинкса и схватил лежавший близ него тяжелый чугунный брусок. Этой палкой Чандер принялся колотить по голове сфинкса и наконец отбил край каменного покрывала, которое свешивалось по краям его лица. А сфинкс, ничего не замечая, все пел; только его песня стала немного печальнее, и ее рыдающие звуки замирали в темноте.

Чандер Дас радовался.

— Неужели Магул не останется доволен моими подарками? — громко произнес он. — Неужели его сердце не смягчится и он не отпустит со мной добровольно бедную затворницу Саббу Диму? Но как я доберусь до его дворца?

Стоявший подле принца ибис весело и живо закивал головой, затопал ногами, замахал крыльями и опять закричал:

— Рок, Рок, Рок!

Послышался шум могучих крыльев; из-за большой пирамиды вылетел исполинский орел. Его золотистые лапы снова схватили принца, ибиса и все остальное, и через каких-нибудь полтора часа Чандер очутился на Цейлоне.

Замок Магула стоял за двенадцатью рвами и двенадцатью стенами. Рвы не были наполнены водой, но в них кишели змеи, скорпионы, ядовитые пауки-тарантулы и еще какие-то ползающие чудовища. На стенах же сидели странные существа с огромными головами, с клювами,

усаженными зубами, и с изумительно большими перепончатыми крыльями.

Глаза гадов во рвах и уродцев на стенах с ненавистью устремились на ибиса и Чандера, но они боялись могучего Рока, и ни одно из злобных созданий не посмело пошевелиться.

Беликан Магул спал. Огнедышащие драконы тесным кольцом окружали замок и охраняли сон своего повелителя, а

светлокудая, темноглазая принцесса Дима в это время лежала в сыром подземелье ни жива ни мертва и всем своим чистым сердцем молила небо послать ей освобождение.

Сторожевые драконы увидели исполинскую птицу, которая была гораздо крупнее их, и хотя дохнули в сторону Рока пламенем, но оно не долетело до него. Исполин-орел опустил принца и ибиса на крыльцо замка; прикрыв их своими крыльями, он помог им вступить во внутренние покои.

Чандер бестрепетно вошел в устланную коврами спальню великана и позвал его по имени. Гигант открыл глаза.

— Кто тебя впустил? — закричал Магул, и от его голоса содрогнулись толстые стены здания.

— Никто, я сам вошел, — ответил принц.

— Неужели, мой благородный гость? Уж не принес ли ты мне какой-нибудь особенной водицы? — с насмешкой спросил Магул, скрежеща своими страшными зубами.

— Посмотри сам, — ответил Чандер и показал ему стеклянный кувшин.

Едва принц приподнял стеклянную пробку, как из тонкого горлышка сосуда брызнула струя живой воды и ее круглые капли раскатились по ковру, а там принялись прыгать одна вслед за другой, соединяться в вереницы, образуя круги, восьмиугольники и другие странные фигуры.

Чандер закрыл кувшин пробкой, а вылившаяся на ковер вода превратилась в пар, и в воздухе появились легкие, прелестные фигуры четырех прислужниц богини Ганги. Точно в такт никому не слышной музыки они раскачивались, танцевали, как бабочки перепархивали с места на место, наконец унеслись через открытую дверь и скрылись в темном ночном воздухе.

Лицо злобного великана искривилось от досады.

— Да, это танцующая вода, — нехотя сознался он.

— Ты видел? — весело сказал ему Чандер. — Я закрыл кувшин вовремя, и он все еще полон до половины. Я дарю тебе его. Ты в любое время будешь любоваться прекрасными плясками воды. Хороший подарок, не правда ли, Магул? Так давай же помиримся, я дам тебе танцующую воду, а ты...

— А я тебя убью! Молокосос, как ты смеешь дерзко говорить со мной, могучим Магулом? И ты забыл, что мне нужно еще два чуда, где они?

— Вот одно из них. — Чандер вынул из-за пазухи осколок каменного покрывала сфинкса; в ту же минуту в комнате Магула послышался шелест тяжелой шелковой материи, покрывало словно ожило, зашевелилось, превратилось в неведомую прекрасную мягкую ткань, все вы-

растало, и наконец из-под него вышел маленький сфинксик и, подняв к потолку свое задумчивое лицо, запел такую печальную песнь, что на глазах Чандера навернулись слезы. Сфинкс замолк, спрятался под шелковое покрывало, и оно снова превратилось в обделанный осколок гранита.

— Что же, согласен ты на примирение? — спросил Чандер Дас великана.

— Лучше скажи мне, готов ли ты к смерти, потому что мириться с тобой я совсем не собираюсь. Кроме того, ты ведь не дал мне еще третьей вещи, которую я желал иметь.

Чандер начал было говорить и уже произнес:

— Она... — но его прервал ибис, закричав:

— Тут, тут, тут!

— Говорящая птица! — заревел великан. — Ой, ой, ой! Беда, беда мне!..

Он вспомнил о луке и сказал Чандер Дасу, но уже не прежним грозным, а дрожащим голосом:

— Согни этот лук.

Чандер без труда согнул его, пустил стрелу в потолок спальни Магула и, обратившись к исполину, снова предложил ему примирение, но Магул, охваченный ужасом, не слушая уговоров и убеждений принца, бросился с высокой скалы вниз. Что с ним случилось — неизвестно, так как его тела не нашли у подножия утеса. Бежал ли он в другие страны, умер ли от злости и отчаяния, — никто не мог сказать. Только много-много лет спустя в одном из самых строгих индусских монастырей появился старик гигантского роста, суровый на вид, но богобоязненный и человеколюбивый, он отыскивал путников, заблудившихся в Гималаях, ухаживал за больными и вообще делал много добра. От-

куда он пришел, никто из монахов даже не постарался узнать...

После бегства Магула все гады, драконы и уродцы расплозились, разлетелись и разбежались куда глаза глядят... Чандер же осмотрел весь дворец и в одном из темных подземелий нашел прекрасную Саббу Диму; она была хороша, как день, и радостна, как солнце, когда принц вывел ее на свет, которого она так долго не видала. Понятно, Чандер Дас отвез принцессу к ее родителям, скоро обвенчался с нею, и они были очень счастливы.

Раз, когда принц сидел вместе с Димой и своими родителями, разговаривая о прошлом, старый дервиш, бывший учитель принца, заметил:

— Я знал, что ты, Чандер Дас, счастливо добьешься задуманного, потому что у тебя были три талисмана.

— Да, — согласился с ним принц. — Танцующая вода...

— Я говорю не об этом, — возразил дервиш. — Нет, я подразумевал нечто лучшее, а именно: молодость, которая танцует в твоём теле, мужество, которое говорит в твоём сердце, и милосердие, поющее в твоей душе.

Родина

Сказка

Далеко-далеко на юге от нас есть прекрасная страна, с высокими горами, померанцевыми, лимонными и лавровыми рощами и вечно голубым морем. Высокие травы на лугах пестрят всевозможными цветами, деревья гнутся под тяжестью плодов, а густые хлеба напоминают волнующийся океан.

Много-много лет тому назад в этой благодатной стране жил один добрый, благочестивый старик, более всего на свете любивший детей. Каждый день он собирал их вокруг себя, уводил куда-нибудь за город и там, расположившись в тихом, спокойном уголке, под едва слышный говор волны рассказывал им чудесные сказки, которые они так любили слушать.

Среди множества сказок, которые знал старик, одна особенно нравилась детям, и он рассказывал ее чаще других.

Жила-была великая и прекрасная мать, у которой было много-много детей. Она собрала их всех вокруг себя, простерла над ними руки и благословила их.

— Дорогие дети, — сказала она, — я так горячо люблю всех вас! Я даю вам одежду и пищу, колыбель ребенку, дом взрослому и могилу тому, кто покидает этот мир. Я издавна сидела у вашей колыбельки, ласкала вас и напевала вам колыбельные песни. Я следила за вашими первыми шагами и научила вас различным полезным искусствам. Вам казалось порою, что я была строгой матерью, и это верно: я

жила с вами не в неге и изобилии. Я учила вас работать и испытывать лишения, чтобы воспитать вас сильными и душою и телом. Теперь, дети, я требую, чтобы и вы любили меня, как я любила вас. Работайте для вашей матери, работайте и молитесь за нее в течение всей вашей жизни. Ваша мать бедна, и вы должны сделать ее богатою. Она печальна, и вы должны согреть ее. Она живет во мраке, и вы должны зажечь яркий свет в ее доме. Если вы обещаете это, дети, то я буду молить Всемогущего Бога сделать вас мудрыми и счастливыми за любовь к матери.

— Да, да! — отвечали дети и пошли каждый к своей работе.

Но некоторые из них были ленивы, работа скоро надоела им, и они улеглись спать. Другие были легкомысленны и убежали за нарядами бабочками, которые летали по лугу. Некоторые устыдились бедности своей матери и ушли в соседние дома, где все было богаче. А некоторые были даже настолько бесчестны, что хотели продать дом своей матери постороннему купцу, подобно тому, как сыновья Иакова продали своего брата Иосифа египетским купцам. Но зато некоторые работали с утра до вечера, от колыбели до могилы для счастья и славы своей матери. А некоторые с радостью пожертвовали своею жизнью, чтобы спасти ее из рук разбойников.

Тогда мать снова призвала их к себе и сказала:

— Я знаю, что каждый из вас успел сделать; верных между вами мне хочется прижать к сердцу, а неверных я отвергаю. Если бы я даже и захотела обнять вас всех, добрых и злых, без различия, забывая и прощая ваши недостатки, не я теперь ваш судья, — вас судит

вместо меня праведный Господь. Я не могу изменить Его приговора. Вон на небесном престоле уже восседает Его ангел!

Дети со страхом взглянули наверх, и даже добрые затрепетали, увидя книгу Суда, развернутую в облаках. Лучезарный ангел перевертывал ее листы. Каждый раз, как он перевертывал лист, молния прорезывала небо. И он сказал непослушным детям:

— Скорбь вашей матери осуждает вас. Вы, ленивцы, будете бедны; вы, легкомысленные, горько расплатитесь; вы, лукавые и предатели, будете возбуждать отвращение во всех людях.

Но хорошим детям он сказал:

— Вы будете умными и счастливыми на земле и почитаемы после смерти, так как благословение матери будет следовать за вами всегда, в жизни и за могилой.

Тогда непослушные дети сказали:

— А кто наша мать? Мы не знаем ее.

Ангел ответил:

— Родина — ваша великая мать, которая кормит и любит вас и дает лучшее, что только может дать. Это ее одни из вас огорчили, а другие обрадовали. Дети, помните всегда, что ваша родина смотрит на вас в настоящем и будущем.

Дурочка

Болгарская сказка

Жила-была на свете женщина, очень добрая, но неумная, и прослыла она дурочкой. Дурочка да дурочка, — так ее и звали все, даже муж, а ей это было, конечно, обидно, и бедная Елена то и дело плакала, забившись куда-нибудь в уголок. Но, как она ни старалась, — никак не могла удержаться от глупых слов или глупых поступков.

Раз приходит глупая женщина к своему мужу и говорит:

— Что ты будешь делать с мукой, которая лежит в нашем амбаре?

— Налью в нее воды, потом будем ее есть.

— А что ты прячешь в старом глиняном кувшине на полке кухни?

— О, там лежат тыквенные семена. Когда придет гончар, я отдам ему наш старый кувшин с семенами, а от него возьму новый.

Иван, муж Елены, обманул ее: в старом кувшине он держал деньги, но не захотел объяснить этого своей глупой жене, потому что она тотчас же раздала бы их всем, кому придется: несмотря на глупость, Елена была необыкновенно жалостлива к людям и животным.

Утром Иван пошел в поле работать, и дурочка осталась дома одна. Едва он скрылся за холмом, как с другой стороны к их дому подошел гончар со своими товарами. Вспомнив, что Иван хотел купить новый кувшин, Елена позвала продавца и, сняв с полки старый, пошла к нему навстречу.

— Я хочу купить у тебя кувшин или красивую муравленую кружку.

— Изволь, голубушка, — сказал ей гончар и назвал цену.

— Видишь ли, денег у меня нет, — ответила ему Елена, — но за новый глиняный кувшин я дам тебе тыквенных семян. Иван давно хранил их, а вчера утром сказал, что готов отдать их тебе в обмен за новую посуду.

Увидев деньги, гончар смекнул в чем дело и, похвалив тыквенные семена Елены, предложил дурочке взять из его товаров, что ей угодно. Она пришла в восторг и выбрала четыре кувшина.

Гончар быстро ушел, а бедная дурочка стала весело расставлять новую посуду. На полке не оказалось места для одного кувшина.

— Посторонитесь немного, — обратилась она к остальным трем.

Те, понятно, не пошевелились. Тогда Елена схватила палку и принялась колотить их; глиняная посуда разбилась. Но Елена поставила уцелевший кувшин на полку без малейшего огорчения.

— Теперь, — сказала она себе, — постараюсь сделать все, как хотелось Ивану.

Елена прошла в амбар и налила в закром с мукой два ведра воды.

В это время пришел ее муж. Елена подбежала к нему и весело рассказала все, что сделала.

— Следовало бы поколотить тебя, — сердито закричал Иван, — ведь у тебя нет ни капли смысла.

Она залилась слезами.

— Зачем ты плачешь? Не стоит, — смягчившимся голосом сказал он. — Постараемся лучше догнать обманщика. Ты беги влево, я вправо.

Тот из нас, кто первый захватит его, должен позвать другого, понимаешь?

И они побежали. Почти тотчас же до Ивана донесся крик его жены:

— Сюда, Иванушка, скорее, я держу его!

Иван побежал изо всех сил. Скоро он увидел жену, она повисла, цепляясь обеими руками за воронье пугало.

— Боже мой, Боже мой, — простонал он, — какая она глупая! Она доведет меня до нищеты.

Прошло несколько дней. Глупая Елена пошла гулять, увидела зеленую лужайку и решила побродить по ней. Но лужайка эта была, в сущности, трясина, и едва Елена ступила на нее, как увязла по колено; однако, боясь, что муж будет опять ее бранить за промокшие башмаки, не стала звать никого на помощь, а думала:

«Я такая большая, что не утону; вот дотронусь ногами до дна и остановлюсь. Иван любит меня, пойдет искать и вытащит».

Темнело. Вот Елена услышала голоса и увидела приближавшийся свет. Подходили какие-то люди; это были разбойники, которые недавно ограбили богатый дом.

— Остановимся здесь, — сказал атаман, дойдя до самого края трясины. — Здесь укромное место. Давайте считать деньги. Мы ведь много награбили.

Елена поняла, что это разбойники, и не шевелилась; между тем трясина затягивала ее все больше и больше.

Разбойники высыпали на траву множество золота. Вдруг подле них раздался страшный вопль. Это закричала Елена, которая внезапно провалилась по горло.

— Нас заметили! — закричал один из разбойников, и все они кинулись прочь, бросив золото.

Между тем Иван выбился из сил, отыскивая жену. Вспомнив наконец о трясине, он направился к опасному месту, так как говорил себе, что его дурочка могла забрести туда и погибнуть.

Когда он услышал отчаянный вопль и узнал голос Елены, он побежал к топи, призывая свою жену.

Когда свет фонаря упал на несчастную женщину, Иван увидел, что она провалилась до самого носа, и живо вытащил ее за волосы.

Он был рад, что ему удалось спасти свою дурочку. Радость его еще усилилась при виде громадного количества червонцев. Кому это золото принадлежало, они не узнали, а потому оставили его себе.

Иван и Елена разбогатели и стали жить, как господа. Елена сделалась богатой женщиной; теперь никто не называет ее дурочкой. Кроме того, Иван приставил к ней служанку, которая присматривала за ней и не давала ей делать глупостей.

Крымское предание о белом камне

Амина, дочь старого Абдула, была хороша, умна и весела, как молодая горная козочка. А хозяйка какая! Абдул не мог нахвалиться на нее. С тех пор как умерла ее мать, старая Салгэ, все хозяйство перешло в руки Амины. Никто, как она, не умел приготовить вкусных чебуреков с мясом и луком, никто не делал так сочного шашлыка. А шербет? Только она одна и научилась варить всевозможные шербеты от турчанки Селимы, которая долго жила в ауле, где была сакля старого Абдулы.

И богатство было у Абдулы, и уважением соседей пользовался он, потому неудивительно, что у Амины отбоя не было от женихов. Но она долго просила отца отказывать всем, кто за нее сватался; наконец приглянулся ей красавец Омер, сын богача старосты и судьи в соседней деревне.

Выходила Амина к водоему на закате и поджидала жениха, который проезжал мимо нее на своем красивом гнедом коне. Обменивались они двумя-тремя простыми словами, но эти слова давали им счастье, потому что у обоих были чистые сердца, и в незначительных речах беседовали их души.

Уже и приданое приготовил Абдул. Прекрасные вышитые чадры, мягонькие желтые чувяки, которые так нежно охватывают ноги, шапочки с настоящими золотыми и серебряными монетами, бархатные кофточки, обшитые мехом каменной куницы, вот что особенно радовало молодую красавицу.

За три дня до свадьбы вышла Амина на вечерней заре к серебристому ключу и стала прислушиваться, не застучат ли копыта гнедого. Нет и нет.

Вот погасли последние краски на западной части неба, мрак разостлался над землей, а там, на море, засеребрились волны от восходящей луны. Несколько раз присылал Абдул за дочерью, но она приказывала старой служанке передать отцу, что еще не наполнились водой ее кувшины, и старик, отлично понимавший в чем дело, снисходительно усмехался и шептал про себя:

— Ничего, пусть в последние дни побалуется она, моя кроткая горлица. Муж не жених. Когда они заживут своим домом, явятся у обоих заботы, и мало времени будет одной ждать у колодца, а другому гарцевать на борзом коне. Ему придется разрабатывать новый горный участок под виноградник, а ей, Аллах один ведает, чего только не придется делать в новом доме молодой хозяйке.

И весело, снисходительно усмехался Абдул.

Амина же все ждала у колодца. Луна поднялась высоко, и в сердце молодой девушки был не страх, а настоящий ужас от предчувствия неведомой беды.

Стук копыт. Слышит Амина, что скачет конь, скачет во весь опор, но как-то неправильно, неровно стучат его копыта по каменной горной тропинке, и точно спотыкается он. Еще мгновение, и из-за утеса показался гнедой конь, весь побелевший от пены. Он остановился подле молодой девушки, вода взмыленными боками и так печально и умно заглядывая ей в глаза, точно желая сказать о случившейся беде. Амина повернула коня, вскочила на знакомое седло и шагом поехала по тропинке. Она даже

не взяла поводьев в руки, а предоставила гнедому идти, куда ему вздумается. Он, точно понимая ее желания, нес ее с одной тропинки на другую, потом без дороги вверх в великолепный лес, покрывавший откосы горы. В глухом месте гнедой остановился, и, оглядевшись, Амина увидела под огромной сосной своего мертвого жениха; он лежал весь исколотый стрелами разбойников. Амина вскрикнула и замерла на месте; ей показалось, что вся жизнь уходит из ее тела...

Абдул и его слуги всю ночь искали пропавшую Амину, но не нашли ее. Наутро они в лесу натолкнулись на тело убитого Омера, над которым стояла белая скала, формой напоминавшая женскую фигуру.

Спутница

Галицийская народная сказка

По глухому дремучему лесу с прямыми, старыми деревьями шел молодой воевода Мечек. Мрачно и бледно было его суровое лицо. За несколько лет перед тем он совершил великое злодеяние: за большие деньги продал врагам своей страны, мадьярам, тайну родной армии во время войны, и враги одержали победу над его соплеменниками. Мечек получил большое богатство, и никто не узнал о его злодеянии, только с тех самых пор улыбки на лице молодого воеводы не бывало. Он перестал спать мирным, беззаботным сном; в ночной тиши ему слышались стоны погибших по его милости; из ночного мрака выглядывали очи людей, преданных им врагам.

Мечек развлекал себя праздниками, охотами, балами, но ничто не помогало. Он всегда и повсюду чувствовал тревогу и наконец сказал себе:

— Мне тяжело с людьми, — уйду в лес; может быть, там я найду покой.

Слугам воевода приказал охранять свой великолепный дом и службы и, один-одинехонек, пешком ушел в дремучий лес.

Теперь он медленно подвигался напрямик, без дороги. Наступал вечер; темнело. С соседнего болота потянуло сыростью, и надо мхом заколебался белый туман.

«Пройду еще немного, выберу место лучше, поукромнее, — подумал Мечек, — и устро-

юсь там на ночлег. Кажется, я достаточно далеко от человеческого жилья».

Но только он сказал это, как услышал позади себя легкий шелест и тихие шаги. Мечек обернулся и увидел высокую женскую фигуру в широком сером плаще. Воевода остановился; остановилась и женщина. Мечек сделал шаг вперед, двинулась за ним и серая высокая фигура.

— Кто ты и зачем идешь за мною? — гневно спросил ее молодой воевода. — Я ушел в лес, чтобы не видеть людей и ничего не знать о них и их делах. Уйди!

Женщина ничего не ответила, подошла к нему ближе и откинула плащ. Мечек увидел мертвенно-бледное, суровое лицо с холодными, жестокими глазами.

— Уйти? Не могу, — ответила она. — Я твоя спутница, и нам с тобой не разлучиться. Давно уже я не отстаю от тебя, но там, в толпе людей, ты не замечал моего присутствия, может быть, только смутно и бессознательно чувствовал его... Впрочем, порой в звуках веселых песен, в завывании охотничьего рога тебе слышался мой голос, и среди нарядных гостей перед тобой мелькало мое лицо. Ты и убежал-то от людей, чтобы скрыться от меня, но я не могу тебя оставить, не смею. Я твоя спутница, и мне суждено провожать тебя повсюду.

— Кто же ты?

— Я сказала: твоя спутница.

— Кто же тебе велел быть со мной?

Она ничего не ответила, но медленно протянула руку к сумрачному небу, туда, где тускло мерцала одинокая звездочка, и душу молодого воеводы охватил невольный страх.

Мечек поселился в лесу, временно сложив для себя шалаш из хвороста и сухих листьев, и стал строить избу. От каждого могучего удара острого топора, который он принес с собою, летели щепки, и через короткое время падали стройные деревья, а когда молодой воевода поднимал голову и выпрямлялся, чтобы отдохнуть, он всегда видел свою спутницу. Как строгий надсмотрщик стояла она над ним, и ее мертвенные глаза каменным взглядом следили за каждым его движением; и топор падал из рук Мечека, и он терял силу работать.

Дни шли, а дело плохо подвигалось; дом стоял недостроенный; вечное присутствие бледной женщины отнимало у воеводы бодрость и желание работать; пробовал он ободрять себя песней, но взглянет на него спутница, начнет фальшиво вторить песне, и голос его обрывается на полуслове.

Тяжко стало Мечеку.

— Нельзя мне в лесу жить по-людски, — сказал он себе. — Мешает она. Пойду к зверям; поселюсь с ними. Авось надоедят ей звери, соскучится и сама уйдет. К кому же проситься? Кто из зверей возьмет меня? Пусть ответят мне судьба да случай.

Воевода решил выйти в сумерки на поляну и обратиться к первому зверю, которого увидит. Так и сделал: вышел на поляну, сел и стал ждать. Прежде всего из чащи вылетел громадный лилок, бесшумно махая своими большими, мягкими крыльями.

«Бог с ним, пусть летит мимо, — подумал воевода. — Не хочу к лилкам».

Едва он мысленно договорил это, как невдалеке от себя увидел серого длинноухого зайца, который неторопливо скакал через поляну.

— Заяц косой, погоди, дай поговорить с тобою.

— А не убьешь? — робко спросил заяц и присел на задние лапы.

— Глупый! Видишь, у меня и в руках-то ничего нет. Так слушай же, косой: задумал я к вам идти жить.

— Куда к нам? Я заяц семейный; у меня зайчиха и двое зайчат, да и нора тесная. И ты такой большой, что не поместишься в ней. Нет, дело неподходящее.

Заяц, махнув ушами, поскакал было дальше, но Мечек остановил его, закричав:

— Стой, ты меня не понял! Я не собираюсь жить у тебя в норе, я просто хочу жить среди вашего заячьего племени. Ну, быть как бы зайцем.

— А не обидишь?

— Нет, если бы я захотел обидеть, так не стал бы и разговаривать с тобой.

— Пожалуй, — ответил заяц, — спрошу своих товарищей, посмотрим, как они решат.

— Только чем же я у вас кормиться буду и что стану у вас делать?

— Об этом-то горевать нечего; грызи кору, травку, капусту, когда есть, сторожи маленьких зайчат.

Созвал заяц своих друзей; сели они круж-

ком на поляне; насторожили длинные уши, посоветовались и приняли к себе воеводу.

«Соскучится — сама уйдет», — подумал Мечек, ложась спать под густым кустом, где часто ночевали зайцы. Но когда забрезжил свет, воевода увидел подле куста на камне знакомую серую фигуру, которая сидела, точно притаившись и выжидая добычи.

Прожил Мечек с зайцами одну неделю, другую. Ему было бы у них недурно, если бы не спутница. Она ни на шаг не отходила от него и, казалось, выросла, стала еще угрюмее.

И воевода ушел от зайцев.

Мечек стал скитаться по лесу; спутница не отходила от него ни на шаг. Он просил ее, злобно гнал, но она, ничего не говоря, только смотрела на него своим тяжелым взглядом.

Так подошла зима. Воевода на время вернулся домой, захватил с собой теплый полушубок и, к ужасу слуг, обрадовавшихся было возвращению своего господина, снова ушел, не сказав им, куда отправляется и надолго ли.

На этот раз едва он вошел в лес, как увидел волка серого, старого, с умными глазами и попросился к нему в стаю. Волк без долгих размышлений принял к себе воеводу, и стал Мечек жить с волками по-волчьи. Вместе с ними бегал он на охоту; вместе с ними голодал, все в надежде, что несносная спутница наконец отстанет от него. Но она не уходила; она всегда бывала подле него, и теперь, поглядывая на воеводу, иногда улыбалась, слегка оскаливая по-волчьи свои острые зубы; когда вся стая начинала выть, глядя на луну, мрачная женщина тоже поднимала свое бледное лицо и тихо пела

какую-то песню, от которой у Мечка мурашки бежали по телу.

В страшной песне страшной певички говорилось о людях-зверях, людях-волках, и ее голос походил на волчий вой, а в тусклых глазах, устремленных на воеводу, мерцало злобное торжество.

И шести дней не выжил Мечек с волками, так ужасна стала ему казаться его спутница; простился он со зверями и вернулся снова в свой богатый старинный дом. Слуги раболепно встретили его, но не посмели спросить: совсем ли он пришел домой или опять бросит их.

«С людьми мне все же было легче, чем со зверями, я только чувствовал ее присутствие, но не видел этого страшного лица», — мысленно сказал себе Мечек и повел прежнюю жизнь. Его родовой дом снова наполнился толпой гостей, веселым смехом и звуками музыки. В старинных залах зашелестели шелковые платья, засверкали бриллианты на руках и обнаженных шеях дам и на пряжках, которые придерживали перья цапель на шапочках молодых щеголей; еще ярче камней горели глаза молодых красавиц. Только Мечеку

от этого не стало нисколько легче; его страшная спутница точно окрепла от жизни в лесу, точно набралась там смелости и сил. В нарядной толпе она всегда занимала первое место, всегда стояла впереди всех, облитая золотом, увитая жемчугами, изумрудами и бриллиантами, но все с тем же мертвенным лицом, с теми же неподвижными и тусклыми глазами. Никто, кроме Мечека, казалось, не замечал ее; во всяком случае, никто о ней не заговаривал, а сам воевода, конечно, и не думал спрашивать своих приглашенных — видят они ее или нет. Когда он, желая забыться, бражничал со своими друзьями и родственниками, она вмешивалась в толпу слуг, и Мечек, глядя в лицо стройного кравчего, который подносил ему турий рог, полный меда, чеканный кубок с домашним пивом или с золотистым чужеземным вином, — Мечек видел ее каменные черты и тусклые глаза. Она под видом стремяного держала ему стремя, когда он садился на коня; в одежде ловчего трубила в рог; как сокольник несла его любимого сокола, словом, всегда, всегда бывала с ним.

Ни слезы, ни униженные мольбы — ничто не помогало. Наконец Мечек обратился к знаменитой заклинательнице, жившей в развалинах одного старого замка, и попросил ее прогнать его страшную спутницу, обещая за это великие милости.

Старая ведунья долго рылась в волшебных книгах, испещренных таинственными знаками, наконец, подняв свою старую голову, сказала:

— Прости меня, ясновельможный пан, но против таких спутниц нет у меня заклинаний. Они сильнее меня. Кровавые знаки и письма в моей книге бледнеют; мой черный волшебный кот жалобно мяукает при одном ее имени. Нет, воевода Мечек, не мне бороться с нею.

— Так посоветуй же мне что-нибудь, старая ведунья. Пожалей меня, скажи, кто может научить меня избавиться от злодейки? Сжался, сжался... Я на все готов, но с нею мне оставаться нестерпимо.

— Совет тебе я могу дать, — после короткого раздумья сказала старуха. — Невдалеке отсю-

да живет отшельник. Ему уже больше ста лет. Он, вероятно, поможет тебе. К тому же люди болтают, будто он не всегда был свят.

Колдунья показала Мечеку дорогу к отшельнику, и он сейчас же двинулся в путь. А за ним бесшумно скользила серая фигура.

Глухой тропинкой шел воевода. Нелегкая это была дорога. Ему приходилось перелезать через стволы громадных, сваленных бурей деревьев, карабкаться на камни, переправляться через бурные, вздувшиеся от весеннего таяния снегов ручьи.

Наконец вот и пещера. Мечек вошел в нее. Ему навстречу поднялся высокий, худой старик с длинной белой бородой. Мечек упал перед ним на колени и без утайки рассказал ему все, не скрыв ни своего преступления, ни своих мук, и в заключение, заливаясь слезами, произнес с мольбой:

— Избавь меня от моей спутницы; я готов сделать все, чтобы только не видеть ее страшных глаз.

Отшельник посмотрел на молодого воеводу, взглянул на его спутницу и тихо произнес:

— От нее тебе трудно избавиться, однако ты можешь потерять ее среди голодных, печальных или застигнутых бедой.

Мечек вернулся в свой богатый дом; несколько дней он молча бродил по дедовским оружейным залам или подолгу стоял подле стрельчатого окна огромной столовой и смотрел туда, где за службами и псарнями зеленели дубравы.

Наконец он собрал своих слуг, велел им разъехаться в разные стороны и привезти известия о том, где больше всего нужды и печали. Через три дня гонцы вернулись и в один голос объявили, что в соседней области, где и вообще-то народ бедствовал вследствие постоянных плохих урожаев, в этом году свирепствовал голод.

«Туда-то и поеду», — подумал воевода. Он велел нагрузить двенадцать повозок хлебом, зерном, платьем, земледельческими и плотничьими орудиями; приказал слугам везти за ним эту поклажу, сам же вскочил на коня и через несколько дней был в соседней стране, где свирепствовал голод, а вызванные им болезни уносили сотни детей и взрослых.

Мечек работал усердно. Под его присмотром раздавались хлеб и зерно, платье и обувь; двигались приюты для сирот, больницы для недужных; на его деньги выписывались врачи; в непроходимых местностях прокладывались дороги. По целым дням Мечек то работал сам, то помогал другим и в течение долгих месяцев не видел своей спутницы. Не замечал ли он ее в разгаре работы, или она действительно отсутствовала, он не мог бы сказать.

Вот голод в бедной стране уменьшился; Мечек сел на своего коня и поехал домой; хотя и утомленный, он всю дорогу соображал, не забыл ли он чего-нибудь из задуманного, не оставил ли без внимания просьбы кого-либо из несчастных, — так ушел в эти думы, что ни разу не вспомнил ни о себе, ни о своей спутнице.

Истомленный, он вернулся в свой великолепный дом, упал на мягкую постель, заснул и проспал двое суток; на третьи проснулся рано утром, вспомнил все, что было, и мысленно сказал себе:

«Наверно, я потерял там мою страшную спутницу; значит, мне можно будет спокойно повеселиться».

Воевода надел бархатный кафтан, плотно закусил, выпил золотистого старого меда и велел оседлать коня, решив поехать в гости к соседу. Но, встав из-за стола, Мечек заметил в углу залы, подле огромного камина, какую-то темную тень. Его сердце сжалось предчувствием; он подошел ближе, и на него глянули тусклые глаза его зловещей спутницы. Это была она, но не вполне прежняя; стала как бы меньше, тоньше и скорее печальная, чем злая.

«Нашла-таки меня, — подумал он, — значит, не в гости мне ехать, а искать места, где, может быть, удастся потерять ее».

И он стал снова работать для несчастных, стараясь помогать им в настоящем и обеспечить им будущее.

Мечек не жалел денег и тратил громадные суммы, не скупясь. Во время работы он не видел своей спутницы, терял ее или просто не замечал. В часы же бездействия, когда воевода с торжеством думал, что она навсегда отстала от него, перед ним вырастала серая фигура, и мертвенный взгляд впивался в его глаза.

Мечек бросал деньги пригоршнями; продавал свои леса и угодья, и наконец наступил такой день, в который у него не осталось ни грошика. Но ему уже не было удержу: он продал родовой дом, лошадей, охотничьих собак и соколов и роздал бедным свои последние деньги, а сам вышел на большую дорогу, сел на придорожный камень и глубоко задумался:

«Неужели мне остается жить в бедности, без приюта, без прежних друзей, с одною моею неизменной спутницей?»

Думал, думал Мечек и вот что придумал.

Он слышал, как в былые дни паломники, ходившие в Рим к папе каяться в грехах, рассказывали, что по дороге в южную цветущую страну стоят высокие, суровые горы со снежными вершинами; что многие путники, переправляющиеся через них, гибнут, застигнутые злой непогодой, но что на одной из гор стоит скромный монастырь, а в нем живут трудолюбивые монахи, которые с помощью умных, больших собак находят заблудившихся или замерзающих, спасают и отогревают их. Мечек решил идти к этим монахам, попросить у них приюта и предложить к их услугам свою силу и смелость.

Он отыскал монастырь и, не постригаясь, не принимая монашеских обетов, стал работать вместе с чернецами. Многих заблудившихся в снегу удалось ему спасти при помощи одной прекрасной собаки, которая особенно полюбила его; когда начинала вить вьюга, она поднимала на него свои умные глаза, ожидая, чтобы он подвязал ей под горло небольшой бочонок с каким-нибудь крепким напитком и отправил на поиски.

Бывший воевода прожил в монастыре много-много лет и сам не заметил, как состарился. Борода его поседела; высокий стан согнулся. Спутница теперь часто надолго оставляла его, когда же возвращалась, то смотрела ему в глаза не тусклым, мертвенным, а приветливым и добрым взглядом, и этот взгляд придавал ему новые силы.

Однажды в сильнейшую снежную бурю старик вышел на обычный благочестивый подвиг со своей собакой. Умное животное скоро нашло целое замерзавшее семейство: отца и двоих детей. У Мечека не хватило принесенных собакой одеял, чтобы укутать их всех; бывший воевода

сбросил с себя суконный плащ и суконный камзол, завернул в них путников, сам же остался в холщовой рубашке.

Заблудившихся удалось спасти, но Мечек заболел жестокой горячкой. Три дня, три ночи пролежал он без памяти, на четвертые же сутки открыл глаза и сразу увидел свою спутницу, стоявшую подле его жесткой койки.

Но как изменилась она! Ее глаза были полны света, а за плечами веяли серебристые крылья. С чувством глубокой любви больной протянул к ней свои дрожащие руки и прошептал:

— Благословляю тебя, благая, ты спасла меня, отвела от зла и научила творить добро.

Он потянулся к чудному видению; мрачная спутница Мечека, теперь преображенная, вся залитая небесным светом, приняла в свои объятия его долго страдавшую душу и унесла в лучезарную высь.

Дождевой червяк

Английская сказка

Леонарду Серт совсем не хотелось гостить в деревне у своих двоюродных братьев. На эти каникулы Леонард с братом составили себе несколько планов; между прочим, они хотели выкопать клад, который, как их уверяли, был зарыт за желтой дачей их отца.

Дядя Джемс, человек очень богатый, пригласил Леонарда к себе, и родители мальчика дали за него согласие. Лео с новым чемоданом, с запасом марок для альбома и с не особенно тугим кошельком отправился в путь. На станции его встретили Руперт, старший сын дяди Джемса, две сестры и младший брат Руперта.

Двоюродные сестры дали Лео местечко в шарабане и всю дорогу ласково разговаривали с ним. Но он, обыкновенно очень веселый и бойкий, дичился и смущался. И вот Руперт знаком показал своему младшему брату Артуру, что их гость — дурачок. Леонард заметил этот знак.

«Мне придется сделать что-нибудь удивительное, — подумал он, — чтобы доказать им ум и смелость». И всю остальную дорогу он думал о том, как хорошо было бы спасти своих двоюродных братьев или сестер: 1) из воды; 2) от разъяренного быка; 3) от пожара; 4) от разбойников. Поэтому он стал неразговорчивее прежнего, и они окончательно решили, что он глуп как пень.

Приехали.

Дети дяди Джемса стали показывать Лео своих кроликов, морских свинок, черепаху и ежа, но бедный Лео почти не говорил и в душе жалел, что привез с собой свой новый форменный мундирчик и белые крахмальные воротнички. Впрочем, увидев, что его братья и сестры нарядились к обеду, перестал жалеть.

В гостиной Лео застал множество гостей, и всех очень нарядных. Высокий черноволосый господин подошел к нему со словами:

— Ну, как поживаешь, молодой человек?

И Леонард понял, что это дядя Джемс.

— Здравствуй, дорогой; как ты походишь на свою маму, — заметила высокая дама в светло-зеленом платье, и Лео решил, что это его тетя.

Остальные дети разговаривали со взрослыми,

а Лео забрался за трельяж, и широкие листья соседней латании совсем скрыли его.

«Жаль, что я приехал», — подумал он.

Действительно, Лео весь вечер сильно скучал, и ни калейдоскоп, ни стереоскоп не развешили его. Лео мысленно говорил себе, что он совсем не глупый мальчик и не бука, но что ему будет очень трудно доказать это, и все усерднее представлял себе, как он сделает что-нибудь очень хорошее, очень самоотверженное и благородное и убедит своих кузенов и кузин, что он совсем не такое ничтожество, за которое они его принимают.

«Что, если в дом прокрадутся грабители, — говорил он себе, поглядывая на драгоценности, украшавшие шеи, руки и головы дам, — и я застану разбойников на лестнице и заставлю их отказаться от грабежа? Что, если это сделаю я... совсем один?»

Он все думал и думал об этом, пока его не послали спать. Ему отвели спальню, которая была гораздо больше гостиной его матери.

Утром Лео разбудил важный лакей, и мальчик оделся, убежденный, что ему снова придется сильно скучать.

Завтракал он в классе со своими двоюродными братьями и сестрами, они были довольно приветливы. Вдруг дверь быстро распахнулась, в класс заглянул лакей и тотчас же убежал, не ответив на расспросы детей.

— Что-то случилось, — сказал Руперт.

Они гурьбой выбежали из класса и через пять минут узнали, что произошло. Часть мечтаний Лео осуществилась: ночью в доме побывали воры и унесли драгоценности всех гостивших дам; уцелели только вещи, которые их владелицы держали у себя под подушками. Но вторая часть придуманного Леонардом романа

не сбылась: он не встретил и не победил разбойников.

Весь дом гудел, как пчелиный улей. Дамы и их горничные горько плакали. Мужчины и их лакеи потирали себе подбородки и в сотый раз рассказывали друг другу, каким образом, вероятно, все случилось.

— Ах, какая скука, — сказал Руперт, — теперь несколько лет не будет других разговоров! Пойдемте ловить рыбу.

Повар дал детям завтрак, уложенный в корзинку; взрослые согласились идти на рыбную ловлю, и вот вся компания двинулась; дети несли удочки, корзинки, мушек и лопату.

— Значит, воры не оставили никаких следов.

— Я слышать больше не могу о воровстве и ворах, — сказал Руперт. — Хотите, решим так: кто из нас опять заговорит о случившемся, обязан один за всех копать дождевых червяков?

Так и решили.

Леонард задумался и шел молча.

— Даю пенни за твои мысли, — сказала его кузина Магги.

— Я раздумывал о том, где они взяли веревочную лестницу, были ли у них отмычки, потайные фонари и...

— Попался, бедняга, — сказал Артур. — Теперь изволь копать червей. Вот тебе ведерко, а вот и лопата. Мы выберем для тебя отличное местечко с мягкой, влажной землей. Ты скоро наполнишь ведерко.

— А мы пойдем к реке, — сказал Руперт, — это недалеко. До твоего прихода мы поудим на мушек.

Леонарду дали пустое ведерко, лопату, показали место, где было нетрудно копать, как раз под ивой, и ушли. Рядом с ивой была кочка, на которую он мог бы сесть отдохнуть.

Лопата оказалась очень тяжелой, а день стоял жаркий. Червей попадалось мало. Лео казалось, что он работал бесконечно долго. Скоро он посмотрел на часы и увидел, что со времени его разлуки с двоюродными братьями и сестрами прошло четверть часа, а он выкопал

только одного дождевого червяка, — правда, большого, — да еще кусочек какой-то розовой тесемки. Лео снова принялся копать, устал, приостановился, вынул носовой платок, чтобы вытереть им свое разгоряченное влажное лицо, и в эту минуту заметил, что во время работы уронил лопатой ведро. Понятно, червяк воспользовался этим обстоятельством и красноватой лентой вытянулся через край своей жестяной тюрьмы. А невдалеке от него прыгал черный дрозд и, наклонив набок голову, не спускал с него своих блестящих, живых глаз.

— Эй, приятель, это не годится, — сказал Леонард птице. Взглянув же на розовую тесемку, он прибавил, обращаясь к червяку: — А тебя, милейший, мне придется привязать.

В общем, Лео не был жестоким мальчиком и не любил мучить живые создания, но в эту минуту ему почему-то показалось забавным обвязать тесемкой тело червяка по самой середине и повесить его на ветку ивы.

Через секунду жалкий червяк уже висел на розовой тесемке, привязанный к ветке, а невдалеке сидел дрозд и посматривал на него. Лео же опустился на кочку, то глядя на червяка, то на птицу.

Вдруг дрозд подлетел к червяку, но Леонард не видал, что случилось. Ему было не до того: он почувствовал боль в ногах, едва успел простонать «ох-ох», — и очутился на воздухе. К своему ужасу, мальчик заметил, что он покачивается на канате над бесконечной глубокой пропастью...

«Землетрясение, — подумал Лео, — и у меня под ногами разверзлась земля».

— Ай, ноги! — вскрикнул он, опять почувствовав боль.

В ту же минуту мимо него с оглушительным шумом исполинских крыльев пролетело что-то... Что-то огромное, черное.

Лео хотелось ущипнуть себя, чтобы узнать, не спит ли он, но, к своему удивлению, не нашел у себя рук. И снова появилась та же огромная черная туча, и снова зашумели страшные гигантские крылья. Потом Лео почувствовал, что ку-

да-то падает... падает... падает... Наконец мальчик очутился среди высоких тростников или в чаще каких-то огромных растений (что это было, он хорошенько не помнил) и смутно, но с ужасом почувствовал, что его преследуют, что ему грозит жестокая опасность.

«Меня хотят схватить, — подумал он, — нужно спрятаться. И я стал какой-то совсем другой... О, что же это? Что я такое?»

И в следующее мгновение он принялся есть землю и понял, что кругом него совсем не тростники или незнакомые растения, а самые обыкновенные былинки травы, что его преследует черный дрозд, что земля, которую он ест, кажется ему вкуснее лучшего печенья. Но главное и самое худшее состояло в том, что он перестал быть Лео, а сделался дождевым червяком.

«Ну, теперь, кажется, я спасся, — сказал себе Лео, окончательно прячась в рыхлую зем-

лю.— Во всяком случае, черный дрозд не схватил меня. Но что же это произошло? Кажется, я попал в сказку или вообще со мной случилось что-то волшебное. Интересно было бы знать, длинен ли я? Мне кажется — очень длинен, гораздо длиннее того червяка. Что я должен сделать? Освободить какую-нибудь плененную принцессу? Ну, червяку это трудновато. И почему со мной случилась такая неприятная история? Верно, потому, что я повесил червяка. Ну, что же? Могу сказать, что я сожалею о своем поступке».

Он остановился, слабо надеясь, что сила, превратившая его в червя, снова вернет ему прежний образ, но напрасно...

«Что же, пойду дальше», — подумал Лео-червяк.

И пополз.

Земля становилась все более и более рыхлой; в ней теперь попадалось много камешков. Их острые края и уголки царапали очень больно тело. Леонарду приходилось крутиться и виться, чтобы спастись от ушибов и порезов.

Но вот совершенно внезапно и неожиданно Лео почувствовал невозможность ползти дальше. Он напряг все свои мышцы, но чем больше усилий делал, тем больше что-то стягивало его посередине тела. Он остановился, изогнулся, чтобы понять, что ему мешает ползти, и увидел розовую тесемку. Конец ее зацепился за что-то. Лео был в плену, может быть, навсегда.

— О, если только мне удастся освободиться, — сказал мальчик-червяк, — я никогда не буду держать в неволе ни одно живое существо. Никогда не стану даже сажать мух в коробочку. Только бы освободиться.

Он извивался, кружился, поворачивался по-

среди камней странной формы. Наконец ему удалось немного вытянуть тесемку; теперь он мог лучше осмотреться. И вот Лео перед собой увидел свободное пространство; справа оно кончалось серебряной стеной, слева — грудой блестящих кристаллов. Дальше виднелись красные, зеленые камни, что-то круглое, беловатое, какая-то золотая гора.

Леонард подумал о гномах, живущих в горах. Может быть, перед ним была одна из сокровищниц этих горных карликов? Лео-червяк лежал, обдумывая свое положение.

Но скоро, собрав все свои силы, он дернул тесьму, стараясь высвободиться из петли... Привязь соскользнула с того места, где у Лео была талия, когда еще он жил в образе мальчика, потом сдвинулась до колен (если только у червяков есть колени!), наконец Лео почувствовал боль там, где были его ступни, и — о, радость: освободился! Теперь мальчик-червяк понял, что в первый раз ощутил боль в ногах в ту минуту, когда черный дрозд клюнул висевшего на ветке червяка.

Сильным волнообразным движением Лео поднялся на поверхность земли, увидел солнечный свет и...

Кто-то схватил его за ноги и говорил:

— Ах лентяй! Ты, кажется, спал!

— Нет! — ответил Леонард, с невыразимым восторгом оглядывая свои руки, ноги, сапоги, каждую пуговицу на своей куртке. Все это было человеческое, все не походило на кожу червячка.

— Так что же ты тут делал? — спросил Руперт. Он-то и дернул Лео за ногу.

— Я... — начал Леонард и замолчал. Он чувствовал, что было бы невозможно да и бесполезно рассказать всю правду. Поэтому он ре-

шил сказать только часть правды, то, чему его кузены могли бы поверить.

— Я думал... — проговорил Леонард. Но Руперт и Артур даже этому не поверили.

— Право же, я думал, — повторил он, и в ту же минуту ему показалось, что он не бесцельно превращался в червяка. Мальчику Леонарду не удалось вернуть украденных драгоценностей, но червяк Леонард отыскал их.

— Я раздумывал о краже. Я проник в тайну преступников... Нет, нет, молчите... Я не буду выкапывать червей. Я не стану ловить рыбу. Я отыщу добычу грабителей...

— Как хочешь, — ласково ответил Руперт. — Если хочешь, мы можем поиграть и в это! Мне и самому-то не очень хочется ловить рыбу. Мы ведь не знали, что ты можешь играть в такие игры, где нужно себя воображать тем или другим.

— Это не игра, — ответил Леонард, теперь уже совершенно уверенный в себе. — Леонард — земляной червяк не расскажет вам всего, но смотрите, — прибавил он, — может быть, за нами наблюдают. Будем осторожны. Сядем, поговорим о рыбе, а тем временем кто-нибудь из вас сбегает домой и приведет сюда работников скорее. Мужество и быстрота!

— Ты отлично играешь, — сказал Артур.

— Превосходно! — подтвердили Магги и Пепи.

— Молодчина! — заметил Руперт.

А Леонард продолжал:

— Тут без вас я отыскал, куда воры спрятали вещи, которые они украли вчера. Но так как, может быть, кто-нибудь из них бродит вблизи, лучше не будем трогать драгоценностей, пока сюда не придут взрослые. Поди хоть ты, Руперт, и повтори дяде то, что я рассказал

тебе. Если он рассердится — я принимаю все на себя, и он придет хотя бы для того, чтобы разбранить меня.

Лео был прав, дядя пришел с двумя садовниками.

— Что все это значит? — сердито спросил он.

— Посмотрите, — сказал ему Лео, — здесь кругом отпечатки человеческих ног. Земля была вскопана, и мне попался кусок розовой тесемки... — Мальчик вдруг замолчал; ему в первый раз пришло в голову, что он, может быть, все это видел во сне. Он неуверенно прибавил:

— Может быть, все это сущие пустяки, но мне так хочется, чтобы здесь вырыли яму и посмотрели, нет ли чего-нибудь под землей. Вот тут, тут...

И он показал на землю как раз под той веткой ивы, на которой недавно качался червяк, обвязанный розовой тесемкой.

— Что же? Можно, сэр, — сказал главный садовник. — Действительно, землю здесь шевелили.

И они начали копать. Лео все время тревожно оглядывался на кусты, опасаясь, что из-за них выскочат разбойники. Но они не показывались.

Сперва лопаты выбрасывали только коричневую мягкую землю. Но вскоре на свет Божий появились бриллиантовое ожерелье, кольца, рубиновая подвеска, потом множество драгоценных украшений, серебряные кубки дяди Джемса, наконец, после всего, — серебряная вилка, за которую зацепилась розовая тесемка.

И Лео стал героем. Его дядя, тетки, гостившие у них мужчины и дамы, которые получили обратно украденные у них вещи, хвалили и ласкали его, и все это было для него почти нестерпимо. Напрасно уверял он всех и каждого, что он ровно ничего не сделал.

— Ах, милый мальчик, как он скромен, — твердили они.

И, понятно, Лео решил, что рассказывать всего не стоит: никто не понял бы его или, вернее, никто бы ему не поверил. Двоюродные братья и сестры обращались с ним почтительно, и бедный Лео находил, что попасть в герои так же неприятно, как и прослыть дураком, особенно если знаешь, что тебя считают не тем, что ты есть на самом деле. Поэтому он очень обрадовался, когда наступило время вернуться домой. А когда дома он узнал, что его братья и сестры решили не строить без него запруды на любимом ручейке, — его счастьем не было предела.

Хитрый Гансель

Норвежская сказка

На берегу сурового фиорда стояла маленькая, бедная ферма. Это был простой, но очень чистый домик, состоявший из кухни и трех комнат. В самой просторной из них на стене висело старое ружье; в углу стояли удочки, а под самым потолком красовались длинные гирлянды нанизанных на шнуры луковиц.

В доме этом когда-то жил старый столяр Яльмар со своей женой, но они оба умерли в один год, и теперь домик над фиордом занимали их дети, брат и сестра, близнецы. Они походили друг на друга, как две капельки росы на одном листочке, как два ореха в одном гнезде. У обоих одинаковые голубые, открытые глаза, одинаковый нежный румянец на щеках, одинаковый рост, даже голоса их звучали один как другой. Да, все в них было сходно. Вот только по характеру никто не принял бы их не только за близнецов, но даже не счел бы братом и сестрой: Мария была кротка, разумна, трудолюбива, Гансель же только и думал, что о шалостях и проказах, работать совсем не хотел и все, что, бывало, заработает его сестра, истратит. Часто Мария кротко упрекала его за это; он же всегда беспечно возражал:

— Что за беда? Мало ли дураков на свете? Вот возьму, одурачу кого-нибудь и разбогатею.

— стыдно, — уговаривала его сестра, — такие мысли и такие дела не доведут тебя до добра, Гансель, поверь мне.

Но он только смеялся в ответ.

Раз как-то случилось Ганселя проходить мимо королевского дворца, а король сидел на крыльце и чистил мелом свою парадную корону. От людей он слышал, что Гансель большой шутник и забавник, и говорит ему:

— Куда ты?

— Куда? Конечно, играть шутки над людьми.

— Да? Так сыграй шутку со мной, да только посмешнее.

— Рад бы, да не могу, — отвечает Гансель. — Твое величество — король, и для тебя нужны шутки не простые, а свой мешок с отборными шутками я оставил дома.

— Ну, привези сюда мешок; я хочу посмотреть, сможешь ли ты подшутить надо мной. Думаю, это тебе не удастся.

— На чем же я поеду? — спрашивает Гансель. — Не верхом же на палочке?

— Зачем на палочке? — отвечает ему король. — Я дам тебе хорошую лошадь.

Лошадь привели; как только Гансель увидел ее, так весь и задрожал.

— Ой, боюсь, — говорит, — я и сесть-то на нее не сумею.

Король смотрит на него и смеется. Вот приближенные короля кое-как взгромоздили шутника на лошадь. Гансель сидит мешок мешком, и, глядя на него, король хохочет, хохочет до слез.

Неуклюже покачиваясь в седле, хитрец доехал до ворот, а как очутился за высоким забором, который окружал королевский двор, выпрямился и погнал доброго коня. Едет молодцом. Из улицы в переулоч, из переулоча на широкую площадь, а на площади этой базар. Множество народа. Кто покупает, кто продает.

— Эй, господа! — закричал Гансель. — Не угодно ли кому купить красивую уздечку?

— Что за чудак, — пересмеиваются люди, — продает узду, как же он дальше-то поедет?

Но Гансель свое:

— Господа почтенные, не купит ли из вас кто-нибудь седло? Седло отличное, с королевской фабрики, а при нем потник и все, что полагается.

— Еще того лучше, — дивятся люди. — Он, видно, собирается гарцевать на неоседланной лошади.

А Гансель, не смущаясь, продолжает:

— Господа почтенные, покупатели богатые, не купите ли у меня лошадку? Чудесный конек, умный и послушный.

Кругом Ганселя давно собралась целая толпа, чтобы послушать его чудачеств; теперь же все стали наперерыв торговать у него лошадь, седло и уздечку. Все продал он; за все взял хорошие деньги.

Пришел Гансель домой и зажил припеваючи.

Между тем король долго ждал Ганселя с его мешком, конечно, не дождался и понял, что ему не суждено видеть ни обманщика, ни лошади, на которой он уехал. Король был очень добр, а все же рассердился на Ганселя и поехал к его дому. Молодой человек услышал, что король едет, побежал к сестре и сказал ей:

— Поставь скорее котел с похлебкой на плиту.

Мария послушалась его, и похлебка скоро закипела. Когда Гансель услышал, что король подъезжает к их околице, он быстро затушил в печке огонь, поставил котел на верстак и принялся мешать похлебку большой деревянной ложкой.

Король вошел в дом и увидал, что на вер-

стаке стоит котел, в котором так и прыгают зернышки ячневой крупы.

— Что ты делаешь? — спросил король. Ему было так любопытно узнать, чем занимается Гансель, что он позабыл даже о своей досаде.

— Я? Варю похлебку! — ответил шутник, помешивая в котелке кипящий суп.

— Как же ты варишь кушанье без огня?

— Да зачем мне тратиться на дрова? Нам это не по средствам, мы люди бедные.

— Почему же твоя похлебка кипит?

— В моем котелке вода и без огня кипит, — ответил Гансель. — Нужно только помешивать ее вот этой деревянной ложкой.

— Продай мне котел.

— Не могу, король, он мне и самому нужен.

— Я тебе дам тысячу червонцев и прощу все твои обиды, только продай мне этот чудесный котелок.

— Хорошо, король, — согласился хитрец. — Я возьму с тебя всего пятьсот червонцев, но пусть твое величество обещается простить мне «все» мои провинности.

Король засмеялся.

— Простак ты, Гансель, — сказал он. — Уж если я прощаю обиды, то, конечно, все.

Привез король во дворец котелок, позвал королеву, придворных дам и всех своих приближенных. Поставил на стол чугунок Ганселя, налил холодной воды, засыпал крупой и ждет. Ждут полчаса, час. Скучно всем стало, а вода все не закипает, хотя король то и дело помешивает ее деревянной ложкой, совсем как это делает Гансель.

Наконец король понял, что его обманули, рассердился не на шутку и поскакал на ферму.

Между тем Гансель, предвидя, что король

откроет его проделку, отослал сестру к бабушке, которая жила далеко на севере, в горах, а сам переоделся в платье Марии и стал ожидать короля. Вот прискакал король к дому над фиордом; входит и видит, что в кухне сидит Мария и прядет шерсть. Ведь Гансель в девичьем платье так походил на сестру, что родная мать не смогла бы его отличить от дочери.

— Где твой брат? — грозно спросил разгневанный король.

— Далеко на севере, у нашей бабушки. Он бросил меня одну, и теперь мне придется отвечать за все его провинности.

— Нет, — сказал король, — мне жаль тебя, девушка; ведь ты-то ни в чем не виновата.

И король взял хитреца во дворец. Живет Гансель припеваючи и так скромно себя держит, что приближенные короля то и дело говорят:

— Что за чудесная девушка Мария! И подумать только, что у нее такой негодный брат!

Однажды подле подъемного моста королевского дворца послышался лай собак и звуки охотничьих рогов. Это принц соседнего королевства нечаянно попал к дворцу старого короля Олафа. Принц Оскар отправился на охоту и, преследуя оленя, так увлекся, что заехал в чужое государство, заблудился в огромном лесу, наконец попал на какую-то незнакомую дорогу, которая и привела его к Олафу, старик вежливо принял принца и предложил ему отдохнуть у него несколько дней. Оскар поблагодарил короля и со всей свитой поселился в просторном королевском дворце.

В первый же вечер, бродя по саду, принц встретил красавицу девушку, которая очень понравилась ему. Расспросив придворных Олафа о ней и узнав, что она так же добра, умна

и кротка, как хороша, Оскар решил непременно на ней жениться. Но едва придворные сказали лже-Марии о намерениях принца, она побледнела и задрожала.

Действительно, Гансель донельзя испугался: ведь ему предстояло признаться королю и принцу в своем обмане.

«Бог знает, — мысленно говорил он себе, — что сделает король, когда узнает все...»

И, к изумлению принца, короля Олафа и всех придворных, «Мария» исчезла. Оскар совсем потерял голову от горя и отчаяния, и старый король, желая помочь его печали, разослал гонцов по всему своему королевству; сам принц со свитой тоже отправился разыскивать пропавшую красавицу. Еще в большее отчаяние впал Оскар, когда в одном лесу, недалеко от дворца Олафа, нашли брошенное в чаще то самое платье, которое было на «Марии» при его последней встрече с нею.

Дело в том, что, добежав до глухого места в лесу, Гансель сбросил с себя расшитый шелками девичий наряд, подаренный ему королем, надел собственный деревенский кафтан и стал пробираться на север к домику своей бабушки, у которой жила Мария.

Но как ни спешил Гансель, он не успел предупредить сестру обо всем, что произошло.

Опечаленный принц ездил повсюду, стараясь найти след беглянки. Раз он ехал, уныло опустив голову, не глядя на дорогу и предоставив своему доброму коню идти, куда ему вздумается; но вдруг услышал нежный голос, певший старинную народную песню. Голос этот был мягок и звонок, и в нем звучало неподдельное чувство; принц невольно заслушался песней, и ему донельзя захотелось взглянуть на певицу.

Молодой человек соскочил с коня, обогнул угол неказистого на вид дома и остановился, как пораженный молнией: на завалинке сидела бежавшая от него невеста, пряла шерсть и пела о принцессе, томившейся в пещере, о прекрасном боге весны и несчастном Локки, вскормленном в логовище волка.

— Мария, Мария! — закричал принц и подо-

шел к молодой девушке. — Зачем ты ушла от меня?

— Я действительно Мария, — ответила красавица, — но, извините, я вас не знаю... даже никогда не видала.

Принц протер глаза и пристально стал всматриваться в ее лицо. Положительно, перед ним была та Мария, которую он просил сделаться его женой, только еще красивее, чем прежде; главное же — в ее лице явилось что-то еще более мягкое и нежное.

Думая, что девушка притворяется, Оскар стал напоминать ей, как встретил ее во дворце Олафа, как предложил ей руку, словом, повторил все, что было.

Сперва Мария ровно ничего не понимала, потом сообразила, что это опять какие-нибудь шутки ее брата.

Красавец принц Оскар понравился Марии, и она сказала ему:

— Я охотно сделаюсь вашей женой, только должна вам открыть, что не меня вы видели во дворце Олафа, потому что вот уже месяц, как я живу в этом маленьком домике моей бабушки.

— Кто же был там, в королевском дворце? — спросил пораженный принц Оскар.

— Мой брат Гансель; мы с ним близнецы и походим друг на друга, как два орешка в одном зеленом гнезде, как две капли воды из одного ручья, — ответила молодая девушка.

Вслед за тем она рассказала принцу о проделках брата, прибавила, что рассталась с ним, когда он отправился во дворец старого Олафа, и в заключение объявила Оскару, что примет его предложение только в том случае, если он обещается вымолить у короля прощение Ганселю.

— Я его возьму в свое королевство, — ответил принц.

На том и порешили.

Между тем королевские слуги в конце концов поймали-таки проказника и привели его к королю.

— Где ты скрывался? — гневно спросил Олаф брата Марии.

— В твоём дворце, — ответил Гансель и рассказал королю все, как было.

— Я примерно накажу тебя, — сурово сказал Олаф. — Ты меня обокрал, обманул, насмеялся надо мной; значит, я должен тебя казнить.

— Ничуть не бывало, — посмеиваясь, ответил Гансель.

— Почему это?

— Да потому, что ты простил мне «все мои проделки», когда я продал тебе котелок. Я еще нарочно дважды переспросил тебя: «Все ли ты мне прощаешь?» И ты, король, ответил: «Все».

— Я имел в виду прошлые твои провинности, — сказал озадаченный король.

— А я думал и о прошлых, и о будущих, — возразил молодой человек.

И они принялись спорить и спорили бы до сегодняшнего дня, если бы им не помешал приезд принца и Марии.

Оскар объявил королю о своей будущей свадьбе с молодой красавицей и прибавил, что таким образом Гансель сделается его родственником. После этого, конечно, не могло быть и речи о наказании, чему, впрочем, сам король был очень рад, — он был ведь большой добряк.

Принц, Мария, Гансель, все охотники и приближенные Оскара отправились в его королевство.

Вскоре отпраздновали свадьбу принца и Марии. Во время парадного обеда король Олаф сидел против Ганселя и так хохотал над его забавными шутками, что не мог ни есть, ни пить.

Верный друг

Из польского быта

Над рекою Буг, в старом бору, уже много лет жил лесник Оглон вместе с женою и детьми. По его имени жену его называли Оглонихой, а сына и дочь — Оглонком и Оглоночкой. Мальчику шел уже восьмой год, а девочке только что исполнилось шесть лет. Вместе с семьею жила и маленькая, кудлатая собачка Жучка. Дети очень ее любили и возились с нею целый день. По-видимому, собачке это доставляло большое удовольствие, потому что она ни на шаг не отходила от детей и была с ними неразлучна. Часто, усевшись перед избой и подняв вверх свою острую мордочку, она долго жалостно выла, так что эхо разносило ее вой по всему бору. В такие минуты дети всегда спрашивали мать:

— Мамочка, отчего это воет Жучка?

— Да кто же ее знает? — обыкновенно отвечала мать. — Видно, скучно ей, а может, она чувствует вблизи волка.

Если в это время Оглон возвращался домой, то он грозил собачке пальцем, и та тотчас же умолкала, подбегала к хозяину и начинала ласкаться и махать своим косматым хвостиком. По временам Жучкой овладевала какая-то непонятная ярость, и тогда она царапала землю перед избой, завертывала хвостик колечком вверх, лаяла и ворчала.

Каждую осень лесник обкладывал свою избу мохом и ельником, чтобы зимою в ней было тепло, так что издали она казалась

большой кучей моху. В этой куче Жучка делала себе у самой стены ямку, зарывалась в ней, спала даже в самую ужасную вьюгу. В лесу по обыкновению водились волки, которые часто подходили к самой избе, о чем можно было догадываться по следам на снегу, и

Оглон немало удивлялся, видя на другой день собачку целой и невредимой.

— Странно, — говорил он жене, — как это наша Жучка избегла волчьих зубов! Сегодня ночью их была здесь целая стая!..

И он стал следить за собачкой.

Однажды, обходя поляну перед избой по следам непрошенных гостей, он заметил, что Жучка выходит из своей ямки, взбирается по куче моху на крышу и через слуховое окно уходит на чердак. Разумеется, волки боялись преследовать ее из опасения быть пойманными и убитыми лесником.

Так как лес был большой, то волков в нем водилось немало, и горе было путнику, который решался один проходить его ночью.

Когда наступала зима и все сковывал мороз, целые стаи их выходили из чащи, заходили в близлежащие деревни, подбирались под двери хлевов или пролезали в оконца и пожирали на месте или уносили с собою то свиней, то овец, то собак, нанося большой урон крестьянам, которые не знали, как изба-

виться от этих хищников и врагов хозяйства.

Разумеется, крестьяне вынуждены были предпринимать против таких нападений самые решительные меры. По большей части они устраивали облавы на волков, в которых принимал участие и лесник Оглон. Его меткий глаз и верное ружье не знали промаха, и он убивал их десятками.

После таких облав напуганные волки обыкновенно на время оставляли крестьян в покое, но проходила неделя-другая — и нападения их возобновлялись с еще большею яростью. Нельзя было сосчитать, сколько в зимние месяцы они перетаскали свиней, овец, собак, даже кур и гусей. А уж о несчастьях с людьми и особенно с детьми нечего было и говорить. Некоторые из волков отличались такой смелостью, что заходили в деревни даже днем, так что окрестные крестьяне не решались выходить из избы без какого-либо оружия.

Оглон, по обязанностям своей службы, должен был каждый день обходить весь лес. Но, как опытный охотник, он не боялся волков и любил забираться в самую чащу. Более всего в этом лесу был опасен один волк, бродивший в нем не только зимой, но и летом. Величиною он был с порядочного теленка и настолько смел, что не боялся заходить в избы в любую пору дня, несмотря на присутствие в деревне крестьян, и похищал все, что попадалось под руку.

Как-то раз, во время уборки картофеля, он унес в зубах ребенка, когда мать, занятая работой, на некоторое время оставила его одного. Бабы подняли шум, погнались за ним с вилами и лопатами, но он исчез на их глазах вместе с ребенком. Много слез было пролито бедной матерью, но они не вернули ей малютку.

Вскоре после этого случая, пользуясь тем, что все крестьяне были в поле, волк забрался в деревню и поочередно посетил все незапертые хаты, отыскивая себе добычу. Собаки, завидя его, прятались в такие места, где он не мог их найти. Однако на одном дворе он все-таки подкараулил большого пса, напал на него и разорвал.

Немного позже он встретил на большой дороге мужика, ехавшего в имение с письмом, бросился на его лошадь и задушил ее, а испуганный мужик еле успел спастись на вершине пихты, которая стояла у самой дороги.

Долгое время наводил волк страх на крестьян, так что те стали бояться выходить и выезжать в одиночку и, отправляясь куда-нибудь, прощались со всеми родными, словно их ждала верная смерть.

Если так обстояло дело в деревне, то что же говорить о лесе, о том старом бору, в котором жил лесник.

Ему часто приходилось уходить с женою в город на рынок для закупки разных съестных припасов. Оставляя детей одних, они запирали их вместе с собачкой и приказывали не выходить из избы, пока сами не вернутся.

Как только отец с матерью уходили из дому, Жучка садилась на окно и сторожила детей, не позволяя себе даже поиграть с ними; чувствуя близость волка, она соскакивала с окна на середину избы и принималась громко лаять. Дети, понимая, что она воет неспроста, забивались в угол, прижимались друг к другу и сидели смирно, пока собачка не успокаивалась и не вскакивала обратно на окно.

Так жили Оглоны, видя людей только тогда, когда ходили в город, или встречаясь с ними случайно в деревне, когда в семье являлась какая-либо нужда. Дети же росли, не видя никого, кроме отца, матери и Жучки, ничего не зная, кроме леса, в котором жили. Часто, глядя на них, Оглон задумывался и однажды, весною, сказал жене:

— Надо бы нам свести детей хоть в церковь, показать им храм Божий и людей. А то ведь здесь они совсем одичают!..

— Я и сама об этом думала, — ответила Оглониха, — да все ждала, пока потеплеет... Как-нибудь в воскресенье отправимся!..

Дети, слышавшие этот разговор, каждый день спрашивали мать:

— Мамочка, скоро ли будет тепло?

— Скоро, детки, скоро!..

Наконец стало теплее, и как-то сразу установились прекрасные весенние дни. В бору зашвистели дрозды, запели зяблики, зацвели подснежники, кувшинчики и фиалки. Приближалась поздняя Пасха. Утром в Страстную Субботу мать вымыла детей и сказала:

— Ну, детки, завтра Светлое Христово Воскресение!.. Мы все пойдем в церковь к обедне. К заутрене нам не успеть, потому что темно, да и идти не близко, а тут еще волки...

Утро следующего дня было ясное, тихое, теплое; ярко светило солнце, и воздух был так чист, что не хотелось уходить из лесу.

Дети, одетые по-праздничному, ходили по избе, посматривая друг на друга и боясь прикоснуться к своим нарядам, чтобы не измять их и не испачкать. На Оглонке была белая рубашка, подпоясанная красным кушачком, новые сапожки и шапка с павлиньим пером; Оглоночка была одета в бархатный лифчик и розовую юбочку, белые чулочки и башмачки; к волосам ее мать приколотла фиалки и кувшинчики, а шею обвила тремя нитками бус, голубых, белых и розовых.

— Какая ты нарядная! — говорил брат, смотря на нее. — Ну, а я как выгляжу? Хорошо?

— И не спрашивай!.. Лучше не надо!..

Жучка, увидев детей такими нарядными, начала прыгать и вертеться вокруг них, махая хвостом и оглашая избу радостным лаем.

— Бедная Жучка! — воскликнула девочка. — А о тебе-то и забыли!..

И она, выпросив у матери лоскуток красной материи, повязала его ей на шею.

Наконец, когда все были готовы, Оглониha взяла краюшку хлеба, соли, творогу и десяток яиц для освящения, завязала все это в узелок вместе с молитвенником, и все вышли из избы, заперли ее и ближайшей лесной тропинкой отправились в церковь. Жучку побоялись оставить дома одну, и она весело бежала впереди всех, обнюхивая кусты, царапая землю и поминутно оглядываясь, идут ли все за нею.

Дети шли, держась за руки и разговаривая между собою, а за ними не спеша следовали родители, изредка обмениваясь словами.

— Что бы ты сделала, сестрица, — вдруг спросил мальчик, — если бы сейчас из кустов выскочил волк и пошел бы прямо на нас?

— Я бы убежала к папе и маме!

— Ну, ты трусиха! А я бы натравил на него Жучку и проткнул бы его своим ножом!

У Оглонка на кушачке висел маленький перочинный ножик, подаренный ему на именины отцом.

В эту минуту Жучка остановилась у одного из кустов и неистово залаяла; из зеленой чащи выбежала белочка и быстро вскочила на высокое дерево. Дети прижались друг к другу, а лесник свистнул и отозвал собачку. Брат и сестра успокоились.

— А я уж думала, что это волк, и испугалась! — сказала девочка, приходя в себя.

— Я... я не испугался, а только не успел отвязать нож! — храбро ответил мальчик.

Наконец все подошли к церкви, около которой, в ожидании начала обедни, толпилось много народу. Оглон отошел в сторону, подозвал собачку и, положив ей палец на нос, крикнул:

— Лежать здесь!

Жучка смиренно легла, где ей указали, вытянув лапы и положив на них мордочку, и вся семья лесника вошла в церковь, залитую огнями. Дети, никогда не видевшие ничего подобного, остановились пораженные, с широко раскрытыми глазами. На престолах и в паникадилах горели свечи, на хорах играл орган, а прямо против них, у большого алтаря, поднимался и кружился в воздухе ароматный дым от кадила. Все пели под звуки музыки и молились.

Наконец обедня кончилась, и все начали выходить из церкви. Вышли также и Оглоны. Жучка, увидя их, с визгом и лаем бросилась к ним, прыгая и ласкаясь. Другие дети, которых в церкви было очень много, с любопытством смотрели на веселую собачку. Поговорив кое с кем и поздравив друг друга с праздником, родители с детьми тем же путем отправились домой.

Вернувшись к себе, дети долгое время говорили о том, что видели в церкви. Одного только не могли понять они, каким образом в главный купол над самым престолом попали воробьи; они чирикали и летали в нем, как на дворе.

— Мамочка, — спросила девочка, — откуда в церкви воробьи?

— Воробей залетает всюду, особенно в вышки и купола, в которых бывают открыты окна.

— А они умеют молиться? — допытывалась девочка.

— Каждое творение Божие хвалит Творца, как умеет.

Удивило также детей обилие в селе собак.

— Вот если бы волк попал сюда, то уж наверное не вышел бы живым, — сказал Оглонок. — А людей-то сколько, людей!

— Мама говорит, что в городе, на ярмарке, их еще больше.

Так беседовали между собою дети, жившие все время в лесу и не видевшие ни людей, ни света. Но за лето, бывая каждое воскресенье в церкви, они перестали удивляться. Прежде они думали, что достаточно им выйти из избы, как бродившие в лесу волки тотчас же схватят их, а тут они ходили целое лето и не видели ни одного волка.

Однажды отец повел их в смоловарню, которая находилась в пятнадцати верстах от их избы, и они не встретили ни одного волка; в другой раз он взял их с собой на лесопильный завод, где выделывали доски, гонт и разные другие материалы для построек и крыш. И оттуда они вернулись благополучно. Мало-помалу дети, повидав людей, сделались смелее и перестали бояться волка, который заедал людей.

Наконец настала осень, и Оглон, взяв сына, повел его в село, где долго разговаривал с приходским учителем. Решено было, что мальчик с первого числа следующего месяца начнет ходить каждый день в школу. Оглоночка, узнав, что ожидает ее брата, заплакала и ни за что не хотела отпускать его одного из дому. Увидя слезы девочки, опечалилась и Жучка.

Но делать было нечего: мальчику пора было учиться и он должен был подчиниться воле отца, который каждое утро стал водить его через лес, показывая ему прямую и самую близкую дорогу в школу. Жучка несколько раз порывалась сопровождать своего приятеля, но Оглон всегда отзывал ее со словами:

— Жучка, домой!

Однако собачка не так-то скоро решилась оставить мальчика, и в первое время чуть не каждый день украдкой следовала за отцом и сыном; но Оглон бросал в нее сосновой или еловой шишкой, и Жучка, поджав хвост, груст-

ная возвращалась домой, не понимая, почему ей не позволяют следовать за ее другом.

Оглонок оказался способным мальчиком и скоро опередил всех своих товарищей по школе, так что учитель всегда ставил его в пример прочим. Зимой он вставал до света, быстро одевался, молился Богу, завтракал, брал свою клеенку с книгами и аспидной доской и вместе с отцом выходил из дому; возвращаясь, он всегда находил отца у опушки, и тем же путем они шли домой.

Зимние дни коротки, и мальчик уходил из дому, когда было еще темно, и приходил в сумерки. Однажды он почему-то опоздал и не нашел отца на том месте, где тот его обыкновенно ожидал. Волей-неволей ему приходилось идти через лес одному. Сердце его сильно-сильно билось, точно хотело выскочить из груди; слезы навертывались на глаза, и если он не заплакал от страха, то только потому, что боялся, как бы его плач не услышал волк и не вышел бы к нему.

«Если бы Жучка была со мною, я не так бы боялся,— думал он.— Сам виноват: не опоздал бы и встретил бы папу!»

Идя осторожно по знакомой дорожке, мальчик вдруг вздрогнул и остановился. Где-то вдали, потревоженный ветром, падал снег с деревьев, и в тишине лесных сумерек ему показалось, что за ним гонится волк. Задышавшись от страха, он побежал во всю прыть и только тогда успокоился, когда услышал вблизи знакомый веселый лай собачки.

— Почему опоздал? — спросил его отец.

— Сегодня учитель отпустил нас позже, — ответил мальчик.

Однако это позднее возвращение стало повторяться все чаще и чаще, и мальчик каждый

раз дрожал от страха, когда ему приходилось идти одному домой.

Иногда мать упрекала отца, что он заставляет сына одного ходить вечером по лесу; но отец, делавший это умышленно, всегда отвечал ей:

— Я не хочу, чтобы мой сын был трусом! Мальчику скоро девять лет, и ему пора ходить без провожатых.

Старый лесник нарочно говорил это громко, чтобы мальчик слышал и, выходя из школы, не задерживался бы в пути, а сейчас же шел к тому месту, где отец ждал его. Часто случалось так, что лесник, придя на место и не видя сына, отходил в сторону, прятался за дерево и ждал его, а когда тот проходил мимо него, то издали молча следил за ним и приходил домой немного позже, говоря, что задержался в лесу и вовремя не успел прийти на место.

Между тем Оглонок, заметив, что отец не очень-то заботится о его своевременном возвращении, все чаще стал опаздывать под разными предлогами и даже вовсе не спешил.

Мальчик очень любил кататься по льду и после школы уходил с товарищами за околицу, где на замерзших лужах они устраивали недурной каток. В первый раз катанье так понравилось Оглону, что ему захотелось кататься каждый день.

Как-то раз, в субботу, в конце января, пользуясь тем, что уроки в школе окончились ранее обыкновенного, все мальчики, точно сговорились заранее, целой гурьбой отправились на каток. Им было так весело, что они и не заметили, как наступил вечер, все небо заискрилось звездами и над лесом взошла луна. Один из школьников, катаясь, выделял такие штуки, что приводил всех в восторг. Он то

скользил на одной ноге, то взмахивал руками, притворяясь, что падает, то подпрыгивал и нарочно падал, чтобы следовавшие за ним падали в свою очередь, то, наконец, кувыркался, сшибая с ног других. Было так шумно, что никто не хотел уходить.

Оглонок заметил первый, что уже поздно, и сейчас же отправился домой. Идти обычной дорогой было далеко, и он так устал от катанья, что решил сократить свой путь. Вместо того чтобы идти сначала по лугу, потом через деревню и, наконец, по полю и бору, он пошел прямой дорогой, минуя луг.

Один раз он уже ходил с отцом этим путем, и ему казалось, что он прямо попадет домой; но, войдя в густое подлесье, он не мог даже определить, в какую сторону нужно идти, чтобы попасть с свою избу. Здесь было много тропинок, проложенных крестьянами, ходившими в лес за дровами, а также зверями, выходящими из бора, и он пошел назад по первой попавшейся тропинке.

Мороз между тем крепчал и начал уже холодить его руки и ноги; но, думая только о том, как бы скорее попасть домой, мальчик шел, ничего не чувствуя и не замечая, как теряет по дороге свои школьные принадлежности: сначала выпала линейка, потом тетрадка и наконец книжка. Руки его все больше коченели; в ногах чувствовалась тяжесть.

«О-го-го, дело плохо! — думал он. — Ведь так я могу и замерзнуть, а избы все еще не видно».

Однако, сам того не замечая, бедный мальчик был уже совсем близко от дому. Занятый своими мыслями, он и не заметил, как прошел мимо избы, и теперь шел дальше. Но вдруг впереди себя он услышал волчий вой, и крик ужаса замер на его губах.

— Боже, спаси меня! — прошептал он. — Не дай погибнуть!

Оглонок повернул в противоположную сторону и, пройдя еще шагов двести, так устал, что сел под развесистую ель отдохнуть. Несмотря на сильный мороз, ему сразу сделалось тепло, и он глубоко, с облегчением вздохнул.

Между тем лесник, исходив по лесу много верст, вернулся домой только вечером. Он застал свою жену в слезах, обеспокоенную долгим отсутствием сына. Жучка тоже тихо выла, очевидно скучая по своему другу.

Обеспокоенный не меньше жены, Оглон, не снимая ружья, отправился на поиски; но не успел он сделать и десяти шагов, как услышал за собою шум; это бежала за ним его жена.

— Я тоже пойду с тобой, — сказала она. — Вдвоем мы скорее отыщем его. Разделимся и пойдем в разные стороны. Ты иди налево и кричи: «гоп! гоп!» А я возьму направо и буду откликаться. Если он заблудился, то тоже откликнется.

И старики разошлись в разные стороны, время от времени покрикивая и прислушиваясь. Но Оглонок сидел как раз по ту сторону избы, шагах, по крайней мере, в трехстах от нее, и не слышал их окликов.

Достигнув опушки леса, родители сошлись, сильно опечаленные тем, что не только не нашли сына, но даже не заметили его идущим по полю.

— Не захворал ли он и не остался ли в школе? — сказал отец.

— Едва ли! — возразила мать. — Если бы это случилось, то учитель непременно уведомил бы нас.

— Ну, в таком случае он, верно, опоздал, пошел прямой дорогой по лугам и заблудился.

И оба они направились к тому месту, где, как думал Оглон, мальчик должен был пройти. Действительно, вскоре они напали на его след: прежде всего отец нашел книжку, потом тетрадку и наконец линейку.

— Значит, он уже проходил здесь и теперь, наверное, сидит в избе, — заметила Оглониha. — Пойдем скорее!

Идя по хорошо знакомой им тропинке, отец думал о том, какое внушение сделать сыну за то беспокойство, которое он причинил им обоим.

А тем временем Оглонок, сидя под деревом, опять услышал вой, но уже не волка, а своей любимицы. Оставленная дома Жучка сидела на пороге избы, оглашая воздух жалобным воем. Мальчик узнал ее голос, встал и через две-три минуты робко вошел в избу. Жучка весело запрыгала и радостно залаяла. Сестра, вся в слезах, сказала ему, что отец и мать пошли в лес искать его.

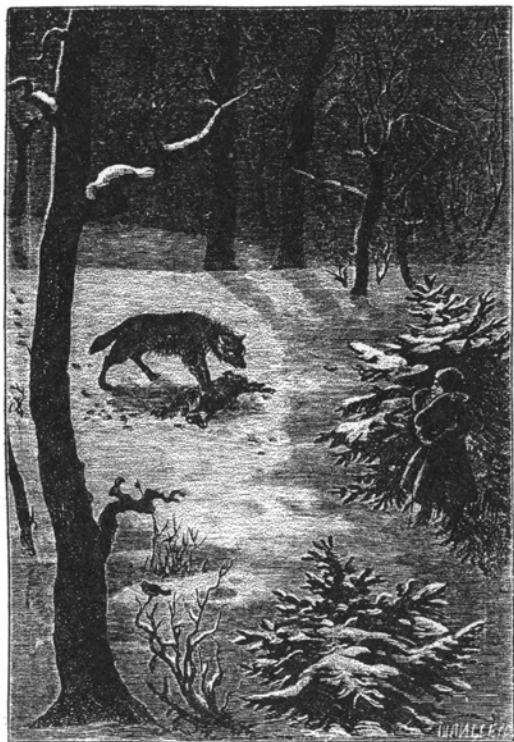
— Ах, я несчастный! — воскликнул опечаленный мальчик. — Что я наделал! Верно, папа и мама встретили волка!

— Надо пойти за ними, чтобы они напрасно не искали! — заметила сестра.

— Сейчас пойду! — со слезами отвечал мальчик.

— Я тоже пойду, и Жучку возьмем с собою!

И дети вышли из избы, взволнованные и расстроенные, что на их родителей, быть может, напал волк. Они пошли обыкновенной дорогой к полю; Жучка весело бежала впереди них. Вверху, между просветами деревьев, было светло, а внизу, напротив от кустов и сучьев, царил мрак. И, благодаря этой темноте, детям казалось, что они видят что-то недоброе,

что-то страшное, и осторожно подвигались вперед, поминутно оглядываясь по сторонам и озираясь, не увидят ли где отца и мать.

Но разве можно было их увидеть, когда они находились в противоположной стороне и шли к избе, а дети удалялись от нее.

Наконец лесник и его жена вошли в избу, в полной уверенности, что застанут детей дома. Но какво же было их удивление, когда они не нашли в ней никого.

— Господи, да что же это за наваждение! — воскликнул Оглон и опять ушел, приказав жене сидеть дома.

Войдя в бор, он направился к полю, прислушиваясь к каждому шороху. Обладая прекрасным слухом, он вскоре услышал отдаленный лай собачки, доносившийся со стороны поля. Лесник побежал во всю прыть, опасаясь, как бы этот лай не привлек волка и он не разорвал бы детей.

Он оказался прав в своем предположении. Подбегая к опушке, он вдруг услышал жалобный визг, какой обыкновенно издает раненая кем-либо собака. Лесник прибавил шаг и внезапно остановился, пораженный.

Ужасная картина представилась его глазам.

На опушке леса, прижавшись друг к другу, у куста можжевельника стояли его дети, а в двух-трех шагах от них страшный волк прижимал Жучку своими огромными лапами к снегу и терзал ее зубами. Глаза его сверкали, как раскаленные уголья, и сам он был величиною чуть не с медведя.

Нельзя было медлить ни минуты. Лесник быстро снял ружье и, целясь прямо в лоб, выпустил сразу два заряда, один за другим, из своей двустволки. Испуганные дети вскрикнули, а волк грохнулся на снег, захрапел, заметался,

подпрыгнул два раза и наконец испустил дух.

Оглонок и Оглоночка долго горевали, оплакивая смерть своего верного друга, ставшего жертвою волка, спасая их от гибели. Но зато не стало и ужасного волка, который делал столько зла крестьянам. Что же касается мальчика, то после этого дня он перестал опаздывать и всегда вовремя приходил из школы домой.

Лео и Роза

Французская сказка

В старинные времена в одном герцогстве цветущей южной Франции жил и правил умный и добрый герцог Франсуа. У него была красавица жена, Иллона. Все было хорошо, только герцог с герцогиней сильно горевали, что у них нет детей и, главное, сына, наследника герцогского трона.

Вот поэтому-то, когда однажды вечером в комнату герцогини Иллоны заглянул аист и объявил, что утром он принесет ей ребеночка, герцогиня сказала:

— Смотри, умная птица, позаботься, чтобы в приготовленной мной колыбельке очутился мальчик.

Аист посмотрел на герцогиню своими круглыми глазами и, ничего не сказав, улетел.

Но волшебная птица, вероятно, перепутала: когда утром Иллона подошла к наскоро приготовленной ее придворными дамами колыбельке, в ней оказалась девочка, но такая хорошенькая, такая беленькая и розовая, что герцогиня совсем позабыла рассердиться на аиста.

Через несколько дней состоялись крестины малютки; ее назвали Розой. На этот праздник по старинному обыкновению явились феи и принесли крошке в дар всевозможные вещи; но один подарок удивил всех.

Позже своих подруг подошла фея Леона и положила в колыбельку малютки маленького, едва прозревшего, львенка. (Ведь львы, как и все ос-

тальные звери кошачьей породы, рождаются слепыми.)

Праздник окончился без всяких неприятностей.

Время шло. Роза подрастала. Львенок, которого она назвала Лео, превратился в красивого, могучего льва с прекрасной, густой гривой. Он привязался к своей юной госпоже и ходил за ней, как преданная собака. Ни герцог, ни герцогиня не боялись отпускать ее одну с этим верным сторожем и другом. Но когда Розе минуло шестнадцать лет, Лео ушел в герцогский парк, да так и не вернулся, к великому горю молодой девушки и к огорчению ее родителей.

И странная вещь, с этого дня счастье, казалось, отвернулось от герцога Франсуа и от его маленького, но цветущего государства. Дело в том, что герцогство граничило с большим королевством, в котором владовала династия воинственных Конрадов. Все короли этой страны носили имя Конрад и различались только цифрами: Конрад первый, второй и т. д. В то время, о котором у нас идет речь, там правил Конрад сто первый. Король этот был еще воинственнее своих предков. Он без всякого повода объявил войну герцогу Франсуа и, несмотря на изумительное мужество герцогских войск, победил их и взял с герцогства большую дань. Глубоко задумался Франсуа о судьбе своей

сильно пострадавшей родины, когда ему принесли от Конрада следующее письмо:

«Я, Конрад сто первый, приказываю тебе, твоя светлость, прислать в мое королевство двести юношей, от восемнадцати до двадцати лет, сыновей самых высших вельмож твоей светлости, или же твоего собственного сына. Один герцогский сын стоит двухсот сыновей простых, хотя бы и высокорожденных, граждан. Со временем я, может быть, верну свободу им (или ему). Но честно предупреждаю тебя: может быть, тому (или тем), кто явится ко мне, не суждено вернуться».

Что тут было делать герцогу Франсуа? Огорчить своих приближенных, отобрав от них их сыновей, ему казалось немыслимым. Сына же у него не было. Он сидел и плакал, плакал в первый раз в жизни. Еще сильнее плакала герцогиня Иллона. Слезы родителей увидала Роза и, узнав в чем дело, сказала отцу:

— Позволь мне одеться в платье молодого человека и отправиться к Конраду под именем твоего сына.

— Дитя мое, — только и могла простонать Иллона.

— Розочка, ведь ты еще ребенок, и кто знает, какое трудное поручение даст тебе этот жестокий король.

— Отец, — серьезно возразила герцогу молодая девушка, — подумай: у некоторых из твоих придворных всего по одному сыну, что будут чувствовать они, если им придется расстаться с ними? Нет, нет, лучше я одна сделаюсь жертвой за многих.

Словом, после долгих споров, убеждений, слез и упрасиваний отец и мать Розы решили снарядить дочку в далекий и опасный путь. Роза сама выбрала из отцовского оружия латы,

шлем, меч, нож, седло и все снаряжение для коня, наконец решила пройти в отцовскую конюшню, чтобы взять лошадь.

Каково же было ее удивление, какова же была ее радость, когда на лужке перед конюшней она увидела большого зверя с косматой гривой.

— Лео! — закричала Роза. — Лео! Ты ли это?

Лев подошел к ней, потерся о ее руки головой, как кошка, и вдруг заговорил человеческим голосом:

— Да, это я, и я счастлив, что не ошибся в тебе. Долго ждал я этой минуты, и вот она наступила. Я не совсем обыкновенный лев и помогу тебе во многом.

Он замолчал, подпрыгнул и ударился о землю с такой силой, что из-под его лап взлетела пыль и на минуту ослепила Розу. Она зажмурила глаза, когда же снова открыла их, перед ней стоял прекрасный буланый конь с темно-бурыми гривой, челкой и хвостом; от Лео же не было ни следа.

— Лео, Лео! Куда ты опять пропал? — чуть не со слезами говорила молодая девушка.

— Не бойся и не кричи, — к удивлению Розы, ответила ей лошадь голосом Лео. — Я твой лев, твой друг. Оседлай меня, и я понесу тебя в страну могучего Конрада сто первого и буду верой и правдой служить тебе всем, чем могу. Ведь я же говорил тебе, что твой Лео не совсем обыкновенный лев.

* * *

По вымощенной железными плитами и окаймленной железными домами улице главного города королевства Конрада ехал на буланом коне

молодой рыцарь в блестящем вооружении. Солнце играло на его латах и шлеме. За седлом нарядного всадника был привязан небольшой сундучок; в нем лежало парадное мужское платье Розы.

Жители города Конрада давно не видали таких всадников, как тот, который проезжал теперь по их улицам. Он совершенно не походил на них. Сами они были невысокие, но коренастые, и притом какие-то серые, точно железные. Кожа на лице и на теле у них была серая; серы были их глаза и волосы. Женщины и дети у них тоже были серые, и все одевались в одноцветное серое платье; мебель, все убранство их домов делалось из железа с серой обивкой. Ни одного цветочка, ни одного листка, ни одной былинки не виднелось в этом скучном суровом городе. Только во многих местах торчали черные, засохшие, безлиственные деревья. Ничто не скрашивало этого печального места, кроме лазурного неба, которое повсюду одинаково прекрасно, несмотря на недостатки или достоинства людей.

Дворец Конрада стоял на высокой горе за множеством серых гранитных стен. Сам Конрад был такой же серый, как его подданные; но скорей печальный, чем злой; так, по крайней мере, показалось Розе, когда ее под именем Розальона представили королю.

— Какой ты молодой, — задумчиво произнес Конрад каким-то надтреснутым голосом. — Ну, поживи немного, отдохни, потом я дам тебе какую-нибудь должность.

— Как угодно, король, — ответил Розальон, — только мне кажется, если я приехал дело делать, лучше мне поскорее и приступить к нему. К тому же я совершенно не устал. Вот только позвольте мне, король, позаботиться о

моем лучшем друге, верном и добром коне. Ему нужен короткий отдых, если вы собираетесь послать меня в какой-нибудь долгий путь.

— Мне нравится твоя готовность служить, Розальон, — сказал король. — Но иди и отдыхай! Скоро я назначу тебя в один из моих полков и отправлю на войну.

Розальон (мы теперь будем так называть нашу знакомую Розу) почтительно поклонился и пошел в конюшню, где стоял его буланый конь.

Несколько времени Розальон отдыхал; он скоро перезнакомился со всеми серыми приближенными короля Конрада и понравился им своей красотой, любезностью и приветливостью.

— Скажите, — спросил он однажды старого графа Палку, — почему в вашем королевстве все такое серое, почему король кажется таким унылым и невеселым и сами вы все, извините, тоже не очень веселы?

— Вы крайне любезны, молодой человек, — с чем-то вроде улыбки ответил граф, — мы все не то что «не очень веселы», нет, мы страшно печальны; печальны днем и ночью, и вся наша жизнь серая, как мы сами. Иногда только она принимает другой оттенок, так сказать «красный»... во время бесконечных войн, которые затевает король Конрад, чтобы отвлечь себя от печали, грызущей его сердце.

— А скажите, почему в вашем городе все такого неяркого цвета?

— Все серое и противное, хотите вы сказать? — с таким же слабым подобием улыбки переспросил старый граф Палка. — О, юноша, не всегда было здесь так. В прежнее время наше королевство украшали цветущие кусты и деревья, повсюду виднелись яркие краски, и воздух звенел от птичьего пения.

— Что же такое случилось? Расскажите, если это не секрет.

— Не секрет, конечно, но король не любит, чтобы мы болтали о нашем счастливом прошлом; однако, понизив голос, я расскажу вам историю короля Конрада и его королевства. Только если покажется Конрад, я замолчу, а вы и вида не подавайте, что я рассказывал вам что-нибудь необыкновенное. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Розальон.

— Итак, повторяю, было время, когда в этом королевстве все сияло самыми прекрасными тонами, когда в каждом доме было по лютне или арфе, воздух наполняло птичье чирикание, звуки струн и нежных человеческих голосов. Конрадцы, то есть жители королевства Конрадов, все были высоки и стройны, отличались большой красотой и одевались в нарядные, яркие одежды, пожалуй, даже слишком нарядные и яркие. Дома их украшали выющиеся цветущие растения, и домовладельцы, один перед другим, щеголяли наружной окраской стен, так что город и селения нашей родины тоже были очень ярки и пестры.

Характер нашей нации поражал веселостью и добродушием. Только войны время от времени омрачали всеобщее веселье. Все конрадцы с незапамятных времен были очень воинственны и постоянно предпринимали походы в чужие страны. Но жестокими они никогда не были. Для них бывало важнее брать с врагов дань, чем убивать их или обращать в рабство. Воины напрягали все свои силы, чтобы захватить побольше народа в плен и позже взять за них выкуп.

— Вот, — печально заметил граф, — потому-то я и сказал, что конрадцы одевались слишком пестро, главное же — слишком роскошно.

Дорогие шелковые итальянские материи и пестрые восточные ткани стоят немало; всем нужны были большие средства, чтобы наряжаться, и... из-за этого именно наши короли и наш народ вечно мечтали о походах да войнах, которые, в случае успеха, приносили победителям большую прибыль.

У нашего короля была жена, светловолосая Матильда, с очами, темными как море. Умом и красотой славилась прекрасная королева, а также нравом кротким, любовью к простоте и спокойной, мирной жизни. Жили они, что называется, душа в душу. Единственные несогласия выходили у них из-за нарядов и войн. Понятно, молодая и очень красивая женщина любила одеться к лицу, но безумной роскоши мужа она не поощряла; кричащая пестрота ей не нравилась, и она не понимала, как из-за желания приобрести лишние средства на наряды можно начинать походы и войны.

«Конечно, — не раз говаривала она при мне, — можно и должно защищать свою родину от врагов или идти походом на государство, несправедливо поднявшее меч против какой-нибудь маленькой, беззащитной страны, но воевать ради тряпок, — да, да, она так и говорила — «тряпок», — я считаю ненужным и вредным».

Впрочем, королева была так мила и добра, что ее маленькие несогласия с королем всегда скоро оканчивались полным примирением, и, в общем, повторяю, жизнь Конрада и Матильды протекала безмятежно счастливо.

Их счастье еще увеличилось, когда небо послало им сына, мальчика-красавчика с большими глазами, в которых, казалось, постоянно играли лучи солнца или просвечивало золото. Вот как у тебя, юноша, — прибавил сановник, поглядывая на Розальона. — Мне даже кажет-

ся, что за это тебя сразу полюбил наш король.

Крестной матерью Конрада вызвалась быть золотоволосая фея Леона, самая красивая из всех фей, самая могущественная, но, как, вероятно, тебе известно — самая прихотливая и упрямая.

Через несколько дней после крестин, именно когда следовало ожидать нового счастья, пришло несчастье. По случаю празднеств, которые сопровождали крестины юного принца, Конрад сто первый сильно истощил свою казну и для пополнения средств решил объявить войну соседям. Кроткой Матильде, которая от счастья стала еще добрее и мягче, была невыносима мысль о новом походе. Начались прежние споры. «Лучше будем жить скромнее, одеваться в темное, — молила королева, — пусть и подданные наши тоже последуют нашему примеру. Тогда тебе не придется воевать с соседями и отнимать у них деньги и драгоценности». А Конрад отвечал ей, что он не желает одеваться, как нищий, и не позволит своему народу носить жалкие лохмотья.

Долго шел спор. Наконец королева в полном отчаянии закричала:

— Милая кума, фея Леона, помоги мне!

В то же мгновение послышался шум колес и, Бог знает как и откуда, подле дворца появилась золотая колесница, запряженная шестью громадными крылатыми львами. В колеснице сидела фея Леона. Она ничего не сказала, только остановила свой золотой экипаж против окна, близ которого происходил спор, строго посмотрела на короля, королеве же слегка кивнула своей красивой головой. Потом волшебные львы взмахнули крыльями и поднялись на воздух; взлетела и золотая колесница, и скоро все пропало из виду.

«Быть беде», — подумал я (все это произошло у меня на глазах).

Та же мысль, вероятно, пришла в голову и Матильде, потому что она заплакала и со словами: «Что я наделала» — принялась обнимать мужа и просить у него прощения. В нашем королевстве все знали, что, когда фея Леона появляется таким образом и улетает, не сказав ни слова, это предвещает какое-нибудь несчастье.

Так и случилось. В ту же ночь поднялась страшная буря. Выл невероятно сильный ураган, от которого дворец вздрагивал до самого своего основания, и деревья в парке стонали, точно живые существа. Всю ночь бушевал ветер; к утру буря не только не ослабела, но к ней еще присоединились гроза и ливень. Вероятно, еще никогда со времени всемирного потопа не было такого дождя. От непрерывно падавших с неба струй воздух потемнел, как ночью, и только молнии на секунду рассеивали тьму. Наконец послышался страшный гром, на несколько мгновений оглушивший всех окружавших короля. Молния, которая блеснула одновременно с ним, ослепила нас; в течение добрых пяти минут никто не видел ровно ничего, когда же мы пришли в себя, оказалось, что та часть дома, в которой была спальня маленького принца, разрушилась; никто не мог сказать, от грозового ли удара или от ярости вихря и ливня. Да это и не было важно. Беда состояла в том, что принц и королева, сидевшая подле его кровати, исчезли. Думали было, что они погибли под обломками стен и потолка, но камни разобрали, а их тел не нашли. Осмотрели все окрестности; послали гонцов во все соседние государства, чтобы осведомиться, не бежала ли, пораженная ужасом, королева с сыном куда-нибудь, скрываясь от ярости бури.

Все было напрасно. Потеряв последнюю надежду, Конрад впал в отчаяние, и уныние воцарилось в нашем городе и во всей нашей стране. Король перестал надевать нарядное платье, облекся в серые, бесцветные одежды. То же сделали и его подданные. От печали и слез лицо Конрада приняло зеленовато-серый оттенок, и ясно-голубые глаза его выцвели. Подданные, подражая ему, плакали не переставая, и то же случилось с ними. От уныния сгорбились наши рослые конрадцы: тоска иссушила их; прежде такие сильные, красивые, — они стали маленькие, приземистые, хотя кости их сохранили прежнюю ширину. Вот потому они и кажутся чужестранцам почти четырехугольными.

Деревья, поломанные той памятной бурей, потеряли листву, и жизнь их иссякла; они стоят без листьев, точно надгробные памятники над нашим прошлым счастьем. Птицы улетели. Ты сам знаешь: что за жизнь птице без зелени и цветов? Яркая краска с домов облупилась, и печальные люди выкрасили свои жилища в серый цвет. Словом, наше королевство стало таким, каким ты его видишь теперь. И эти перемены совершились в течение каких-нибудь девятнадцати лет.

— Девятнадцати? Значит, несчастья обрушились на вас как раз в год моего рождения, — заметил Розальон.

Граф Палка посмотрел на него и хотел было что-то сказать или спросить, но замолчал, потому что в эту минуту из соседней залы вышел Конрад, как всегда печальный и суровый; он, по-видимому, даже не заметил двоих собеседников; наклонив голову, опустив глаза к полу, король шел, бормоча про себя что-то. До Розальона донеслись только слова: «начать новый поход»... потом что-то неразборчивое, на-

конец, — «клянусь тогда воевать только ради защиты...» И он скрылся за следующей дверью. Графа Палку позвали, и Розальон больше ничего не узнал.

Часа через два наша Роза, которую мы называем Розальоном, как ее звали все при дворе Конрада, сидела в конюшне своего волшебного, превратившегося в буланого коня, Лео.

Розальон рассказал своему другу все, что ему пришлось услышать в этот день от старого придворного, и в заключение спросил:

— Лео, друг мой единственный в этой печальной стране, лев мой волшебный, ты все знаешь, не скажешь ли, почему Конрад, которому теперь уже не нужно денег на наряды и роскошь во дворце, все еще чуть не каждый год предпринимает походы в страны, ничем не провинившиеся против него?

Буланный опустил голову, как бы раздумывая о чем-то, потом, точно решившись, тряхнул своей бурой гривой и ответил:

— Граф Палка сказал тебе правду: тоска грызет Конрада и он надеется забыться во время войны. Кроме того, он все еще втайне думает найти где-нибудь следы сына и жены.

— Он мне прежде не нравился, но теперь мне жаль сурового человека и хотелось бы помочь ему.

— Роза, — торжественным тоном произнес буланный, — ты сказала очень важные слова; если ты согласна под видом Розальона на опасное и трудное дело, ты не только разгонишь тоску Конрада и всех его подданных и вернешь счастье этому королевству, но и принесешь счастье невинно пострадавшим и... самой себе.

— Если ты не покинешь меня, мой Лео, я готова на какой угодно подвиг, — ответила она, обнимая шею своего друга. — Кроме того, все, даже смерть, лучше, чем безрадостная жизнь в этой стране, вдали от моих родителей и милой родины.

— Хорошо же, — сказал Лео, — я научу тебя, что нужно делать.

В серой зале, на сером троне, в серой одежде заседал король Конрад посреди своих таких же серых и мрачных приближенных и военачальников. Придверникам был дан строгий приказ не впускать в тронную залу никого постороннего. Король и его советники толковали о предполагавшемся новом походе и не хотели, чтобы им кто-нибудь помешал.

Но рыцарь в блестящих доспехах так властно и так весело потребовал, чтобы придверники впустили его в залу, что серые конрадцы отступили от дверей, и через минуту Розальон уже стоял перед тронном короля.

— Не гневайся, — сказал рыцарь Конраду. — Я принес тебе счастливую весть. Я, кажется, могу отыскать пропавшую королеву Матильду. А может быть, ты увидишь снова и принца Конрада.

Все придворные взволновались. Со времени несчастья им под страхом жестокой кары было запрещено говорить о королеве или принце, и теперь они ждали беды.

Действительно, лицо Конрада потемнело так, что стало почти черным.

— Смотри, мальчишка, — прогремел он, — если ты обманываешь меня, я тебя велю казнить. Если ты лжешь, чтобы воспользоваться

моей доверчивостью и бежать обратно на родину, знай, я ничего не пожалею, двину свои полки в герцогство Франсуа и смету с лица земли это жалкое государство! Все твои родные погибнут.

Роза побледнела. Страх за любимых заставил ее было поколебаться, но в эту минуту за окном послышалось ржанье буланого; так называемый «молодой человек» кивнул головой и ответил:

— Хорошо, король! Только не начинай войны до моего возвращения и, если я верну тебе твою королеву, никогда больше не воюй без уважительной причины, а также, если узнаешь, что я пал в бою, стараясь честно выполнить данное тебе обещание, не мсти моим родным и моей родине, коня же моего буланого вели вывести на лесную поляну в герцогстве моего отца и отпустить там на свободу.

Конрад подумал и, прошептав: «Хуже не будет», — согласился и дал требуемые обещания.

Через несколько дней молодой всадник в рыцарских доспехах на заре выехал из ворот серого города Конрада.

Вас, может быть, удивляет, почему Роза с такой уверенностью говорила с королем? Скажу одно: она действовала по совету своего Лео, превратившегося в буланого коня. Он сказал ей, что ему известно, где скрывается королева, что знает он также, где принц; что он отнесет ее к Матильде; что на пути она встретит множество опасностей, которые ей удастся преодолеть, если она будет слушаться советов своего лучшего друга и беспредельно доверять ему, наконец, научил, как проникнуть в залу и как говорить с Конрадом.

Все случилось, как говорил Лео, и теперь он нес Розу в далекий путь. Долго был этот

путь. Роза ехала через высокие горы, глубокие ущелья, широкие долины. Раз, уже далеко за пределами королевства Конрада, в глухом лесу на нее напали разбойники. Их было очень много, целая шайка, но буланый конь помчался с такой быстротой, что ни одна из стрел разбойников не успела попасть ни в коня, ни во всадницу.

На тридцать третий день пути Роза увидала перед собой прелестную долину, полную цветов. Там и сям на ней зеленели прекрасные деревья и пестрели цветущие кусты.

— Остановимся здесь, Лео, отдохнем от тяжелого пути, хотя бы вон там, на берегу ручья, через который перекинут мостик. В этом месте, я уверена, мы будем в полной безопасности.

— Очень ошибаешься, — ответил Лео. — Тут-то и начинаются настоящие опасности. Только не робей и, кого бы ты ни увидала, смело руби мечом и бросайся на врага с возгласом: «За угнетенных, страдающих и во славу Леоны!»

Не успел еще замолкнуть голос Лео, как из-под того самого моста, о котором говорила Роза, выскочил огромный свирепый волк, такой страшный, каких Роза раньше и представить себе не могла. И действительно, это был волк особенный: его шерсть состояла из стальных колючек, когти были чугунные, а из пасти вырывалось такое горячее дыхание, что обжигало тело. Тем не менее, помня заветы Лео, Роза крикнула: «За угнетенных, страдающих и во славу Леоны!» — повернула коня к зверю, уже собираясь обнажить свой меч и рубнуть волка, как тот с диким воем, поджав хвост, бросился от нее прочь и скрылся в соседней чаще.

— Первое испытание прошло хорошо, — по-

хвалил Лео Розу. — Мужайся, потому что дальше будет страшнее. Однако, если ты не потеряешь смелости и не забудешь слов, которые должна сказать, все опять-таки обойдется хорошо.

И он повернул в ущелье между высокими, грозными горами. Глухо отдавались удары копыт в

этом диком месте, и Роза с минуты на минуту ожидала появления злого человека или зверя, готовясь мужественно выдержать столкновение с двуногим или четвероногим врагом. Но то, что вскоре преградило путь ее коню, было гораздо страшнее всего, что она ожидала: из широкой, зияющей расщелины в гранитной стене выполз ужасный дракон с зеленоватой чешуей, отливавшей металлическим блеском, с острыми когтями из агата и с пастью, усаженной огромными зубами. В довершение ужаса страшилище это извергало изо рта пламя и горячий пар; оно грозно ревело и время от времени произносило человеческим голосом: «Смерть, смерть!»

Роза от страха похолодела, и ее руки чуть не выпустили меча. Дракон был уже совершенно близко; его раскаленное дыхание обжигало ей лицо, и она готова была с молитвой умереть, но ее буланый ударил чудовище обоими передними копытами и в то же время почти с отчаянием в голосе прокричал:

— Роза, Роза, вспомни!

Едва слышно она произнесла:

— За несчастных, угнетенных и во славу

Леоны! — и, собрав последние силы, взмахнула мечом.

Что произошло дальше, Роза не помнила: она потеряла сознание, когда же открыла глаза, чудовища уже не было, не было также и гор; сама она, по-прежнему в вооружении рыцаря, лежала на песчаном берегу моря, и синие волны с мелодическим шумом растекались на отмели. Над ней стоял лев и смотрел на нее, а вблизи лежал тот сундучок, который ей на прощанье дала герцогиня Иллона, седло, недавно украшавшее спину буланого, узда и все остальное.

— Сплоховал было ты, мой Розальон, — сказал Лео, протягивая к ней лапу, — и пришлось мне тебя нести сюда, на берег морской. Не скажи ты слов, которым я тебя учил, пропало бы решительно все и никто даже не узнал бы о твоей судьбе. Разве только фея Леона захотела бы рассказать о тебе твоим родным. Но теперь оправься, закуси — и в последний путь.

Только в эту минуту Роза заметила под деревом, недалеко от песчаной отмели, большой ковер со странным рисунком, а на нем кушанье, плоды и кувшин с чистой водой. Роза закусила, отдохнула и сказала Лео:

— Я готова. Но куда же мы отправимся?

— Ты поплывешь на корабле, который принесет тебя к очень красивому острову; там тебе придется действовать по собственному разумению, потому что я останусь ждать тебя здесь, на берегу. Пожалуйста, только не забывай, что до новых указаний — ты юноша, а не молодая девушка, Розальон, а не Роза. На острове живет прекрасная королева Матильда; она ни на один день не постарела с той минуты, в которую была похищена, не переменилась по на-

ружности ни чуточки, но в ее характере произошли большие изменения: она стала тщеславна и ветрена и забыла все, что было с ней прежде. Эти указания должны сказать тебе, как ты должна... должен, — поправился лев, — действовать. Больше я ничего не смею тебе открыть. Пока, прощай. Я буду ждать тебя на этом берегу.

Лео схватил зубами ковер и, не обращая внимания на покотившиеся с него тарелки, кувшин и стаканы, высоко подбросил его. Пестрый ковер упал на воду, и через мгновение перед Розальоном стоял нарядный корабль, украшенный персидскими тканями, нагруженный драгоценными материями, ароматами, браслетами, ожерельями и всевозможными красивыми вещами, в числе которых было огромное зеркало в хрустальной раме, покрытой выпуклыми хрустальными же украшениями в виде цветов и плодов. На палубе корабля толпился экипаж. По-видимому, матросы отлично знали, что им следовало делать, а кормчему было хорошо известно, куда он должен вести корабль. На счастье, ветер оказался попутный; паруса надулись, и корабль, как птица, понесся по морю.

После пяти дней приятного плавания и без всяких приключений судно пристало к острову, и капитан, подойдя к Розальону, низко поклонился и сказал:

— Вот куда мне было велено доставить вас. Что прикажете теперь делать?

Это были первые слова, которые наш Розальон услышал на палубе; до тех пор никто с ним не заговаривал, никто даже не отвечал на его вопросы, так что нашему путнику казалось, что весь экипаж состоял из немых.

Недалеко от берега поднимался великолепный замок, обнесенный высокими стенами, над

которыми зеленели вершины раскидистых деревьев с густой листвой. Когда Розальон подошел к широким позолоченным воротам, где-то в глубине сада послышалась музыка. Двое слуг в ливреях встретили нашу Розу-Розальона и с вежливыми поклонами приветливо сказали:

— Чужестранец, на этом острове любят гостей, особенно веселых и нарядных, как ты.

Следует упомянуть, что Розальон еще на палубе своего волшебного корабля скинул латы и дорожное платье, заменив их парадными одеждами из тонких шелковых тканей, и теперь походил не на сурового рыцаря, а на веселого придворного.

Против дворца, на зеленой лужайке, пестревшей цветами, сидела красавица со своими фрейлинами и придворными дамами и слушала, как одна из них играла на лютне.

Роза-Розальон с глубоким поклоном сказала:

— Случай занес мой корабль к этим берегам. Скажи, о, королева, как величать тебя?

— Я принцесса Миранда, — последовал неожиданный ответ.

— А королевство это твое, прекрасная принцесса?

— Не знаю, — беспечно ответила красавица. — Я живу здесь; мне весело, а мое ли это королевство, я не знаю, да и знать мне совсем неинтересно.

— А давно ли ты здесь, принцесса?

— Не знаю, — опять сказала красавица. — Иногда мне снятся странные, неприятные сны. Я вижу какого-то мальчика, бурю, вихрь и ощущаю боль, вот здесь, на сердце. Повторяю, это очень неприятно, и я стараюсь прогнать злые грезы. Мне слишком хорошо без них, и я не желаю, чтобы из-за пустых сновидений мое сердце ныло и болело.

«Бедная королева Матильда, — подумала Роза, — она заколдована... Мне придется увезти ее хитростью или силой. Только бы доставить бедняжку до суши, где меня ждет мой волшебный Лео, мой верный друг. Он, конечно, поможет мне».

И Розальон принялся рассказывать Миранде о своем прекрасном корабле, о находящихся на его палубе драгоценных ожерельях, кольцах, браслетах, наконец упомянул об огромном зеркале.

— Вот бы тебе, красавица принцесса, посмотреться в него. Оно с такой ясностью отразит твою несравненную красоту.

— Принеси его, чужестранец, — сказала она. — У меня во дворце именно не хватает хороших, больших зеркал. Принеси его.

Услышав же в ответ, что зеркало так велико и хрупко, что его опасно переносить, Миранда забыла о своей лени и поспешила на берег моря в сопровождении нескольких своих фрейлин. Корабль стоял не подле самого берега, и Розальон предложил Миранде сесть в маленькую лодочку, обещая позже доставить на корабль и ее придворных дам. Когда принцесса поднялась на палубу, ей тотчас же подали прекрасное зеркало; она впилась взглядом в свое изображение и до того занялась рассматриванием своего прекрасного лица, нарядного платья и затейливого головного убора, что даже не заметила, когда паруса корабля надулись и он закачался на волнах. Вообще она совершенно забыла все, что недавно окружало ее; без труда привыкла к жизни на корабле и ни разу не спросила ни о своих приближенных, ни о том острове, на котором, казалось, была так счастлива. Обратное плавание для всех прошло почти незаметно и окончилось очень скоро, так

как сильный попутный ветер нес корабль с поразительной быстротой.

Вот и берег. С замиранием сердца Розальон всматривался в очертания суши, с трепетом надеясь увидеть там своего Лео, но вместо льва на отмели стояла фея Леона, прекрасная, веселая, с приветливой улыбкой на губах.

Едва Роза и принцесса вышли на сушу, фея протянула Розе руку и ласково сказала:

— Правда, мой волшебный корабль помог тебе, но, в общем, ты прекрасно справилась с задачей. Королева, — обратилась она к Миранде, — подойди ко мне и вспомни! Я унесла тебя в наказание твоему мужу, Конраду, но, не желая, чтобы ты страдала и грустила, отняла у тебя память. Вспомни!

В ту же минуту красавица огляделась кругом и залилась слезами, повторяя:

— Конрад, милый муж мой! А ты, мое несчастное дитя? Где вы, где вы? Куда унесла вас страшная буря?

— Утешься, — сказала ей фея. — Ты увидишь их обоих, попадешь опять в свое королевство и вернешь своей стране прежнее счастье. Твой сын уже большой; Лео! — позвала Леона, и из соседней чащи выбежал великолепный лев, кинулся сначала к Матильде, а потом подошел к Розе и лег у ее ног.

Королева испугалась страшного зверя, но Леона успокоила ее, сказав:

— Это твой сын, принц Конрад. Он временно был превращен мной в льва. Но девушка, которая должна сделаться его женой, уничтожила чары. Впрочем, не вполне. Зачем ты, Роза, задрожала при виде дракона? Ведь это доказало, что ты не вполне доверяла твоему Лео, которого называла своим лучшим другом. Между тем только полная, непоколебимая вера в тех,

кого мы любим, способна разрушить козни врагов и отстранить от нас жестокие опасности. Лео превратится в красивого принца Конрада; вероятно, ты будешь продолжать его любить, как любила в образе волшебного зверя, и согласишься сделаться его женой; но существует одно «но»: ежегодно в течение пяти дней он будет принимать образ льва. Кроме того, принц Конрад потеряет магическую силу, которой владел лев Лео. Скажи же, Роза, согласна ли ты на все это?

— Согласна, — ответила Роза.

Фея Леона наклонилась к Лео и поцеловала его в голову. В то же мгновение лев исчез, а на его месте оказался прекрасный принц в великолепной одежде золотистого цвета. Он подбежал к своей матери и горячо обнял ее, потом подошел к невесте и поцеловал ее в лоб.

После этого фея Леона отвела Розу в чащу леса, где на мягкой мураве лежали все принадлежности женского наряда, и через несколько минут из-за деревьев показалась Роза в нарядном платье.

Фея Леона снова превратила корабль в тот самый коврик, на котором Роза обедала перед отплытием на остров, и на нем-то Роза, Матильда и принц Конрад перелетели в королевство его отца. Счастьем короля и всего народа не было предела. На радостях Конрад обещался никогда не затевать несправедливых войн.

Были в восторге и родители Розы, которых пригласили на ее бракосочетание с принцем Конрадом.

Устроили веселый и великолепный пир. В довершение всех благ конрадцы, переставшие сохнуть от печали, потеряли свой серый цвет лица, научились держаться прямо, стали много есть и пить, пополнили и скорее, чем можно

было ожидать, приняли вид обыкновенных людей. Они, правда, отказались от чрезмерно дорогих нарядов, зато развели цветы и насадили деревья. Да и прежние, в которых от печали, царившей в королевстве, замерла жизнь, снова зазеленели и покрылись цветами. Птицы вернулись на прежние места. Король же стал белым и красивым, как прежде, на второй же день после возвращения королевы и своего сына.

Принц Конрад и принцесса Роза были очень счастливы, и счастье это нисколько не нарушалось тем, что на пять дней в году красавец Конрад превращался в царственного и умного зверя. Напротив: видя его в этом образе, Роза еще с большей ясностью вспоминала все, что он для нее сделал, а также наставления феи Леоны, сказавшей ей памятные слова о необходимости полного доверия к тем, кого мы любим.

Царевна Зоренька

Польская сказка

Жили-были некогда царь с царицей, единственным желанием которых было иметь сына или дочь; но год проходил за годом, а детей у них все не являлось. Молодая царица скучала, грустила и наконец опасно заболела, так что ее муж должен был пригласить всех докторов государства, чтобы они излечили ее от злой тоски и печали. Но сколько доктора ее ни лечили, сколько ни советовались между собою, — ничего не помогало.

Наконец при дворе царя появился какой-то заезжий карлик Куська, говоривший всем, что он может вылечить царицу. Когда это стало известно ее мужу, он приказал немедленно пригласить его в замок и допустить к больной.

Царица рассказала ему, чем она страдает, и карлик, внимательно выслушав ее, сказал:

— На все это, царица, я могу дать вам только один совет. Вы должны как можно скорее переменить образ жизни, много путешествовать, объехать все ваше царство и побывать даже в таких местах, в которых до сих пор еще не жили люди. Если все это исполните, то вернетесь совсем здоровою и даже веселою.

Совет карлика был так прост и так легко выполним, что царь через несколько дней привел его в исполнение и сам проводил свою жену за город.

В начале путешествия, проезжая по густо населенным городам, селам и деревням, царица проводила время довольно весело; но когда пошли

глухие и пустынные места, ей опять сделалось скучно.

— Господи, да тут можно умереть от тоски! — воскликнула она, обращаясь к придворным, окружавшим ее карету.

Так она ехала уже с месяц, не видя конца своему путешествию. В довершение всего, передовой всадник сбил с дороги и завез царский поезд в такие пески, из которых трудно было выбраться. Лошади совсем измучились, воды нигде не было видно, солнце жгло немилосердно, и все изнывали от жажды и усталости. Наконец к вечеру заметили вдали какое-то дерево, покрытое, вместо листьев, шипами и терниями, под которым стоял рыцарь на коне, закованный в панцирь и латы, с мечом в руках и в шлеме на голове.

— Благородный рыцарь, — обратился к нему передовой, — будьте добры, скажите, как нам выбраться из этих песков на проезжую дорогу?

— А кто едет? — спросил рыцарь.

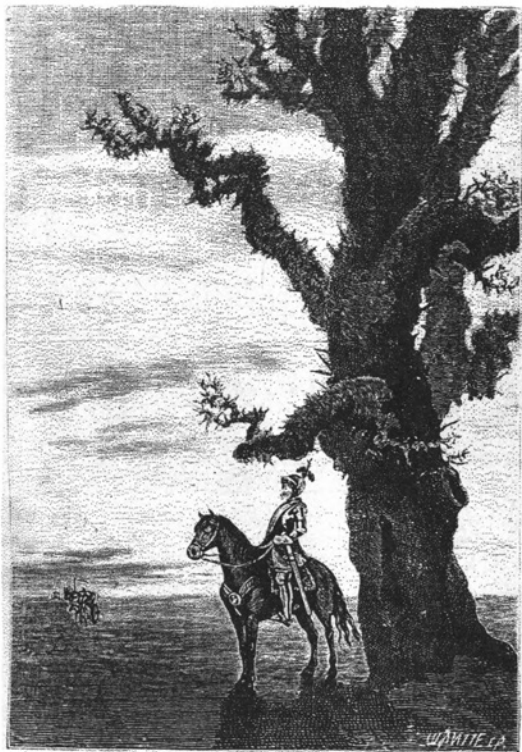
— Царица и ее двор.

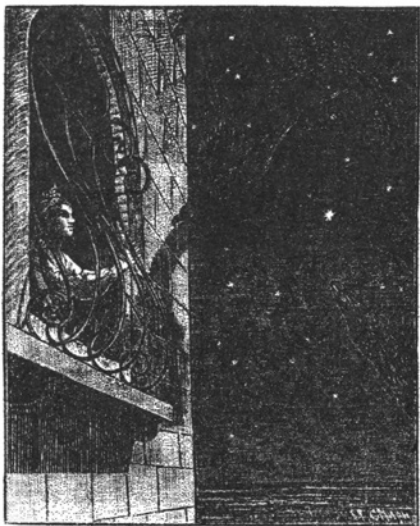
— Хорошо, я покажу дорогу, если царица позволит поцеловать себя.

Всадник приблизился к карете, открыл дверцы и передал царице свой разговор с рыцарем. Та пришла в страшный гнев и приказала тотчас же ехать дальше.

Проехали еще немного. В воздухе было все так же душно, и лошади еле волочили ноги. Но пески уходили все дальше и дальше, и казалось, им не будет конца. Вдруг, при свете луны, передовой опять заметил, что они находятся около того же дерева, под которым стоял всадник на страже.

— Сжальтесь, рыцарь! — крикнул он ему. — Скажите, куда нам ехать?

На этот раз и царица выглянула из окна кареты и стала просить его о том же, обещая ему по возвращении всякие милости.

— Охотно выведу вас из этих песков, царица, — ответил рыцарь, — но не раньше, чем поцелую вас.

— Дерзкий, ты сам не знаешь, чего просишь! — вскричала разгневанная царица и дала знак продолжать путь.

Но, проехдив до утра, царский поезд опять очутился у того же дерева. На все мольбы придворных и царицы, обещавшей озолотить его, если он укажет дорогу, рыцарь и в третий раз потребовал того же.

— Но, — прибавил он, — я поцелую вас так, что никто из ваших придворных ничего не увидит и вам не придется краснеть, царица!

— Хорошо, — сказала она после некоторого раздумья, — целуй, но только скорее, потому что мне надоело кружиться среди этих сыпучих и знойных песков.

Рыцарь склонился к окну и быстро, незаметно поцеловал царицу; потом взял под уздцы лошадей, вывел их на дорогу и сказал передовому всаднику:

— Поезжай теперь все прямо!

Царский поезд двинулся в путь и скоро достиг населенных мест, где царица могла спокойно отдохнуть со всем своим двором.

Прошло немало времени, прежде чем путешествие царицы окончилось, и она вернулась во дворец здоровой и веселой. Хотя после этого рыцарь ни на минуту не выходил из ее памяти, но она ничего не сказала о нем своему мужу.

Вскоре царица родила дочь, которую назвали Зоренькой. Родители были очень довольны, и счастьем их, казалось, не будет конца. Но среди придворных нашелся один, который шепнул царю, что ребенок явился на свет благодаря каким-то злым чарам. Это привело отца в такой гнев, что он тут же приказал бросить девочку в море или отнести ее в дремучий лес и оставить там на растерзание диким зверям.

Один из старых царских слуг взял малютку, положил ее в корзину и, сев в лодку, поплыл в открытое море; но по дороге ему стало жаль невинного ребенка, и он сказал себе:

— Нет, не могу я быть убийцей ребенка, который ни перед кем ничем не провинился, и не погублю его!

Сказав это, он направил лодку на пустынный остров, сошел на него, поставил на берег

корзину с маленькой царевной и, взглянув на небо, с мольбою воскликнул:

— Боже, будь милостив к этой малютке! В Твоей власти охранить, защитить и спасти ее!

И, благословив спящую царевну, честный слуга уехал, оставив ее одну на пустынном острове.

Охраняемая небом и предоставленная самой себе, царевна росла не так, как все люди; в один час она вырастала на год и через семнадцать часов была уже совсем взрослой девушкой. Все в ее жизни было чудесно, как была чудесна и она сама, такая ясная, светлая, — настоящая утренняя заря.

Однажды к ее острову прибило бурей несколько кораблей с войсками царя Розана, который ехал в далекие, чужие страны сражаться с вероломным врагом. Он увидел царевну, влюбился в нее и стал просить ее руки; но она отказала ему, сказав, что ей и так хорошо.

Оскорбленный ее отказом, царь Розан приказал своим приближенным взять ее силой и, посадив на корабль, отвезти в его государство. Но царевна Зоренька обладала чудесным даром: один взгляд ее глаз мог превращать человека в камень. И когда воины царя Розана приблизились к ней, она только взглянула на них, и все они тотчас же превратились в камни. Сам царь едва успел спастись на корабле вместе с несколькими приближенными и уплыл домой.

— Не сражаясь с неприятелем, — сказал он, — я возвращаюсь побежденным и разбитым, как после самой неудачной войны! Но кто мог подумать, чтобы глаза одной девушки могли победить войска, до сих пор не знавшие поражения!

И он поведал всему миру о том, что случилось с ним на пустынном острове; но многие не поверили ему и пожелали лично навестить царевну.

Между тем Зоренька продолжала спокойно жить на острове. Орлы, пчелы и дикие козы приносили ей пищу, а олени с громадными рогами составляли ее стражу. Когда она гуляла по берегу моря, за нею всегда летели стаи птиц и

мотыльков, мелькая в воздухе своими разноцветными крылышками. А когда она купалась в море, то миллионы рыб охраняли ее покой.

Но царь Розан больше уже не появлялся на острове.

Вместо него, спустя несколько месяцев, явился царь Тюльпан, со всем своим двором и войском, на коленях умоляя царевну выйти за него замуж.

— Будь моею женой, — говорил он, — и я сделаю тебя могущественнейшей из цариц! Я отдам тебе все свои земли, дворцы и несметные сокровища!

— Не желаю я ни тебя, ни твоих сокровищ! — отвечала царевна.

Но он продолжал настаивать и наконец начал грозить, что похитит ее силой.

Тогда она привела его к тому месту, где стояли воины царя Розана, превращенные ею в камни.

— Взгляни, — сказала она, — это воины царя Розана, который тоже хотел похитить меня. Такая же участь ждет и тебя с твоим войском!

— Если так, то позволь мне остаться на этом острове, чтобы я мог всегда видеть тебя, прекрасная царевна!

— Оставайся, но только не проси меня быть твоей женою, — сказала Зоренька.

Царь Тюльпан приказал построить для прекрасной царевны дивный замок, в котором она могла бы проводить все дни. Его корабли привезли из далеких стран мрамор, слоновую кость, красное дерево, золото, бриллианты и другие драгоценности, и в короткое время дворец был готов.

— Зачем ты все это делаешь, царь Тюльпан? — спрашивала его царевна. — Ведь все равно я никогда не буду твоей женой!

— Тогда разреши мне быть твоим братом и другом, заботиться о тебе и защищать в минуты опасности!

В то же время о красоте царевны прослышал могущественный царь Пион, которого все считали волшебником. Он происходил из рода карлика Куськи, но, как говорили, был даже сильнее его. Все цари дрожали перед ним, и только один рыцарь Огонь не боялся его. Но прошло уже много времени, как этот рыцарь исчез, и никто, кроме карлика Куськи, не знал, где он и что с ним.

В один прекрасный день к пустынному острову приплыл царь Пион; тринадцать кораблей с лучшим отборным войском сопровождали его. Он еще с моря увидел великолепный замок, сверкавший в лучах солнца, как самая большая звезда, и тут же решил во что бы то ни стало овладеть им и его прекрасной повелительницей.

Будучи сам волшебником, он не боялся чудесного дара царевны, о котором узнал от карлика Куськи.

Как только его войска высадились на берег, царь Пион приказал им сейчас же атаковать замок. В первой же схватке многие воины царя Тюльпана, несмотря на геройскую оборону, сложили свои головы за царевну Зореньку, а сам он был усыплен волшебником Пионом, когда стоял во главе своего войска с поднятым в руке мечом. Вместе с ним заснули и все оставшиеся в живых воины на тех же самых местах, где стояли.

Царевна, видя, что она ничего не может сделать своим волшебным даром, поднялась на самую высокую башню, наблюдая оттуда за тем, что делается внизу. Вскоре она увидела царя Пиона, который, опасаясь ее взгляда, стоял с опущенным забралом на лице.

— Сдавайся, царевна! — крикнул он ей снизу. — Никто и ничто не может устоять против моего могущества!

Но царевна только рассмеялась на его слова. Замок был почти неприступен, и овладеть им было не так-то легко.

Однако, несмотря на это, ее положение было опасное; рано или поздно она все же могла попасть в руки своих врагов.

Однажды ночью, на третий день осады, она сидела, задумавшись, у окна башни, смотря на звезды и жалуясь им на свою горькую участь. В это мгновение она увидела парящих высоко в небе, над ее головой, четырех орлов и крикнула им:

— Куда вы летите, мои дорогие орлы? Спуститесь ко мне на окно и посмотрите, что делается с царевной Зоренькой!

Орлы с шумом подлетели и, усевшись на подоконнике, спросили, чего она хочет от них.

Царевна заплакала и рассказала им о своем горе.

— Скажи же нам, царевна, что мы должны сделать, чтобы освободить тебя от этого волшебника? — в один голос спросили они.

Тогда царевна сказала орлам:

— С тех пор как я сделалась царицей этого острова, каждую ночь я вижу во сне прекрасного рыцаря, перед силой и мечом которого не может устоять ни один богатырь. Я уверена, что если бы он узнал о моем положении, то немедленно прибыл бы сюда и победил царя Пиона. Отпускаю вас, мои дорогие орлы, на все четыре стороны и прошу каждого отыскать этого храброго рыцаря и сказать ему, что я прошу его помощи и защиты!

Орлы поднялись, зашумели крыльями и разлетелись в разные стороны. Один из них поле-

тел на восток, но не нашел там такого рыцаря; другой направил свой путь на запад, перелетел через океан, но и его поиски были безуспешны; третий двинулся на юг и скоро попал в пустыню, где раскаленный песок слепил глаза и раздавались только голоса ястребов и рычание львов. Долго он кружился среди палящего вихря, пока, наконец, не заметил вдали дерево, покрытое, вместо листьев, шипами и терниями, под которым стоял рыцарь на коне, в панцире и латах. Орел устал, его крылья отяжелели и как бы приросли к телу. Он сделал последнее усилие и опустился на дерево.

Увидя его, рыцарь спросил:

— Куда летишь, орел, и как ты попал в этот край?

— На пустынном острове, в башне, живет моя царица, прекрасная Зоренька, которой решился овладеть волшебник, царь Пион. Я послан ею найти того прекрасного рыцаря, перед силой и мечом которого никто не может устоять, — отвечал орел.

— А откуда ты знаешь, что такой рыцарь существует на свете?

— Царица говорит, что она каждую ночь видит его во сне.

— Ты хорошо сделал, что рассказал мне об этом. Я родной брат рыцаря Огня, того самого, которого ты ищешь. История нашего рода очень печальная. Волшебники, карлик Куська и царь Пион, наказали нас за то, что мы хотели победить их. И вот уже много лет, как я томлюсь в этой пустыне, прикованный к одному месту, а мой брат живет на далеком севере, среди вечных снегов, находясь во власти колдуньи Метелицы и ее брата Мороза.

— Что же нужно сделать, чтобы освободить его?

— Надо, чтобы он на несколько минут стал невидимым для колдуньи и ее брата. А для этого необходимо овладеть шапкой-невидимкой карлика Куськи, которая лежит в орлином гнезде на высокой скале, среди высоких гор, и охраняется орлицей.

— А скажи мне, кто может достать эту шапку-невидимку? Ведь птица не может этого сделать.

— Только человек с добрым сердцем, сильный, смелый, отважный, может овладеть этой шапкой-невидимкой. Знаешь ли ты такого человека, орел?

— Знать-то я знаю, — вздохнул орел, — но, к несчастью, царь Пион усыпил его и он спит теперь вечным сном. Это — царь Тюльпан, друг царицы, полюбивший ее на всю жизнь и построивший для нее дивный замок на острове.

— Ах, как я завидую ему, — воскликнул рыцарь. — Как бы я был счастлив, если бы мог заснуть хоть на один час!.. Но его можно разбудить... Возьми на свои когти несколько капель крови с мизинца моей правой руки и впусти ее в тот же мизинец царя Тюльпана, и он тотчас же проснется. Если ему удастся овладеть шапкой-невидимкой и освободить брата, то мой брат разобьет царя Пиона и освободит вашу царицу. В ту же минуту и я стану свободным от заклятья.

Орел спустился к рыцарю, ранил своим клювом указанный мизинец и, взяв на свои когти несколько капель крови, полетел обратно на остров.

Три других орла давно уже вернулись назад и, сидя на подоконнике, с нетерпением ожидали своего товарища. Наконец он явился и рассказал царевне о своей встрече с рыцарем в пустыне. Она внимательно выслушала его и сказала:

— Прошу вас, мои дорогие орлы, послужить мне еще и помочь царю Тюльпану освободить рыцаря Огня.

После ее слов орел, прилетевший с юга, впустил капли крови в мизинец правой руки царя Тюльпана, который тотчас же очнулся. Когда наступила ночь, он незаметно пробрался на берег, сел на корабль и поехал в страну высоких гор, к орлиной скале, где находилась шапка-невидимка. Орлы летели над ним, указывая ему путь.

Но карлик Куська по звездам узнал, куда плывет царь Тюльпан, и на другой день поднял на море такую бурю, что корабль, подбрасываемый волнами, как ореховая скорлупа, налетел на камни и разбился, а царь Тюльпан был выброшен на какой-то остров. Полный отчаяния, не зная, что делать, он заломил руки и воскликнул:

— О, бедная Зоренька! Все обстоятельства складываются против тебя!

Но едва он произнес эти слова, как вода у берега зашумела, запенилась и, сквозь рев бури послышался голос кита:

— Кто здесь произнес имя царевны Зореньки, которую знает все подводное царство?! Кто бы ты ни был, скажи, какой услуги ждешь ты от нас?!

— Я друг царевны, — отвечал Тюльпан, — и послан ею в страну высоких гор за шапкой-невидимкой! Корабль мой разбился, и дальше я не могу ехать, а между тем мне необходимо исполнить ее поручение, потому что жизнь царевны в опасности.

— Тогда садись на мой хребет, и я доставлю тебя хоть на край света.

— Но в такую бурю невозможно пускаться в открытое море.

— Я родился в воде, живу в ней, и мне не страшны никакие бури! Ты смело можешь доверять мне свою жизнь.

В то же мгновение на поверхности бурного моря показался хребет кита, на который царь Тюльпан вскочил, как на коня, и быстро полетел далее.

На третьи сутки кит привез его к берегу той страны, куда лежал его путь, и сказал:

— Если я еще понадобится тебе, то приходи сюда и произнеси имя царевны Зореньки, и я тотчас же явлюсь к тебе.

Не успел царь Тюльпан ступить на землю, как увидел спутников своих, четырех орлов, которых занесло сюда бурей.

Подвигаясь далее, он скоро подошел к орлиной скале и на вершине ее едва различил орлицу, сидевшую в гнезде на шапке-невидимке. Здравый смысл подсказал ему скрыться на время в пещере и дожидаться более удобной минуты. Ждать ему пришлось недолго. Когда наступил вечер, у скалы появился карлик Куська, произнес какие-то слова, и орлица, спустившись, надела на его голову шапку-невидимку. Карлик тотчас же пропал неизвестно куда. Он вернулся на рассвете, опять произнес какие-то слова, птица слетела с гнезда и, сняв с него шапку, поднялась вверх, а карлик исчез.

Царь Тюльпан проделал все так же и получил от орлицы шапку-невидимку. В ту же минуту он сделался невидимым и решился бежать, пока карлик Куська не заметил исчезновения своей шапки. На берегу он вызвал кита и, сев на его хребет, приказал доставить его на север, в страну вечных снегов. То же приказание отдал он и орлам, которые не могли его видеть, а только слышали его голос.

Наконец, на седьмой день, перед рассветом, они остановились у цели своего путешествия, и кит высадил царя Тюльпана на берег, прося опять вызвать его, когда будет нужно.

Надев шапку-невидимку, царь Тюльпан отправился на поиски рыцаря Огня; четыре орла следовали за ним, паря над его головой. Скоро высокие ледяные горы и громадные сугробы снега преградили ему путь. Чтобы попасть к колдунье и увидеть рыцаря, надо было пройти все эти препятствия.

Тогда царь Тюльпан велел орлам подняться выше гор и осмотреть местность, чтобы найти ближайшую дорогу к жилищу колдуньи. Послушные его приказу, орлы поднялись под облака и, спустившись, повели царя по едва видимой тропинке, которая скоро привела его к главной цепи гор. Прямо перед ним высился дворец колдуньи Метелицы, блестящий как золото и прозрачный как хрусталь. Сто белых медведей стояли на страже у ворот, а голодные волки бродили по двору и выли, как бы угрожая растерзать всякого, кто осмелится явиться сюда. Внутри дворца он увидел рыцаря, прекрасного как солнце, с мечом в руках, употреблявшего неимоверные усилия, чтобы освободиться от цепей, которыми он был прикован к одной из стен дворца. Царь Тюльпан, невидимый в своей шапке, приблизился к рыцарю и объяснил ему, зачем явился.

— Благодарю тебя, царь Тюльпан, за великодушное желание освободить меня, но предупреждаю, что ты взял на себя тяжелую задачу. Теперь слушай внимательно, что нужно делать. Прежде всего осмотри весь дворец. В одной из комнат его Мороз, родной брат Метелицы, хранит свой мех, с помощью которого превращает снег в лед. Возьми его и, когда увидишь кол-

дунюю, дуй в него до тех пор, пока она не заледенеет. В ту же минуту наступит весна, появится солнце, и его лучи растопят дворец и ледяные горы. С меня спадут цепи, и я своим мечом рассеку волшебницу пополам. В это мгновение и все жертвы ее примут свой прежний вид. Все эти медведи, охраняющие вход во дворец, все эти волки, рыскающие по двору, — все это люди, превращенные волшебницей в зверей.

Скрытый своей волшебной шапкой, царь Тюльпан отправился осматривать дворец и скоро увидел высокого, худого старика, с длинными седыми волосами и такою же бородой, доходившей до пояса. Его глаза искрились, точно звезды в морозную ночь, а изо рта выходил пар, который оседал на усах и бороде. Он стоял на берегу озера и дул в огромный мех, от которого стыли и замерзали волны, образуя из себя ледяные горы. Царь сразу догадался, что это сам Мороз, и стал следить за ним. Он скоро устал и, сев на глыбу, задремал, отложив мех в сторону.

Тогда Тюльпан подкрался к нему, схватил мех и быстро побежал к дворцу. Колдунья Метелица, стоя против рыцаря, с злобной радостью следила за ним, как он старался освободиться и не мог из сковывавших его цепей. После каждой такой попытки его она раскрывала свой рот и хохотала так, что содрогались горы. Царь приблизился к ней и принялся изо всех сил дуть в мех прямо ей в лицо. С каждой минутой движения колдуньи становились все более тихими, вялыми, безжизненными, и наконец, в последний раз взмахнув руками, она застыла, превратившись в ледяную статую. Тогда рыцарь Огонь поднял свой меч и одним ударом разрубил ее на две части.

В ту же минуту небо освободилось от туч и лучи солнца залили всю местность. Ледяные горы начали таять, опадать и разваливаться со страшным гулом и треском. Волки и медведи превратились в людей, горячо благодарили своих избавителей за спасение и предлагали им свои услуги.

Мороз, проснувшись и увидя гибель своей сестры, злой колдуньи, ушел еще дальше на север.

А в это время орлы уже летели обратно к царевне Зореньке с счастливой вестью об ее скором освобождении.

Царь Тюльпан и рыцарь Огонь, в сопровождении спасенных ими людей, сошли на морской берег и позвали кита. Тотчас же из шумевших и бурливших волн показалась его голова, и он спросил:

— Какую еще услугу я должен оказать царевне Зореньке?

— Со мною много рыцарей, которые вместе со мной должны быть как можно скорее доставлены на остров царевны, — сказал Тюльпан.

Кит исчез и скоро вернулся с несколькими своими товарищами. Все они выстроились в ряд, и рыцари, расположившись на их хребтах, отплыли к пустынному острову.

Карлик Куська по течению звезд узнал, что колдунья Метелица убита, что ее брат ушел еще дальше на север и что большое войско плывет к царевне Зореньке, и, превратившись в

густой туман, повис над океаном. Сделалось так темно, что даже киты сбились с пути и не знали, куда им плыть.

Тогда рыцарь Огонь сказал царю:

— Возьми мех, который ты похитил у Мороза, и разгони этот туман.

Тюльпан принялся изо всех сил дуть в мех, и туман скоро рассеялся и очистил путь.

При ясном небосводе все прибыли на остров царевны и сошли на землю. В прибрежных кустах они дождались наступления ночи, и рыцарь Огонь, надев на себя шапку-невидимку, вместе с царем Тюльпаном повел войско на приступ дворца, охраняемого царем Пионом и его воинами. Нападение было так неожиданно, что перевес скоро оказался на их стороне. В последней схватке царь Пион и рыцарь Огонь бросились друг на друга, и волшебник упал на землю бездыханным. Увидя гибель своего царя, все его воины сдались рыцарю и сложили у его ног свое оружие.

Царевна Зоренька, извещенная орлами о победе, вышла к рыцарю навстречу и отдала ему свою руку, как победителю.

Вскоре после этого состоялась богатая свадьба, на которой плясали не только люди, но и все звери, и птицы, и рыбы, которых привел с собою кит.

Так царевна Зоренька, оставленная малюток одной на пустынном острове, не только не погибла на нем, но нашла и свое счастье.

Волшебство воды

Английская сказка

ГЛАВА I

Все началось с поездки на морской берег, в красивый городок Б и ч ф и л ь д. Мистер и миссис Фредди, родители четырех детей: Френсиса, Мевис, Бернара и Кетлин, наняли там небольшой коттедж с садом. (То есть дом или дачу.)

Боже, как дети мечтали о поездке! Бернар даже устроил самодельный календарь, иначе говоря, написал названия дней и числа месяца на кусочке картона и каждый день зачеркивал по одному числу.

Еще за целую неделю до путешествия Мевис выстирала и выгладила платья решительно всех кукол. Она поступила очень благоразумно; тем не менее ее сестренка, маленькая Кетлин, осталась очень недовольна: ей было бы гораздо приятнее играть куколками в невымытых туалетах. Теперь же приходилось беречь их.

— Если ты возьмешь да выпачкаешь платья куколок, я никогда не стану ничего стирать для тебя, — сказала ей Мевис, выглядывая из-за гладильной доски. — Да, да, не стану даже мыть тебе лица.

Последнее замечание не особенно огорчило Кетлин.

— А нельзя ли все-таки взять хоть одну куколку? — попросила Кет. — Самую маленькую. Дай мне хоть лорда Эдуарда, у него почти совсем отломилась голова. Я могу обмотать его тряпкой и играть, будто это пеленки.

Мевис не стала спорить. Очень старую куклу, лорда Эдуарда, завернули в тряпку, всех же остальных посадили рядом.

После этого Мевис и Френсис принялись совещаться о чем-то, а когда младшие дети, Кетлин и Бернар, спросили, о чем они говорят, им было объявлено:

— Узнаете позже.

Каково же было разочарование Бернара и Кетлин, когда оказалось, что их старшие брат и сестра просто-напросто решили взять с собой в Бичфильд большой пустой аквариум, который они купили в складчину.

Разгоряченные, красные Мевис и Френсис с трудом притащили из соседнего магазина огромный пустой стеклянный ящик.

— Да что вы хотите делать с ним? — спросила Кет.

— Конечно, возьмем с собой на море, нальем в него морской воды, дно покроем песком и посадим туда морские анемоны, — объяснил Френсис.

— Вы ведь знаете взрослых, — заметил Бернар, — они не позволят вам взять его с собой.

— Везти аквариум на морской берег? Что за глупости! — сказали взрослые, то есть тетя Энида.

Френсис всегда страстно любил воду. Еще грудным малюткой он переставал плакать, едва его сажали в ванну. Пяти же лет от роду Френс пропал из дому на целых три часа. Беспokoились, плакали, искали. Наконец Френса нашел полицейский, нашел на извозничьем дворе: крошка-мальчик сидел в водопойной колоде и, мокрый с головы до ног, счастливо плескался в воде. Кругом него стояли извозчики с кружками пива в руках и смотрели, как он наслаждался.

Вообще вода в любом виде привлекала Френса: болото, лужа, река, водопровод, озеро — все манило его, а потому было прямо-таки ужасно, что он никогда не видал моря. Но всегда что-нибудь мешало ему попасть на морской берег.

— Мевис, тетя Энида запретила взять аквариум.

— Это, право, жестоко, — ответила Мевис, — но вот что я скажу тебе, — прибавила она (Мевис умела всегда придумать способ утешить; она не походила на людей, которые говорят: «Как печально, как жаль», а сами и пальцем не шевельнут, чтобы помочь чужому горю). — Вот что: давай-ка нальем в него пресной воды и пустим туда золотых рыбок.

— Молодчина Мевис! — ответил Френсис. Они вместе пошли в ванную комнату и скоро наполнили аквариум водой, но вышла опять беда: стеклянный ящик стал до того тяжел, что брат и сестра не могли поднять его.

— Ничего, — заметила Мевис, — выльем из него воду, поставим его в гостиной и будем осторожно приносить туда воду в кувшинах.

Это могло удасться, но тетя Энида увидела первый же кувшин и сказала:

— Вы шалите! Незачем носить воду! И потом, я, конечно, не позволю вам тратить денег на покупку рыб.

Миссис Фреди уже уехала на берег моря устраивать помещение и, уезжая, сказала своим детям:

— Во всем слушайтесь тетю Эниду.

Значит, нужно было подчиниться.

В сущности, тетя Энида совсем не приходилась детям теткой; она была просто старинной подругой их бабушки, но дома ее звали «тетей», и она распоряжалась детьми как тетка и

даже имела над ними больше власти, чем настоящие родственники.

А все-таки аквариум казался прелесть как хорош... даже без воды.

— Посадим в него цветов, — предложила Кетлин, — и будем играть, что это морские анемоны. Хорошо, Френс?

— Делайте что хотите, — ответил Френсис, — я пойду читать сказку о «детях моря».

Френсис положил на стол книгу и опустил голову; остальные трое, видя, как глубоко опечален их старший брат, потихоньку вышли из комнаты.

Кетлин, Мевис и Бернар украсили аквариум, и он показался им очень красив. Когда дети смотрели в одну из его боковых стенок, им представлялось, что там переливается вода.

Мевис взяла два камешка с задней стороны искусственной скалы аквариума (они там были решительно не на месте) и поставила их спереди, устроив из них маленькую арку. Трава, которую дети разбросали по дну аквариума, очень напоминала водяные растения. Бернар выпросил у кухарки золотистого песка, которым она по субботам чистила столы, а Мевис перерезала нитку своего ожерелья из раковин (это ожерелье дядя Роберт прислал из Австралии). На дне аквариума появились прелестные, отливавшие серебром раковинки. Но лучше всего были искусственные морские анемоны: розовые, красные, желтые, лепившиеся у скалы.

— Прелесть, прелесть! — закричала Кетлин. — Иди, Френсис! Смотри!

— Нет, погоди! — торопливо сказала Мевис. Она взяла игрушечную золотую рыбку, обвязала ее ниткой от ожерелья и повесила под сводом из камешков.

— Иди, Френсис! — позвала она брата, и Френсис, заложив пальцем книгу, подошел посмотреть на аквариум.

Почти совсем стемнело, но Мевис достала из кукольного дома четыре свечи в золоченых подсвечниках и поставила их около аквариума.

— Как! — произнес Френсис. — Вы все-таки носили туда воды?.. И в аквариуме настоящие морские анемоны?

— Воды нет, — улыбаясь, сказала Мевис, — и анемоны не настоящие: я сделала их из георгин. Но красиво, правда?

— Точно сказочное царство, — сказала Кетлин.

— Еще лучше будет, когда мы достанем морских животных, — проговорила Мевис и прибавила: — Тебе нравится, Френс?

— Да, хорошо, — ответил мальчик и прижал свой носик к толстому стеклу. — Только мне хотелось бы, чтобы морские водоросли покачивались, чтобы в аквариуме была таинственная вода, как на нашей картине с морской девушкой Сабриной.

Остальные трое посмотрели на картину, висевшую над камином. На ней была изображена Сабрина и другие морские девушки. Все они нежились посреди водорослей и водяных лилий. Под картиной стояла надпись, и Френсис прочитал ее:

«Сабрина, красавица, ты скрываешься под водой, под прозрачными волнами. Слушай! Мы тебя зовем!»

— Но что это? — совсем другим тоном прибавил он.

— А что? — спросили остальные.

— Разве вы посадили туда что-нибудь живое? — сказал Френс.

— Нет. А почему ты спрашиваешь? — проговорила Мевис.

— В аквариуме что-то пошевелилось.

Дети столпились подле аквариума, заглядывая сквозь его стеклянные стенки. Но там, понятно, не оказалось ничего, кроме песка, камешков, травы, георгин да маленькой игрушечной золотой рыбки.

— Верно, рыбка закачалась, и ты это заметил, — предположил Бернар.

— Нет, то, что мелькнуло, походило... — начал Френсис, но замолчал на половине фразы.

— На что же? — спросили дети.

— На Сабрину, только очень, очень маленькую...

— Куколка Сабрина! — подсказала Кетлин. — Да? Ах, какая прелесть!

— Совсем не куколка и не прелесть. Только мне хотелось бы, чтобы она опять показала, — сказал Френсис.

Но в аквариуме все было по-прежнему тихо.

— А может быть, — сказала Мевис, — это аквариум волшебный?

— Давайте играть, что он волшебный, — предложила маленькая Кети, — и что в нем мы можем видеть все, что нам угодно. Я вижу волшебный замок с блестящими башнями из хрусталя и серебра.

— Молчи, молчи, — остановил ее Френсис, — это совсем не игра: в аквариуме действительно было что-то.

— Может быть, это волшебный аквариум? — повторила Мевис.

— Мы часто играли в волшебство, и никогда не случалось ничего интересного, — сказал Бернар. — Лучше давайте играть во что-нибудь другое. Ведь по-настоящему на свете нет ничего волшебного. Правда, Мевис?

В эту минуту послышался голос тети Эниды.

— Дети, спать! — кричала она.

Все тихонько зароптали, но с тетей Энидой нельзя было спорить. Младшие нехотя пошли к себе в верхний этаж.

— Это не могло быть волшебство, ведь мы же не произнесли никакого заклинания, — сказала Мевис.

— Конечно, если только... Но нет, все это глупости, и никакого волшебства на свете нет, — сказал Френсис. — Мы просто играем. Правда, Мевис?

— Ну да, — неуверенно согласилась она. — Но почему ты, Френк, сказал «если только»?

— Не правда ли, мы не произносили заклинаний? — проговорил Френсис.

— Конечно, нет; мы молчали.

— Ну нет, я-то говорил.

— Что ты говорил? Когда?

— Когда *это* случилось.

— Когда что случилось?

Как раз в самую интересную минуту тетя Энида приоткрыла дверь и сказала:

— Мевис — спать!

И Мевис пришлось послушаться, но она все-таки остановилась на секунду и успела как-то шепнуть брату.

— Это самое, — ответил Френсис.

— Мевис! — кричала тетя Энида.

— Сейчас, тетя, — отозвалась Мевис и снова спросила брата:

— Что «это» и что ты говорил?

— Я говорил: Сабрина, красавица... — сказал Френсис. — Как ты думаешь, может быть, это и есть... Впрочем, пустяки... И потом, он же ведь совсем пустой, без капли воды.

— Может быть, волшебство всегда бывает «сухое», без воды? — спросила Мевис. — Иду, иду, тетя Энида. А что же ты видел?

— Что-то вроде Сабрины, только очень маленькой. Но не куклу, а что-то живое: знаешь, как видишь людей, когда смотришь в бинокль, повернув его не тем концом. Жаль, что ты не видала.

— Скажи поскорее «Сабрина, красавица», пока я смотрю.

«Сабрина, красавица,

Ты скрываешься под водой, под прозрачными волнами...

Слушай! Мы тебя зовем!»

— Ах, Мевис, вот оно!.. Право же. Смотри!

— Где, где же? Я не вижу! Покажи мне!

— Мевис! — очень громко позвала тетя Энида.

И Мевис побежала.

— Нужно идти, — уходя, сказала она. — Ничего, Френс, мы попробуем завтра. О, Френс! Если бы это действительно оказалось волшебством! Знаешь, что я скажу тебе...

Но она так и не сказала: тетя Энида влетела в гостиную и увела с собой огорченную Мевис.

Скоро тетя вернулась и с порога крикнула Френсису:

— Спокойной ночи, Френс! Хорошенько вымой уши. И — спать, спать, слышишь? Иди же, иди!

И он ушел.

— Если ей угодно «играть», что она офи-

цер, а мы солдаты, она могла бы, по крайней мере, кричать: «налево кругом», — шептал про себя Френсис. — Ничего, завтра я поднимусь пораньше и посмотрю, не удастся ли мне опять увидеть в аквариуме что-нибудь.

Но как ни рано встал мальчик, тетя Энида и горничная поднялись еще раньше. Аквариум стоял пустой; чистый, блестящий, но совсем-совсем пустой.

— Куда она девала все, что было в нем? — спрашивал Френсис.

— Я знаю, — серьезно ответил Бернар, — она велела Эстер все бросить в кухонную печку. Мне еще удалось спасти мою золотую рыбку.

— А где мои раковины? — спросила испуганная Мевис.

— О, она их взяла и спрятала, — объяснил Бернар, — сказав, что ты еще мала и не умеешь беречь вещей.

— Лучше бы на свете не было таких тетей, как Энида, — прошептала Кетлин.

ГЛАВА II

Розовые деревянные лопаты, блестящие разноцветные ведра, сеточки — все, все было совсем ново и помещалось над ящиками, картонками и т. д.

В последнюю минуту, почти что за секунду до отъезда, тетя Энида побежала в лавку на углу и принесла оттуда четыре новые лопатки, четыре ведра, четыре сачка и подарила их детям. Они же тотчас положили все это на груды всевозможных вещей, нагруженных в кеб.

— Думаю, я не буду неблагодарной девочкой, — проговорила Мевис, когда она вместе с остальными детьми уже стояла подле багажа в

вокзале железной дороги и ждала, чтобы тетя Энида взяла билеты, — если скажу, что она могла бы купить все это в Бичфильде.

Явился носильщик, все быстро прошли по платформе, и скоро дети очутились в купе, на дверце которого стояла надпись «занято»,

вслед за ними туда же влетело несколько мелких вещей. Потом тетя Энида стала резко говорить что-то, но наконец и она вошла в вагон; дверца стукнула, и поезд тронулся с места. Когда тетя разложила по вагонным сеткам все вещи именно так, как ей нравилось, она сделала детям несколько строгих замечаний, удобно уселась в уголке купе и развернула роман. Детям она тоже дала книг на дорогу, но все очень неинтересных. Кетлин и Бернар решили, что смотреть из окна гораздо лучше, а двое старших взяли газету, которую кто-то оставил на сиденье, и стали читать ее.

Это-то и было причиной «всего». Если бы газета не осталась в их вагоне, а главное, если бы их книги не казались им такими скучными, они не прочитали бы удивительной статьи (обыкновенно Мевис и Френс не читали газет) и тогда...

Прежде всего они в газете увидели невероятную вещь: там крупными буквами стояло заглавие:

БИЧФИЛЬД.

Предполагаемое появление морской девушки. Изумительное происшествие!

«Летом газеты обыкновенно наполняются всевозможными известиями об исполинских ягодах на смородинных кустах или о чудовищных морских змеях. Итак, никого не удивить, что даже в таком многолюдном и всем известном приморском местечке, как Бичфильд, толкуют о замеченном морском чуде. Все знают, до чего обстроился Бичфильд. Новая набережная, прекрасная площадка для игры в гольф...»

— Мимо, — сказал Френс, — тут не будет ничего о наядях или морских девушках.

— Будет дальше, — ответила Мевис, — начало написано из вежливости к нашему Бичфильду. «Набережная»... «прекрасный сад»... Все не то... А! Вот! — сказала Мевис и стала читать дальше:

«Юный Вильфрид Томсон, сын весьма уважаемого человека, вернулся вчера весь в слезах. Он играл и плескался в воде, разгуливая босиком по тем неглубоким заводям и лужам, которые остаются после отлива посреди прибрежных скал. Вдруг бедный мальчик почувствовал, как что-то схватило его за ногу, ему представилось, что это омар, он испугался и закричал от страха. До сих пор в его рассказе не замечается ничего невероятного; но дальше, по словам юного Томсона, он услышал голос, напоминающий женский; голос этот сказал ему, чтобы он не кричал и посмотрел вниз. Вильфрид увидел, что его держит рука, высунувшаяся из-под воды. Только когда вернулась прогулочная шлюпка м-ра Симкинса и владелец этого маленького превосходного судна, а также и его спутники заявили, что под их лодкой на известной глубине

проплыл какой-то необыкновенный тюлень с черным хвостом, рассказ юного Томсона получил некоторое объяснение. По-видимому, мистер Томсон-старший нашел полезным отправить пораньше спать мистера Вильфрида, чтобы его излечить от страсти мокнуть в лужах и рассказывать небылицы; но позже позволил своему сыну снова встать и проводить его в то место, где случилось чудо. Хотя м-р Томсон осмотрел все лужи и даже входил в некоторые из них, однако он не слышал женских голосов и не видел белых ручек... Итак, появление тюленя объясняет все; голос же и т. д. — плод воображения юного Вильфрида. Белый тюлень был бы драгоценным приобретением для зоологического музея. Много лодок отправилось с целью выследить и поймать его. М-р Симкинс захватил с собой ременное лассо».

— Вот и все, — шепнул Френсис и, посмотрев на тетю Эниду, прибавил: — Кажется, она спит.

Он кивнул остальным, и когда те подошли к нему, Мевис рассказала им о морской наяде.

— Надеюсь, это тюлень, — сказал Бернар, — я никогда не видал тюленей.

— Пожалуй, ее поймают, — шепнула Кетлин, — только подумайте, мы увидим настоящую живую морскую девушку.

— Если это действительно настоящая живая морская девушка, я от души желаю, чтобы ее никто не поймал, — заметил Френсис.

— И я тоже, — сказала Мевис, — я уверена, что она не выжила бы в неволе.

— Но вот что: завтра же пойдем ее искать. Хотите? — предложил Френсис и прибавил: — Я думаю, Сабрина — морская девушка.

— Только ведь у нее нет рыбьего хвоста, — напомнила Кетлин.

— Не в рыбьем хвосте дело, — ответил Френсис. — Главное то, что она может жить под водой.

— Лучше бы тетя Энида подарила нам луки и стрелы, а не лопаты, ведра и сачки, — проговорил Бернар, — тогда мы могли бы пойти на охоту за тюленями.

— Или за морскими девушками, — закончила Кетлин. — Да, это было бы чудно.

Не успели Френсис и Мевис сказать, что им не по сердцу такая охота, как тетя Энида проснулась и отняла у них газету, — газеты-де пишутся не для детей.

Однако последние слова Бернара и Кетлин засели в уме старших детей.

Вот почему, приехав в Бичфильд, после радости свидания со своей мамочкой и после разлуки с тетей Энидой, которая неожиданно решила со следующим же поездом уехать к своим настоящим родственникам, они, ничего не говоря Кетлин и Бернару, просто весело прыгали, радуясь отъезду так называемой тетки.

После чая Мевис и Френсис о чем-то пошептались, пошептались еще и перед сном. Но они сделали это умело и осторожно, чтобы не обидеть младших. Кетлин и Бернар ровно ничего не заметили.

На следующий день Мевис и Френс встали очень рано.

Мысль о морской девушке так занимала Френсиса, что поглотила даже его давнишнее страстное желание увидеть море, которым он бредил много-много лет.

Накануне вечером было так темно, что дети видели только огни в окнах домов; теперь же, когда они выбежали на дорожку, — перед ними явилось что-то сероватое, бесконечно большое, необъятное. И на этом бесконечном про-

странстве горели красные и золотые пятна, — там, где падали солнечные лучи.

Когда дети вышли на отмель, они увидели мокрые камешки, мокрый песок и большие влажные камни; только что кончился отлив. Между камнями стояли лужи: маленькие, большие, некоторые точно настоящие пруды; кое-где лежали пучки зеленой нежной морской травы.

— Ну, это действительно красиво, прелестно, — сказал Френсис. — Мне даже жалко, что мы не разбудили остальных.

— Да они ведь уже раньше бывали на море, — заметила Мевис, — а я не считаю удобным вчетвером искать морских девушек.

— Кроме того, — прибавил Френсис, — Кетлин хотела на них охотиться, а Бернар твердил о тюленях.

Они сели на камень и быстро разулись.

— Конечно, мы ничего не увидим, — сказал Френсис.

— Ну, посмотрим, — отозвалась Мевис. — Осторожнее, Френс! Эти камни страшно скользки.

— Точно я этого не знаю! — ответил ей брат; он побежал по узкой сухой полоске песку, которая отделяла огромные скалы от множества камешков, и его ноги первый раз в жизни ступили в море. Правда, он вошел только в небольшую лужу, но в ней все-таки была настоящая морская вода.

— Не холодно? — спросила Мевис. — Иди осторожнее.

— Точно я не... — начал было Френсис, но шлепнулся в лужу с кристально чистой водой.

— Ну, теперь пора домой, — сказала Мевис.

— Пустяки, — ответил ей брат, с некоторым трудом выбираясь из воды. — Я почти не вымок. Дойдем до мыса; посмотрим туда, где глу-

боко, где извиваются прелестные водоросли, как на той картине с Сабриной.

— Нельзя идти далеко в море, можно утонуть. За камнями глубоко, — сказала Мевис.

Прошли немного; потом осторожная Мевис заставила Френса вернуться. Дети порядочно вымокли, и все это было очень весело.

— Теперь, — сказала Мевис, — побежим по гладкой отмели; побежим во весь дух к тому месту, где остались наши чулки и башмаки. Скорей! Бежим, чтобы не простудиться.

— Мне почти жаль, что мы пришли сюда, — мрачно заметил Френсис.

— Как? Да неужели ты думал, что мы действительно увидим морскую девушку? — спросила Мевис и засмеялась, хотя в душе ей было жаль, что Френсис вымок, и поэтому им следовало идти домой. Но она очень любила брата и боялась за него.

— Все было глупо. Я свалился в лужу; мы кричали, ходили взад и вперед. Следовало прийти сюда в лунную ночь, тихо, спокойно, а потом серьезно сказать: «Сабрина, красавица! Ты скрываешься под водой, под прозрачными волнами. Слушай...» Погоди, Мевис, я зацепился за что-то ногой...

Мевис подала брату руку; и вот дети услышали чей-то нежный-нежный голос. Он говорил:

— Спасите ее! В неволе мы умираем...

Френсис взглянул в воду и увидел что-то белое с коричневым и зеленым. Это «что-то» мелькнуло и спряталось под выступом камня, на котором стояла Мевис. Теперь ничто не удерживало ноги мальчика.

— Ты слышала? — задыхаясь, спросил Френс.

— Конечно...

— Нам обоим не могло слышаться...

Жаль, что мы не знаем, кого, где и как мы должны спасти...

— А чей, по-твоему, это был голос? — спросила Мевис.

— Морской девушки; конечно, морской девушки, — ответил Френсис.

— Значит, действительно волшебство началось...

— Морские девушки — не волшебство, — серьезно произнес Френс, — они существуют в действительности.

— Но она пришла, когда ты сказал: «Сабрина, красавица».

— Пойдем домой, — вместо ответа предложил Френс.

Когда они уже были на отмели, Мевис посмотрела на брата и повторила:

— Ведь нам обоим не могло послышаться? А следует ли сказать детям?

— Непременно, — ответил Френс.

* * *

— Где вы были? — в один голос спросили возвратившихся Кетлин и Бернар. — Почему ты весь вымок, Френсис? Зачем вы не позвали нас на море?

— Ну, все равно, — сказала Кетлин, — вы ушли и потому кое-чего лишились.

— Чего же?

— Не слышали интересных вещей, — проговорил Бернар.

— Каких именно?

— Хочешь знать?

— Говори сейчас! — крикнул Френсис и дернул брата за ухо.

Бернар взвизгнул.

— Дети, дети! — слышался укоряющий и печальный голос их матери.

— О! — вскрикнула Кетлин. — Не будем же ссориться! И еще в самый первый день! Дело в том, что поймали морскую девушку, о которой вы вчера читали в газете, и я боюсь, что она умрет в неволе, как говорили вы. Ну, а у вас что?

Френсис посмотрел на Мевис.

— Понимаю! — сказал он. — А кто же поймал ее?

— Да этот Симкинс; здесь цирк, и ее купили туда. Мама говорит, что мы сегодня же можем пойти посмотреть на пленную морскую девушку. Ну, а что было с вами? — снова спросила маленькая Кетлин.

— После, Кети, после, — ответил ей Френсис, побежал к миссис Фредди и сказал: — Мамочка, я уже почти высох... И, пожалуйста, мамуся, прости, что я ущипнул Бернара за ухо.

Через минуты две Мевис шепнула Френсу:

— Значит, морских девушек две. Которая же из них?

— Во всяком случае, нам нужно спасти одну, — с горящими глазами ответил Френсис. — Они умирают в неволе.

ГЛАВА III

За окраиной некрасивой, бедной части местечка Бичфильда тянется большая низменность. А бедная часть Бичфильда действительно непривлекательна. В ней жалкие лавчонки, жалкие дома, на заборах наклеено много безобразных афиш. Многие из них отклеиваются и уродливо болтаются по ветру. На мостовой вечно валяются обрывки газет, пыль летает ту-

чами, а из-под живых изгородей, там, где должны были бы пестреть цветы, выглядывают рваные башмаки, черепки, тряпки.

Вот в этот-то неприглядный квартал и пришли Френсис, Мевис, Бернар и Кетлин, чтобы спасти морскую девушку. (Цирк и остальные увеселения открывшейся ярмарки помещались именно в бедной части городка.)

Большую палатку, в которой цирк давал представления, окружала густая толпа; люди, теснившиеся к ее входу, казались оживлен-

нее и веселее остальных, входивших в другие балаганы или выходивших из них. Цирк долго не открывался; наконец полы палатки откинулись; оттуда вышла смуглая женщина, похожая на цыганку, с черными курчавыми волосами и черными блестящими глазами, и стала собирать деньги с желающих идти смотреть на представление. Прежде всех к ней подошли Мевис, Френсис и младшие.

— Идите, идите, голубчики, — сказала цыганка, взяв серебряную монету из рук Мевис.

— Посмотрите на белого слона, — прибавил, обращаясь к детям, черноусый господин в старом, залоснившемся фраке и с бичом в руках. — Хороший слон, с хоботом, с клыками, — и за это всего шесть пенсов! Идите! Посмотрите

на ученых волков и волчиц; полюбуйтеcь, как они пляшут с флагами решительно всех государств. Подивитесь на упражнения неподражаемой m-elle Лотус, на ее танцы на трех неоседланных лошадях, взгляните на дрессированных тюленей. Входите, входите! Вы увидите на-а-стоящую живую морскую девушку, которая была поймана вчера.

— Спасибо, — вежливо сказал ему Френсис. — Мы идем.

И четверо детей скоро очутились в первом четырехугольном отделении палатки. В одной его полотняной стене была дверь, и через нее дети увидели круглую, усыпанную опилками арену, окруженную рядами скамеек. Передняя из них была покрыта красным кумачом.

— Где морская девушка? — спросила Мевис

мальчика в блестящем трико и маленькой фуражке.

— Вот тут, — ответил он и показал на холщовую дверь в одной из стен четырехугольной палатки, — но не советую вам дотрагиваться до нее. Противное создание. Дерется своим рыбьим хвостом. И за то, чтобы видеть ее вблизи, нужно заплатить еще по два пенни.

К счастью, у детей было достаточно денег.

Мевис исполняла обязанность казначея, она заплатила за всех цыганке, и наконец все четверо гуськом прошли сквозь узкую дверцу и очутились в маленькой комнате с полотняными стенами, посреди которой стоял большой резервуар. На нем красовался ярлык с надписью, очевидно сделанной на скорую руку, потому что все буквы были кривые, косые. Вот что гласила эта надпись:

*Настоящая живая морская девушка.
Поймана здесь, просят не трогать.
ОПАСНО!*

Мальчик в осыпанном блестками костюме вошел вслед за четырьмя детьми и показал пальцем на последнее слово.

— Что я говорил? — самодовольно сказал он.

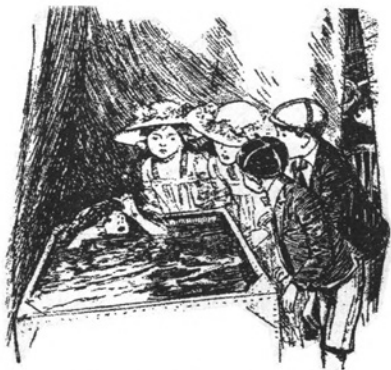
Дети переглянулись. В присутствии «блестящего» мальчика нечего было и думать об освобождении пленницы.

— Может быть, если начнется волшебство, он ничего не заметит? — шепнула Мевис Френсису. — Говорят, посторонние не замечают; попробуй сказать: «Сабрина, красавица».

— Опасно, — ответил Френс. — Что, если он заметит?

И они стояли печальные, беспомощные.

Ярлык висел на большом цинковом ящике, полном воды; на его дне виднелось что-то

темное, похожее не то на большую коричнева-то-зеленую рыбу, не то на ком морской травы.

— Сабрина, красавица, — прошептал Френсис, — отошли его прочь!

И в эту же минуту какой-то голос за дверью позвал:

— Джо! Джо! Где же ты?

«Блестящий» мальчик ушел.

— О, — сказала Мевис, — неужели это не волшебство?

Тем не менее грудa, походившая на рыбу и на морскую траву, не пошевелилась.

— Скажи все, Френс, — попросила Мевис.

— Да, скажи, — повторил Бернар.

И Френсис начал:

— «Сабрина, красавица,
Ты скрываешься под водой,
Под прозрачными волнами,
Слушай...»

Тут он замолчал. Трaвa и рыбий хвост шевельнулись... Сверкнуло что-то. Две белые руки

раздвинули водоросли, из грязноватой воды выглянуло белое личико.

Темные пряди волос и длинные зеленые морские травы все еще закрывали часть этого лица, лица рассерженного.

— Нечего сказать, — «прозрачные волны», — послышалось из бассейна. — Не стыдно ли вам произносить это заклинание над такой несчастной, жалкой лоханкой? Что вам нужно?

Дети сначала отшатнулись от бассейна, но тотчас же снова наклонились над ним.

— Мы хотим, — ответил Френсис (его голос дрожал, хотя мальчик и убеждал себя, что дрожать стыдно), — мы хотим помочь вам... тебе, — поправился он, вспомнив, что в книгах дети всегда говорят морским девушкам «ты».

— Помочь мне? Вы! — Она приподнялась и презрительно взглянула на детей.

— Разве вы не знаете, что все волшебство воды повинуется мне? Я могу вызвать бурю; волны нахлынут на моих мучителей и унесут меня в глубину моря.

— Так почему же ты этого не сделала? — спросил ее Бернар.

— Я... хотела было вызвать бурю, — не совсем уверенно сказала морская девушка, — но тут пришли вы с вашими заклинаниями, позвали меня, и я отозвалась. Теперь говорите, что я могу сделать для вас?

— Мы уже сказали, что хотим тебя спасти, — ответила Мевис кротко; она была глубоко разочарована, — в бассейне вправду оказалась настоящая морская девушка, но сердитая, нетерпеливая.

— Мы сказали, что хотим тебе помочь. Нас попросила об этом другая Сабрина; только она не говорила, что ты повелительница волшебства

воды, она просто сказала: «Мы умираем в неволе».

— Ну, благодарю вас за то, что пришли, — мягче произнесла морская девушка. — Следовало бы предположить, что меня поймали сетью из шерсти ламы. Но в здешних широтах это вещь невозможная. Вы не знаете, какой веревкой опутали меня?

— Нет, — сказали Бернар и Кетлин, но двое старших ответили:

— Ременным лассо.

— О, — простонала морская девушка, — случилось самое худшее. Кто бы мог думать, что здесь, в Англии, очутится лассо? Теперь я все понимаю. Вот почему, хотя со времени моего плена я раз пятьсот начинала вызывать бурю, что-то мешало мне. Лассо уничтожает нашу силу.

— То есть, — сказал Бернар, — тебе волшебство не удастся?

В эту минуту загремел барабан. Это обозначало, что сейчас начнется представление. В отделении морской девушки заглянула голова мальчика в блестящих; он сказал:

— Идите скорее, не то вы пропустите мои упражнения на лошади и пляску с тамбуринами!

Прокричав это, мальчик скрылся.

— Ах, какая беда, — со вздохом проговорила Мевис, — а ведь мы-то еще ровно ничего не придумали и не знаем, как спасти тебя.

— Да, — беспечно сказала морская девушка, — не знаете...

— Вот что, скажи откровенно: ты хочешь освободиться? — спросил ее Френс.

— Конечно же, — был нетерпеливый ответ. — Но что делать? Если даже меня отпустят, я не буду в состоянии идти, а вы меня нести не в силах. Не можете ли прийти сюда глухой ночью с

колесницей? С вашей помощью я поднимусь в нее, потом вы отвезете меня в море. Я выкинусь из колесницы, а вы поплывете к берегу.

— Вряд ли это возможно, — сказал Бернар. — Как поплывем мы с экипажем и лошадью?

А Френсис с Мевис печально прибавили:

— Колесницу... Даже телеги у нас нет... Не знаем, где и достать-то. Не придумаешь ли чего-нибудь другого?

— Я буду ждать вас в глухую ночь, — спокойно сказала морская девушка.

Она закуталась в траву и погрузилась на дно бассейна. Дети переглянулись. А из цирка слышались музыка и мерный стук копыт по опилкам.

— Что делать? — спросил Френсис.

— Пойти посмотреть на представление в цирке, — ответил Бернар.

— Да, об экипаже поговорим после, — согласилась Мевис.

Цирк способен заставить забыть всякие тревоги и волнения. Ну, кто в силах тревожиться, когда ученые собаки выкидывают удивительные штуки, или волки исполняют свою знаменитую пляску с флагами всех наций, или красивая танцовщица прыгает на плоском седле и скачет в обручи, затянутые тонкой папиросной бумагой?

Это был действительно хороший цирк, и полтора часа никто из четверых детей не вздохнул ни разу. Они наслаждались — и только. Но представление окончилось; разгоряченная толпа хлынула из палатки на залитую солнцем ярмарочную площадку, и дети вспомнили о своей обязанности.

— Прелестный клоун! Правда? — спросил Бернар.

— Мне больше понравилась дама, которая

ездила верхом в черной амазонке, — ответила Кетлин.

— А разве слон... — начала было Мевис, но ее перебил Френсис, сказав:

— Как же колесница или... телега?

После этого дети только и говорили о колеснице, которой нельзя было найти в Бичфильде.

— Я думаю, если мы скажем «Сабрина, красавица!» и так далее тыкве — ничего не выйдет? — спросила Кетлин.

— Во-первых, у нас и тыквы-то нет, — наставительно произнес Бернар, — а во-вторых — Сандрильона, крысы, мыши, ящерицы — все это сущий вздор! Но вот что: не взять ли нам тачку?

— Мала, — заметил Френс.

— На мельнице есть огромная, — сказал Бернар. — Знаешь, я плох по части волшебства и всего в этом роде, но дядя Том однажды сказал, что я «прирожденный генерал», и я вас научу, как устроить все дело. Вы идите вдвоем, а нас с Кети оставьте дома.

— Желаете улизнуть? — с горечью спросил брата Френсис.

— О, нет. Только если вы возьмете меня — дело ни за что не удастся. Мне всегда не везет; я непременно уроню на лестнице башмак или чихну. И тогда — все пропало.

Бернар с печалью говорил это, и в данную минуту Френсис не мог не вспомнить о его многих и многих неудачах.

— Кетлин моя, собственно моя сестренка, — продолжал Бернар, — и потому я не хочу, чтобы она попала в беду. Итак, постарайтесь освободить Сабрину вдвоем. Хотите?

Поспорили, потолковали, посоветовались. Наконец старшие решили все взять на себя,

и Бернар объяснил им свой план кампании.

— Как только мы вернемся домой, нам следует тотчас же взять эту старую, большую тачку. Мы будем катать в ней друг друга, просто возить ее и так далее. Когда придет время идти спать, мы оставим ее на лугу, подле старого пастушьего шалаша. Пусть она и остается там до глубокой ночи. Возьмите с собой полотенце и обвяжите им колесо тачки, чтобы оно не шумело. Кто-нибудь из вас может лечь в постель, положив под подушку мой игрушечный будильник. Никого больше он не разбудит... Только тебя, Френс, или тебя, Мевви. Выйдете из дому через окно столовой. Вернетесь тем же путем. Да! Захватите с собой нож: прорежьте им палатку... И подойдите к цирку по аллее с живой изгородью... Но еще лучше, послушайте моего совета и совсем не ходите. Это нехорошая морская девушка. Я охотнее познакомился бы с тюленем. А-у! Вон папа и мама.

Дети вернулись домой.

Все исполнили, как посоветовал Бернар, и все шло отлично, только, к удивлению Френсиса и Мевис, они боялись больше, чем ожидали. Хотя дети и сознавали, что они не делают ничего дурного, однако чувствовали, что, узнай о их затеях м-р или миссис Фредди, они, пожалуй, останутся недовольны. Просить же позволения идти спасать морскую девушку Мевви и Френс положительно не могли. Чем усерднее объясняешь что-либо взрослым, тем настойчивее говорят они детям, что «маленькие не должны решаться на такие опасные предприятия одни да еще в глухую, темную ночь».

Френсис, не раздеваясь, надел сверх платья ночную рубашку и лег в постель. Мевис поступила так же.

Действительно, в назначенное время будиль-

ник принялся трещать, гудеть и звонить под подушкой Френса, но никто посторонний не услышал этого шума. Мальчик прокрался в комнату Мевис и разбудил ее. Стеклянная дверь в столовой открылась без шума, тачка стояла на лугу, и детям удалось отлично окрутить ее колесо старыми полотенцами и чулками, прикрепив их бечевками, которые они тоже принесли с собой. Не забыл Френсис и нож.

Тачка была тяжела, и дети с ужасом думали, как трудно будет везти в ней морскую девушку. Но они все шли и шли вперед, поочередно катили тачку и наконец очутились на дороге с изгородью.

— Надеюсь, теперь достаточно «глухая ночь», — заметила Мевис. — Ведь около двух часов!

— Да, ночь достаточно глухая, — успокоил ее Френсис, — но что, если цыгане не спят? Может быть, они смотрят на звезды и учатся предсказывать судьбу? Оставим-ка здесь тачку, а сами пойдем на разведку.

Так и сделали: обошли палатку, подкрались к ее маленькому отделению, в котором был цинковый бассейн с морской травой и морской девушкой.

«Они умирают в неволе, они умирают в неволе, — твердила про себя Мевис, стараясь подержать свое мужество. — Идет вопрос о жизни и смерти!»

Дети пробрались между колышками и веревками, которые растягивали палатку. Френс вынул нож; сердце Мевис билось быстро и громко. Она слегка поцарапала пальцами по полотну. Ответный сигнал ободрил бы ее, но ответа не слышалось. Вдруг на стенке палатки появилась черная вертикальная черта — разрез, сделанный морской девушкой острым краем раковины; раз-

рез стал шире; руки пленницы раздвинули разрезанный холст, и дети увидели ее белое лицо.

— Где колесница? — спросила она шепотом, однако настолько громко, что Френс и Мевви уловили в ее голосе оттенок сильного раздражения.

Френсис побоялся ответить: его голос не мог бы звучать так нежно, как шепот морской девушки, который напоминал плеск волн о берег или легкий шелест спелой пшеницы на ранней утренней заре. Он показал на переулок, туда, где стояла тачка, потом вместе с Мевис пошел за этим «экипажем».

Когда дети катили тачку к палатке цирка, они в душе благодарили Бернара: не будь колесо окутано тряпьем, его шум по камням разбудил бы всех цыган.

Дети остановились подле разрезанной стенки палатки. Мевис несколько раз поцарапала пальцами холст. Он раздвинулся.

— У вас есть веревки? — спросил нежный голос.

Френсис подал морской девушке уцелевшие обрывки бечевки.

Странное создание сделало два отверстия в краях разреза холста палатки, продело в них бечевку, связало вместе две веревочки узлами, поднялось над своим бассейном, положило руки на связанные края палатки и сказала:

— Помогайте. Приподнимите мой хвост.

Это было трудно: хвост, скользкий, мокрый, не держался в пальцах. Руки Мевис болели, но она твердила: «Они умирают в неволе...» И как раз в то мгновение, когда бедная Мевис почувствовала, что она больше не в состоянии выдержать тяжесть тела девушки, — ей стало легче: морское создание очутилось в тачке.

— Теперь скорее! — прошептал нежный голос.

Хорошо ей было торопить их! Дети еле-еле могли сдвинуть с места тяжелую тачку с мокрой морской девушкой и очень, очень медленно перевезли ее через площадь. Выйдя на дорогу, они остановились в тени высокой живой изгороди.

— Идите! — приказала морская девушка.

— Нам нужно отдохнуть, — задыхаясь, ответила ей Мевис.

— Лучше идите, — повторил нежный голосок, — мне неудобно, тесно, кроме того, вас могут поймать.

— Все спят, — успокоительно сказал Френс.

Теперь, когда дело было сделано, и он,

и Мевис чувствовали полное спокойствие.

— Все спят, — повторил он, — опасности нет никакой. Ой! Что это? Ой! — вдруг вскрикнул Френс.

Из тени изгороди выдвинулась рука и схватила Френсиса.

— Что случилось, Френс? — спросила брата Мевис, которая ничего не видела.

— Что там еще? — послышался сердитый голос морской девушки.

— Кто здесь? — произнес Френсис, стараясь вырваться от невидимого врага.

Прозвучал простой и ужасный ответ:

— Полиция!

ГЛАВА IV

Трудно себе представить, чтобы кто-либо чувствовал себя хуже, чем Френс и Мевис в эту минуту. Положение девушки, очутившейся в неудобной тачке, без воды, было тоже не из особенно приятных, но не могло и сравниться с положением детей. Сколько тревог и опасений вынесли они, сколько сил потратили на спасение обитательницы морей, и вдруг, в ту самую минуту, когда им, казалось, уже улыбался успех, — полиция!

«Мы будем ночевать в тюрьме, — с ужасом подумала Мевис. — А что скажет мамочка, когда увидит, что нас нет?»

По ее понятиям, тюрьма была подземельем, темным, сырым, под сводами...

Все молчали. Горло Френсиса пересохло, он несколько раз сделал движение, точно глотал что-то, наконец мальчик проговорил:

— Зачем вы схватили нас?

— Отпустите его, мы не убежим, — сказала Мевис.

— Вы не можете бросить меня, — прошептала морская девушка.

— Отпустите! — вырываясь, простонал Френсис.

И вдруг Мевис кинулась к цепкой руке, сжала ее подле кисти и быстро зашептала:

— Да это совсем не полицейский! Выходите-ка на дорогу, выходите живее!

И она потащила руку. Тут из кустов пока-

залось что-то совсем не похожее на полицейского, это «что-то» было маленького роста и одето не в мундир, а в вельветовые штанишки и в такую же куртку. Перед Мевис и Френсом стоял очень маленький мальчик.

Френс засмеялся.

— Ах ты, маленький зверек, — сказал он. — Как ты нас напугал!

— Сами вы зверьки. А у «этой», — ответил мальчик, указывая на морскую девушку, — даже хвост есть. — (Мевис показалось, что мальчик говорит совсем не сердито). — Но неужели она вас еще не укусила или не ударила своим рыбьим хвостом?

И Френс с Мевис сразу узнали говорившего: это был «блестящий» мальчик, хотя в эту минуту на нем не виднелось ни одной блески.

— Зачем же ты остановил нас? — сердито сказала Мевис. — Ты — не добрый!

— Не ради только шутки, — ответил мальчик. — Сегодня днем я слышал, как вы болтали о ней, и спросил себя: «Почему бы и мне не вмешаться в это дело?» Только после верховой езды, пляски в цирке и всего такого я сплю, как камень, а потому решил совсем не ложиться в постель. Когда вы ее вытащили, я обогнал вас, спрятался здесь и ждал. Ловко? А?

— Ну, что же ты теперь сделаешь? Пойдешь и скажешь твоему отцу?

— У меня нет ни отца, ни матери, — ответил «блестящий» мальчик.

— Если вы достаточно отдохнули, лучше возьмите меня дальше: я насквозь просохла, — простонала морская девушка.

И Мевис поняла, что для жительницы моря «насквозь просохнуть» было так же дурно и неприятно, как для нас «насквозь промокнуть».

— Мне очень жаль, — сказала Мевис, — но...

— Нехорошо, что вы держите меня в сухом месте, — жалобно проговорила морская девушка. — Право, даже вы...

Но Френсис не дал ей окончить фразу, он спросил мальчика:

— Что сделаешь ты?

А тот ответил:

— Помогу везти тачку.

Морская девушка протянула ему свою белую руку.

— Ты — герой и можешь поцеловать кончики моих пальцев!

— Поцеловать или нет? — спросил «блестящий» мальчик скорее себя, чем других.

— Целуй, целуй, — шепнула Мевис, — и постарайся сделать так, чтобы она была в духе.

«Блестящий» мальчик прикоснулся губами к еще сыроватым пальчикам, взялся за ручки тачки, и все двинулись вперед. Френс и Мевви не знали, что и думать.

Во время следующей остановки их спутник пустился в объяснения:

— Видите ли, эту штуку, которую вы засадили в тачку...

— Надо говорить «леди», — поправила его Мевис, — и колесница, а не тачка.

— Ну, хорошо: эту леди, которая сидит в колеснице, вы похитили; меня также однажды украли...

— Неужели? — вскрикнули брат и сестра.

— Да, когда я был малышом, старуха Ромен, мать хозяйки цирка, раз проболталась мне об этом.

— Зачем же тебя украли? — спросила Мевви. — У цыган всегда столько собственных детей?

— Да, — вмешалась морская девушка, — и они вечно кололи меня палочками.

— Цыгане хотели отплатить моему отцу — графу и судье — за то, что он посадил в тюрьму черного Ли. Черный Ли стрелял чужую дичь и был пойман. Вот раз затрезвонили все колокола, и Ли спросил бакалейщика: «Почему звонят? Ведь день не праздничный». — «У графа родился сын и наследник», — ответил лавочник. Теперь трудно поверить, что я барчонок... Правда!

— Ну, а что дальше? — спросила Мевви.

— Ли отсидел в тюрьме. (Тогда мне минуло всего полтора года, я был еще цыпленком. Меня одевали в кружева да нацепляли всюду голубые бантики... Носил я мягкие сафьяновые голубые башмачки.) И вот однажды Ли утащил меня... Это было ужасно... Но мне трудно говорить и в то же время везти тачку.

— погоди, отдохни, мой дружок в блестящих, — сладким голосом сказала морская девушка. — И продолжай рассказывать.

— Да это уже все, — отозвался мальчик, — могу сказать только, что у меня остался один голубой башмачок. Старуха Ромен спрятала его, а также рубашечку — такую маленькую-малюсенькую, ну, право, с дамский носовой платок. И на ней были вышиты буквы «В. Р.» Ромен не объяснила мне, где жил мой отец. Обещалась сказать завтра, но завтра для нее уже не было... умерла.

Он вытер рукавом глаза.

— Знаете, она была не злая, — прибавил мальчик.

— Не плачь, — тревожно произнесла Мевви.

— Плакать? Я? — презрительно сказал он. — Я никогда не плачу, просто у меня насморк...

— Удивительно, что цыгане не отняли у тебя башмачка и рубашки, — заметил Френс.

— Да ведь никто не знал, что старуха пере-

дала мне их. Я всегда ношу эти вещи за пазухой, в бумажке... — объяснил мальчик. — Когда же я надевал трико с блестками, то прятал вещицы в своем ларчике. На днях я пойду бродить по белу свету и буду расспрашивать повсюду, не потерял ли кто-либо ребенка в голубых башмачках. И не случилось ли это почти девять лет тому назад... Да, в апреле будет девять лет...

— Значит, теперь тебе десять лет с половиной, — сказала Мевис.

Новый друг детей окинул ее восхищенным взглядом.

— Ай да молодец, мисс! Как ты скоро это высчитала, — удивился он и прибавил: — Теперь вы все знаете, кто я такой...

И тяжелая тачка снова двинулась. Никто не мог выговорить слова до следующей передышки.

Остановились наши путники в том месте, где приморская дорога делает поворот и постепенно спускается к отмели. Тут путь стал гораздо легче.

Лунные лучи пробивались сквозь пушистое белое облако, и на море дрожал свет.

Спустились с откоса. Троим детям пришлось употребить все свои силы, чтобы тачка не упала, потому что, завидев море, морская девушка принялась подпрыгивать на одном месте, точно маленький ребенок перед рождественской елкой.

— Смотрите, смотрите! — кричала она. — Ну разве не прелесть? Только здесь и можно жить... Только в море. Правда?

— Не совсем, — ответил Джо (так цыгане звали «блестящего» мальчика).

— Ах, — произнесла морская девушка, — ты, конечно, наследник одного из этих... Как, бишь, это у вас называется?

— Одного из благородных английских родов, — подсказала Мевис.

— Да, да, — согласилась жительница моря. — Я так и думала, что он отпрыск благородной семьи.

Френсис замурлыкал какую-то песенку: ему было немного не по себе.

«Как! Мы с Мевис хлопотали, трудились, да и придумали-то все одни, а теперь морская девушка обращает внимание только на Джо и только с одним Джо ласкова и приветлива».

Понятно, Френсу было очень и очень обидно.

— Однако для меня совсем не годился бы твой важный, благородный дом, — продолжала морская девушка. — Я жила среди кораллов, раковин и жемчужниц, мне было там так хорошо, уютно... Но вот что скажите мне: вы подкатите колесницу к окраине воды или донесете меня до моря?

— Ни того, ни другого мы не можем сделать, — твердо и решительно ответил «блестящий» мальчик. — Мы провезем тебя сколько

будет можно, а дальше тебе самой придется извиваться по песку и ползти.

— Я сделаю все, что ты посоветуешь, — ответила морская девушка.

ка, — только я не понимаю, что значит «извиваться» и «ползти».

— Это значит двигаться, как червяк, — объяснил Френсис.

— Или угорь, — подсказала Мевви.

— Противные, низменные создания, — произнесла морская девушка. (Брат и сестра так и не узнали, относились ли ее слова к червям и угрям, или же она назвала «противными и низменными» их самих.)

— Ну, все вместе! — предложил Джо.

Тачка двинулась и с грохотом подкатилась к самому краю камней. Но тут ее колесо попало в трещину, и «экипаж» опрокинулся. К счастью, морская девушка упала на груды выброшенной морем морской травы.

Водорослей было так много, что они лежали мягким толстым слоем, морская девушка насколько не ушиблась, но очень рассердилась.

— Вы ходите в школу, — недовольным голосом заметила она, — и могли бы, кажется, научиться не опрокидывать колесниц! Конечно, я вас прощаю, вы не виноваты в том, что неуклюжи и неловки, не то что этот высокорожденный мальчик... Он бы, конечно, не...

— Прощай, — прервал ее Френс.

— Нет, — возразила жительница моря. — Идите со мной все, слышите? Вы должны проводить меня, а я стану грациозно двигаться, подобно червяку. Ну, двое по бокам, кто-нибудь один сзади. Да прошу не наступать мне на хвост. Вы, конечно, не можете себе представить, до чего неприятно, когда наступают на хвост.

— Нет, могу. Мама всегда говорит: Мевви, ты опять наступила мне на хвост!

— Что ты! — вскрикнул Френс.

Но Джо понял.

— Только у нее не каждый день бывает хвост, — сказал он.

Мевис показалось, что «блестящий» мальчик ей подмигнул. Только она не была уверена в этом. Разве можно рассмотреть хорошо что-нибудь, когда на небе только одни звезды?

— Значит, твоя мать более благородного происхождения, нежели я думала, — заметила морская девушка. — Так это правда? У твоей матери действительно есть хвост?

— Конечно! Я часто наступала на него, — ответила Мевис.

И Джо понял, что Мевви говорит о шлейфах своей матери.

Морская девушка извивалась, скользила, передвигала вперед свое тело, опираясь на руки, время от времени дети помогали ей.

Наконец они добрались до конца отмели.

— Какая прелесть! Через мгновение я буду в воде! Как приятно! Наконец-то я вся вымокну!

Скоро вымокли также и все остальные, потому что движением, напоминавшим прыжок акробата, морская девушка поднялась и кинулась в воду. Взлетели брызги... И только и видели дети освобожденную пленницу!

ГЛАВА V

Все трое переглянулись.

— Призна-а-а-юсь! — протянула Мевви.

— Я считаю ее неблагодарной, — сказал Френсис.

— Чего же вы ждали? — спросил Джо.

Все они промокли, что называется, до костей. Было поздно, и облака торопились поскорее уложить спать луну.

Морская девушка скрылась в море. Приключение окончилось.

Детям оставалось только идти домой, улечься в постельки да заснуть с сознанием, что на следующий день им придется объяснять матери и отцу, почему их платье мокро.

— Даже тебе придется говорить об этом, — сказала Мевви, обращаясь к «блестящему» мальчику.

Он выслушал ее. Позже брат и сестра вспоминали, что Джо ничего не сказал в ответ на замечание Мевис.

— Прямо-таки не знаю, как мы объясним все, — проговорил Френсис. — Ничего не могу придумать. Ну, идем домой... С меня достаточно чудесных приключений. Благодарю покорно! Умница Бернар!

Усталая Мевис согласилась с братом.

Они миновали отмель, взяли тачку, ввезли ее на дорогу и двинулись к дому.

На перекрестке Джо сказал:

— Ну-с, милейшие! — и нырнул в переулок, который выходил на прибрежную дорогу.

Мевви и Френсис покатали дальше совершенно мокрую тачку.

Два искателя приключений прошли вдоль живой изгороди и повернули на пригорок, к дому.

Вдруг Мевви схватила брата за руку.

— Свет! — шепнула она. — В доме свет...

Она не ошиблась, и дети испытали ужасное ощущение пустоты внутри себя, чувство, хорошо известное всем нам. Оно является, когда мы знаем, что наша проделка открыта, что мы «попались».

Дети не могли решить, в каком именно окне виднелся свет, но видели, что в одном из нижних, полузаплетенных брионией.

В душе Френса все еще теплилась слабая надежда, что им удастся незаметно проскользнуть к себе и лечь спать. Поэтому он и Мевви тихонько подкрались к тому окошку, из которого они выскользнули, как им теперь казалось, целую вечность тому назад.

Окно было закрыто на задвижку!

Френс предложил сестре пройти к соседней заброшенной мельнице, подождать там, пока огонь в окне не погаснет, и только тогда вернуться домой.

Но Мевис сказала:

— Нет, я слишком устала. Я едва дышу. Идем в дом. Будь что будет, зато потом мы ляжем и выспимся.

Они заглянули в кухонное окно — и что же? Хозяйка дачи, миссис Пирс, стояла подле горячей плиты и кипятила в котелке воду.

Дети подошли к кухонной двери и открыли ее.

— Ранехонько вы поднялись, ребята, — сказала миссис Пирс, не поворачивая головы.

Ее слова показались детям жестокой насмешкой. И в ответ Мевви громко всхлипнула.

Хозяйка дома быстро повернулась к ней.

— Боже ты мой милостивый, — вскрикнула она, — что случилось? Где вы были? — Она схватила Мевис за плечо. — Боже мой, да вы совсем мокрые! Погодите, я скажу вашей маме. Ах, вы злые дети... Вы бегали по берегу, чтобы ловить креветок во время отлива... Погодите, погодите! Что-то скажет ваша мама. А посмотрите, что случилось с моим чистым полом! Вы залили его! Теперь он точно мостовая после проливного дождя.

Мевис постаралась вырваться из ее рук.

— Ах, пожалуйста, отпустите нас, не говорите маме, голубушка, — сказала она и обвила шею миссис Пирс мокрой рукой. — Мы и так уже очень, очень несчастны.

— И поделом вам, — ответила миссис Пирс. — Ну, молодой мистер, идите-ка в прачешную, сбросьте все мокрое и хорошенько разотрите себе тело мохнатым полотенцем; маленькая мисс может раздеться здесь, перед печкой, я помогу ей умыться и разотру ее, шуметь я не стану, так что ваша мамочка ничего не услышит, и принесу сверху сухое белье и платье.

В сердцах детей заискрился луч надежды,

такой же светлый, колеблющийся и мерцающий, как тот, который играл на поверхности моря, когда морская девушка исчезла в глубине воды.

Может быть, в конце концов она ничего и не скажет маме? Зачем ей стараться не шуметь, если она хочет пожаловаться? Может быть, она не выдаст тайны? Может быть, даже высушит их платье и им не придется в оправдание себя выдумывать родителям разные объяснения?

Кухня казалась славным, уютным и привлекательным местом. На полках блестела медная и фарфоровая посуда; на круглом столе лежала чистая скатерть, а на ней красовались синие чайные чашки.

Миссис Пирс принесла ночные рубашки детей и теплые халатики, которые тетя Энида уложила в сундук, несмотря на все возражения Мевви и Френса, уверявших, что эти вещи не понадобятся на море.

Боже мой, до чего в эту минуту дети обрадовались им!

— Ну, теперь вы все-таки больше похожи на себя, — сказала миссис Пирс, когда Мевис и Френс были готовы. — Полно, полно, не смотрите такими испуганными глазами. Я не собираюсь проглотить вас. Погодите, я согрею молока и дам вам по куску хлеба. Это спасет вас от простуды. Хорошо, что я рано поднялась, чтобы приготовить завтрак для моих сыновей — рыбаков. Ну и посмеются же они, когда я расскажу им о вас.

— Ах, пожалуйста, не рассказывайте, — попросила Мевис. — Пожалуйста, очень, очень прошу вас...

— Вот это мило! — сказала миссис Пирс, наливая им чаю из чайника, который, как дети

узнали позже, простоял на плите целый день и большую часть ночи. — Да ведь это смешно... уморительно! Бегать по камням и до начала прилива ловить креветок! Ха, ха, ха, ха...

— Я думала, — вкрадчиво проговорила Мевис, — что вы, может быть, простите нас, высушите наше платье и никому ничего не скажете.

— Вот как, мисс? — проговорила миссис Пирс. — Еще чего не хотите ли?

— Нет, больше ничего, — ответила Мевви. — Мне только хочется поблагодарить вас за вашу большую доброту. И знайте, миссис Пирс, ведь мы не испортили большой тачки. Только... только она тоже совсем мокрая... И, конечно, нам не следовало брать ее без спросу. Но тогда вы уже легли спать, и...

— Тачка? — повторила миссис Пирс. — Вы взяли эту громадную, тяжелую тачку, чтобы везти в ней пойманных креветок? Ах, дети, дети, вы положительно уморите меня... Ну, виданное ли дело?.. Нет, положительно вы уморите меня со смеху.

Она опустила в большое деревянное кресло и вся закачалась от беззвучного, добродушного смеха.

Дети переглянулись. Неприятно видеть, что над вами смеются, особенно когда смеются над тем, чего вы и не думали делать, но дети чувствовали, что миссис Пирс расхохоталась бы точно так же или, может быть, даже еще сильнее, если бы узнала, зачем им на самом деле понадобилась тачка.

— Ах, не смейтесь, пожалуйста, — шепнула Мевис, подходя к миссис Пирс, — впрочем, вы прелесть и милочка, потому что больше не сердитесь. И ведь вы не скажете никому? Правда, не скажете?

— Ну, я отпущу вас, только обещайте ни-

когда больше не делать таких вещей. Хорошо?

— Ни за что не будем, — в один голос сказали брат с сестрой.

— Тогда ступайте, ложитесь, а я выжму мокрое платье, когда ваша мама уйдет из дому. И выжму и выглажу, поджидая моих мальчиков с моря.

— Вы настоящий ангел, — сказала Мевис и поцеловала ее.

— Да уж, конечно, скорее я ангел, чем вы, — ответила миссис Пирс и в свою очередь поцеловала маленькую девочку. — Идите же, идите и постарайтесь уснуть.

Мевис и Френсис вышли к завтраку очень поздно, и оба мысленно говорили себе, что им посчастливилось.

— Ваши мама и папа уехали на велосипедах, — сказала детям миссис Пирс, ставя перед ними на стол яйца и ломтики копченой и поджаренной свиной грудинки. — Они вернутся только к обеду. Поэтому-то я и дала вам поспать подольше. Младшие позавтракали три часа тому назад и теперь играют на отмели. Я просила их не мешать вам выспаться, хотя, кажется, им очень хотелось узнать, сколько креветок поймали вы. Я уверена, они, как и вы, думали, что вы привезете домой полную тачку этих морских рачков.

— Почему вам кажется, будто они знают, что мы уходили? — спросил Френсис.

— Я видела, как они шептались о чем-то между собой и с любопытством осматривали старую тачку. Все это было до того забавно, что и кошка расхохоталась бы, глядя на них. Ну, бегите наверх, да поскорей. У меня сегодня стирка, мне некогда болтать с вами, ваши вещи почти совсем высохли.

— Вы настоящая милочка, — сказала Мев-

ви. — Что было бы с нами, если бы вы оказались не такой доброй.

— Досталось бы вам на орехи, посадили бы вас на хлеб и на воду, и вам бы, как своих ушей, не видать вкусеньких яиц, поджаренной грудинки и отмели, на которую вы теперь скоро пойдете играть. Теперь вы все знаете и — до свидания, — проговорила миссис Пирс.

На отмели они встретили Кетлин с Бернаром. При свете яркого теплого солнца старшим детям показалось, что в конце концов все же стоило идти ночью на выручку морской девушки, хотя бы только ради удовольствия рассказать о пережитых волнениях «мальчикам», которые все время лежали в теплых, сухих постельках.

— Знаете, — сказала Мевис, окончив свой рассказ, — теперь, когда сидишь здесь и видишь купальные будочки, палатки, детей, которые копаются в песке, и дам с вязаньем в руках, как-то трудно верить, что на свете есть волшебство. А между тем вы сами знаете, что мы видели волшебные вещи.

— Волшебства нет, — тоном взрослого ответил Бернар. — Нельзя считать волшебством вещи, о которых ничего не знаем. Морские девушки, конечно, существовали всегда, только люди ничего о них не знали. Вот и все.

— Но она говорит, — заметил Френсис.

— Так что же? — возразил Бернар. — Ведь и попугаи разговаривают.

— Она говорит по-английски, — наставительно прибавила Мевви.

— Еще бы! — ответил невозмутимо Бернар. — На каком же другом языке могла бы она говорить?

Таким-то образом под лучами солнца, между лазоревым небом и золотистым песком, окончилась история с морской девушкой, по крайней

мере детям казалось, что их странное приключение пришло к концу, что от него осталось только воспоминание, о котором они могли говорить с друзьями.

И, возвращаясь домой к обеду, у четверых детей было невесело на душе: они жалели о конце чудесного приключения.

— Пойдем посмотрим на пустую тачку, — сказала Мевис, — тогда мы яснее вспомним о том, что было в ней.

Тачка стояла именно там, где ее оставили дети, а в ней лежал очень смятый и очень грязный лоскуток бумаги, на нем плохим почерком было безграмотно написано:

«Френсу, прошу развернуть».

Френс развернул бумажку и прочитал вслух:

«Я вернулся к морю, она подплыла, она просит вас прийти повидаться с ней в глухую ночь.
Джо».

— Ну, я не пойду, — сказал Френсис.

И вдруг все четверо вздрогнули: в кустах послышался голос, сказавший:

— Вы не видали меня.

И «блестящий» мальчик высунул голову из густых веток.

— Ты, кажется, очень любишь прятаться в кустах? — заметил Френс.

— Да, — отрывисто ответил Джо. — Вы опять пойдете к ней?

— Нет, — сказал Френсис, — с меня достаточно темных ночей! Благодарю покорно.

— А ты, мисс, — спросил он Мевви, — тоже нет? Ах, трусишки. Значит, отправлюсь один я.

— Ты пойдешь, Френс? — спросила Кети.

— Как вы думаете?

— На твоём месте, Френс, я пошел бы, — сказал Бернар.

— Нет, на моем месте ты не пошел бы, —

произнес Френсис. — Ты не знаешь, какая она была нелюбезная. Я не хочу больше видеть ее. Кроме того, нам не удалось бы выскользнуть из дома в глухую ночь: миссис Пирс будет настороже. Нет, я не пойду.

— Но вы должны что-нибудь сделать, — сказала Кетлин. — Нельзя же ее бросить так. Если вы бросите, я ни за что не поверю, что во всем этом было волшебство.

— На нашем месте ты отказалась бы от волшебства, — заметил Френсис. — Почему ты сама не пойдешь, пошла бы с Бернаром.

— Да мне и хочется пойти, — неожиданно сказал Бернар, — только не ночью, потому что я наверно уроню башмаки. Ты пойдешь со мной, Кети?

— Ты знаешь, я и раньше хотела идти, — с упреком сказала Кетлин.

— Но когда? — спросили остальные.

— Это нужно обдумать, — проговорил Бернар. — Вот что, мальчик, — обратился он к Джо, — нам нужно идти обедать. Ты придешь сюда потом.

— Да, я не уйду отсюда. Не принесете ли вы мне хоть чего-нибудь поесть? Со вчерашнего дня я ничего не ел.

— Ах, Боже мой, — ласково сказал Френсис. — Они не кормят тебя в наказание за то, что ты вымок?

— Они ничего не знают, — ответил Джо. — Ведь я и не думал возвращаться в балаган! Прощайте, голубчики! Я улизнул от цыган... убежал от них.

— Куда же ты теперь пойдешь? — спросил Френсис.

— Я не знаю, право, — ответил «блестящий» мальчик. — Я убежал от цыган и еще не знаю, куда денусь!

ГЛАВА VI

Отец и мать Мевви, Френса, Кетлин и Бернара отличались большой рассудительностью и еще большим благоразумием. Не будь этого, не было бы и ничего, что случилось позже. Трудно найти более веселых и ласковых родителей, чем были отец и мать четверых детей, о которых идет речь. Они горячо любили «своих цыплят», но отлично понимали, что дети совсем не любят, чтобы старшие постоянно держали их при себе, вечно беспокоились о них и не спускали с них глаз.

Вот потому-то иногда м-р и миссис Фредди затевали развлечения, в которых все члены семьи принимали участие, а в другой раз уезжали вдвоем и веселились по-своему, а дети развлекались тоже по-своему.

В тот вечер, о котором мы рассказываем, в соседнем городке Лилленгтоне был назначен концерт. Отец и мать детей решили отправиться послушать музыку; они спросили «своих цыплят», не хотят ли они тоже ехать с ними, но дети отказались.

— Хорошо, — сказала миссис Фредди, — в таком случае придумайте что-нибудь интересное для себя. На вашем месте мне захотелось бы поиграть на берегу. Только, смотрите, не заходите за большой утес: во время прилива там опасно. Вот на гладком берегу, где вас может видеть береговая стража, с вами не случится беды.

— Мама, — неожиданно сказала Кетлин, — позволь нам отнести кусок холодного паштета и чего-нибудь еще мальчику, который сказал, что он ничего не ел со вчерашнего дня.

— Конечно, можно, — ответила миссис Фредди, — попросите миссис Пирс еще дать вам

для него хлеба и сыра. Ну, до свидания, я так опоздала, что мне придется просто-напросто лететь! Еще раз — до свидания, цыплятки!

Может быть, Джо ел не так изящно, как это делают благовоспитанные дети, зато было вполне ясно, что он очень обрадовался вкусным вещам, которые ему принесли; впрочем, он выразил удовольствие только тем, что на полсекунды прекратил свое приятное занятие и сказал:

— Благодарю.

— Теперь, — проговорил Френсис, когда Джо проглотил последний кусочек сыра и паштета и тщательно облизал ложку, — теперь вот что: мы прямехонько отправимся на морской берег и попытаемся повидаться с морской девушкой. Если ты тоже пойдешь с нами, мы постараемся перерядить тебя так, что никто не подумает, что ты бывший «блестящий» мальчик.

— А во что нарядите вы меня?

— Мы думали, — мягко ответила Мевис, — что, может быть, тебе лучше всего надеть платье девочки.

— Валяйте! — сказал Джо.

— И я принесла с собой кое-что из моих

собственных вещей и башмаки Френса, потому что, видишь ли, мои-то слишком малы.

В ответ Джо громко расхохотался и запел знакомую детям песенку под названием «Цыганская принцесса», и, надо сказать, запел очень приятным и нежным голоском.

— Как весело! Ты поешь песню «Цыганская принцесса»! — заметила Кетлин.

— Да, старая Ромен знала видимо-невидимо песен, — сказал Джо. — Ну что же! Давайте-ка мне все ваши тряпки.

— Сними куртку и вылезай из кустов; я помогу тебе одеться, — предложил Френсис.

— Нет, лучше дайте мне юбку сюда, — возразил Джо, — не то, пожалуй, кто-нибудь пройдет мимо нас и узнает «блестящего» мальчика. Передайте мне те шелковые одежды и бриллиантовые вещи, которые вы приготовили для меня...

Дети просунули между ветвями, которые Джо раздвигал своими худенькими руками, синюю саржевую юбочку и вязаную нитяную блузку-фуфайку.

— Да-а-вайте-ка! — произнес Джо, протягивая руку.

Блузка и юбка без труда проскользнули между ветвями куста, но шляпа оказалась слишком велика, и, чтобы надеть ее, мальчику пришлось

выбраться на дорогу. Едва Джо высвободился из чащи, Мевис и Кетлин посадили ему на голову большую шляпу, плетенную из камыша, тулью которой обвивал синий шарф; в то же время Бернар и Френсис завладели ногами Джо, быстро натянули на них длинные коричневые чулки и белые туфли, так называемые «песочные», то есть для прогулок по отмелям.

Джо, бывший «блестящий» мальчик, превратившийся в беглеца из цыганского цирка, стоял посреди своих новых друзей, и в этой довольно-таки неловкой, но миленькой девочке никто не узнал бы прежнего юного циркового наездника и акробата.

— Теперь, — сказал он, поглядывая на свою саржевую юбку, — теперь нам незачем долго оставаться здесь.

Дети действительно не стали медлить. Спрятав старые, разношенные сапоги Джо в кусты, они пошли прямо к морю.

Дойдя до полосы берега из мягкого, мелкого песка, пролежавшей между большими скалами и отдельными высокими утесами, Бернар внезапно остановился.

— Вот что, — сказал он, — я охотно отправлюсь к морю, если Сабрина-красавица будет мила, но я никуда не пойду, если со мной пойдет Кети.

— Это нечестно, — заметила Кетлин, — ты сказал, что я могу идти.

— Сказал? — спросил Бернар, обращаясь ко всем остальным.

— Да, — ответил Френс.

Мевис прошептала:

— Да.

А Джо напомнил:

— Ты сам спросил ее — пойдет ли она с тобой.

— Отлично, — спокойно проговорил Бернар, — тогда просто-напросто я сам не пойду, и дело с концом.

— Ах, несносный! — послышалось три одновременных восклицания, а Кетлин еще прибавила:

— Не понимаю, почему меня всегда исключают?

— Ну, — нетерпеливо проговорила Мевви, — ведь посмотреть на нее, только посмотреть, совсем не опасно. Обещай Бернару не делать ничего, что он тебе не позволит... Этого, думаю, будет достаточно... Хотя, право, не понимаю, почему ты должна быть его рабой только из-за того, что он тебя считает особенно своей сестрой... Ну, Бернар, тебе будет довольно ее обещания?

— Я готова обещать все что угодно, — чуть не плача проговорила Кетлин, — только позвольте мне идти со всеми вами и посмотреть на морскую девушку, если она покажется...

Так и решили.

Теперь на сцену выступил вопрос, когда и где следует сказать магические слова.

Мевви и Френс считали, что лучше всего произнести волшебные фразы там, где раз уже явилась морская девушка.

Бернар возразил:

— А почему бы не сказать его здесь, где мы стоим?

Кетлин довольно печальным голоском заметила, что раз морская девушка всегда является, когда ее зовут, — годится всякое место.

Но Джо, стоявший прямо и важно в своем странном наряде, проговорил:

— Вот что, я беглец и хочу спрятаться. Не пойти ли в одну из пещерок? А? Если мы пройдем вон по той тропинке, мы увидим пе-

щеру, в ней стоит вода. Я недавно видел: она сухая; но в одном ее уголке, повторяю, вода.

— А в этой выбоине морская вода? — тревожно спросила Мевис.

— Должно быть, морская! Ведь это так близко от моря, — ответил Джо.

Он ошибался. Когда дети дошли до пещеры и Джо раздвинул репейники и повилику, которые закрывали отверстие грота, Френсис сразу понял, что в этой высокой пещере не могло быть морской воды. Даже в самую бурную погоду волны сюда не достигали.

— Значит, нечего и начинать, — сказал Френс.

Но остальные попросили:

— Все-таки попробуй, Френс.

И все вошли в полутемную пещеру.

Это был прехорошенький грот, не меловой, как утесы: его стены и потолок состояли из серого гранита.

— Это искусственная пещера, — важно заметил Бернар. — Ее устроили руки человека отдаленных веков.

Свет в грот проникал через входное отверстие; солнечные лучи, пробираясь между густыми сорными травами, освещали ее зеленоватым светом.

Глаза детей скоро привыкли к полутьме, и они заметили под ногами мелкий белый песок и увидели подле одной из стен узкую полосу воды. Внешнюю сторону этого бассейна окаймляли папоротники, купавшие свои густые листья в гладкой водной поверхности, белевшей под лучом света. Вода стояла неподвижно, и дети почему-то почувствовали, что это был очень глубокий бассейн.

— Не стоит, — проговорил Френс. — Это место не годится!

— Но эта пещера прелестна, — тоном утешения сказала Мевви. — Спасибо тебе, Джо, что ты нам ее показал, и как здесь прохладно! Отдохнемте минутки две. Поднимаясь по тропинке, я положительно спеклась. Через минуту мы вернемся к морю. Если же Джо думает, что для него безопаснее побыть здесь, он может подождать нас в гроте.

— Отлично, садитесь! — сказал Бернар. И все дети уселись рядом на мягкий белый песок. Джо опустил неловко: его все еще стеснял наряд девочки.

— Чудесно здесь прятаться, — заметил Бернар. — Во всяком случае, лучше, чем в твоём старом кусте, Джо. Вряд ли кто-нибудь знает эту пещеру и дорожку к ней.

— Я тоже думаю так, — сказал Джо, — потому что два дня тому назад сюда не было никакого прохода... Я просто упал в грот, стараясь вырвать куст вереска.

— Если ты хочешь прятаться, я на твоём месте прятался бы именно здесь.

— Я и собираюсь остаться тут.

Было тихо-тихо. Только время от времени с потолка пещеры падала капля воды в маленький пруд; тогда на его зеркальной поверхности появлялись расходящиеся круги.

— Ну, если все вы отдохнули — идемте, — сказал Френсис.

Но в эту минуту Кетлин стала просить старшего брата:

— Скажем: «Сабрина-красавица!» Пожалуйста, попробуем сказать... Только попробуем.

И четверо детей начали заклинание; говорили все, кроме «блестящего» мальчика, который его не знал.

«Сабрина-красавица», — произносили детские голоса.

«Ты скрываешься под водой, под прозрачными волнами».

«Слушай! мы тебя...»

Вода плеснула; в прудике образовался водоворот; показалась морская девушка.

Глаза детей привыкли к сумраку, и они вполне ясно рассмотрели ее; увидели они также, что она протягивала к ним обе руки и улыбалась так мило, так нежно, что на одно мгновение их сердца замерли.

— Голубчики мои! — вскрикнула она. — Мои дорогие, прелестные, милые, добрые, мужественные, благородные избавители!

— Ты обращаешься к Джо во множественном числе? Вероятно, по ошибке? — с горечью сказал Френс.

— Конечно, я говорю также и с ним, но больше всего мои слова относятся к вам двоим, — ответила она, потом сделала круговое движение своим рыбьим хвостом и оперлась обеими руками о край бассейна. — Мне грустно, что я была так неблагодарна. Сейчас скажу, почему это случилось.

Неблагодарность — в вашем воздухе. Видите ли, выходя из воды, мы делаемся очень чувствительны к влиянию воздуха, а неблагодарность — вещь крайне заразительная. В вашем человеческом воздухе есть и другая зараза — желание внешнего блеска... Поэтому-то я и была такая нестерпимая. Вы прощаете меня, дорогие? Да? И какой себялюбивой я стала тогда... Ужас, ужас! Но чистое, прохладное, прекрасное море смыло с меня все, и я так жалею о случившемся, точно это было по моей вине, хотя, право, я, в сущности, не была виновата.

Дети сказали: «Ничего», — попросили ее не беспокоиться, уверяя, что это не важно и

т. д. — словом, сказали все, что говорится в подобных случаях.

— Удивительно, — задумчиво сказала она, — прямо поразительно: маленький мальчик, сын богатых родителей, казался мне кем-то очень-очень важным. Действительно, я считала его важным. Правда, смешно? Ну, а теперь я хочу, чтобы вы все отправились со мной. Я покажу вам, где я живу.

Морская девушка улыбнулась детям прелестной сияющей улыбкой, они в один голос сказали:

— Благодарим тебя.

И переглянулись.

— Все там у нас будут невыразимо рады видеть вас. Мы, жители моря, совсем не неблагодарный народ, пожалуйста, не думайте этого.

В ее последних словах прозвучала мольба.

На ее лице лежало милое, дружеское выражение. Но Френсис вспомнил о Лорелее. Конечно, такой же милой, приветливой и привлекательной казалась Лорелея, золотоволосая рейнская нимфа, плывцу в утлом челне, между тем она отправила его в бездну. (В последнем учебном семестре Френс одолел эту поэму Гейне, конечно, не без помощи толстого немецкого словаря.)

В силу странного совпадения Мевис тоже с лексиконом и тоже очень недавно прочла «Унди́ну» и теперь старалась убедить себя, что морская девушка совсем не лишена души, как Ундина, и что это видно по ее добрым глазам. Кетлин была спокойнее; она только что прочитала английскую сказку, в которой одна морская девушка играла роль доброго существа.

— То есть ты зовешь нас в глубину моря? — спросила она. — Ты зовешь в бездну, где гнездятся морские змеи, где плавают громадные

киты, которые никогда не спят, как говорится в моей книге?

— Откровенно говоря, в действительности все это не совсем так, — ответила морская девушка, — но вы сами скоро увидите.

Бернару ее слова показались страшными, зловещими.

— Почему, — спросил он ее, — ты хотела повидаться с нами глухой ночью?

— Да ведь это, кажется, самое подходящее время для разговоров? — наивным тоном сказала морская девушка, — о «глухой ночи» говорится в каждой сказке о людях. Ведь у нас есть рассказы о приключениях среди воздуха, так же как у вас есть волшебные сказки о море и описания морских приключений. Избавитель всегда является к воротам замка в глухую ночь и всегда на вороном коне. Но вас было четверо, и у меня ведь не ноги, а рыбий хвост... Поэтому-то я и заговорила о колеснице. Но довольно болтать, идемте ко мне.

— А как мы попадем туда? — спросил Бернар, и все остальные затаили дыхание, чтобы хорошенько расслышать ответ морской девушки.

— Да, конечно, так же, как явилась я, — ответила она. — Вот этим путем, — и морская девушка указала на воду.

— Мы очень, очень тебе благодарны, — ответила Мевис, и ее голос слегка дрогнул, — но ты, верно, не слыхала, что люди, которые попадают в воду, — знаешь, люди вроде нас, без рыбьих хвостов, — тонут.

— Не тонут, если их провожает кто-нибудь из нас, — сказала морская девушка. — Ну, понятно, мы не отвечаем за ворвавшихся к нам насильно, однако я не думаю, чтобы и в таких случаях бывало что-нибудь ужасное. Кто-то

мне рассказывал о морских детях. Вы не слышали о них?

— Слышали, только ведь это выдумка, — упрямо сказал Бернар.

— Отчасти да, — согласилась морская девушка, — но в этих сказках все-таки очень много правды. Уверяю, у вас не вырастет ни плавников, ни жабер, ничего подобного. Не бойтесь, этого не случится.

Дети переглянулись, потом посмотрели на Френса. Он откашлялся и сказал:

— Очень, очень благодарим тебя, но лучше мы не пойдем с тобой.

— Что за пустяки! — ласково проговорила морская девушка. — Ведь это же так легко, так просто. Каждому из вас я дам по пряди своих волос. — И, говоря это, она отрезала ножом из раковины пять прядей волос. Это были длинные, мягкие кудри. — Теперь пусть каждый из вас обовьет свою шею моим локоном (будь у меня на шее волосы земной девушки, я не страдала бы от сухости, как страдала недавно), — потом прыгайте. Глаза закройте. Если не закроете, вам будет страшно. Но опасности нет никакой.

Дети взяли пряди волос морской девушки, но обвить ими шею никто из них не решился.

И все пятеро стояли в нерешительности.

— Ах, какие вы глупые, — снисходительно сказала морская девушка. — Зачем вы взялись за волшебство, если боитесь испытать его на себе? Ведь это же один из самых простых и безопасных видов волшебства. Что сказали бы вы, если бы вам случилось вызвать духа огня и потом вместе с ним спуститься в кратер Везувия, обвив ваши шейки живыми желтыми саламандрами?

Она весело засмеялась при этой мысли, весело, но вместе с тем с оттенком досады.

— Ну, не будьте же глупыми, — продолжала морская девушка, — вам никогда больше не представится такого удобного случая. И знаете, я чувствую в воздухе присутствие множества ваших отвратительных человеческих микробов: недоверия, подозрительности, страха, раздражения, досады. Ужасные, противные зародыши. Я боюсь впитать их в себя... Ну, скорее!

— Нет, — ответил Френсис и протянул девушке моря данную ему прядку волос.

То же сделали Мевис и Бернар; только одна Кетлин сказала:

— Мне очень хотелось бы к тебе, я пошла бы с тобой, но я обещала Бернару ничего не делать без его позволения.

Морская девушка повернулась к Кети, протянув руку за прядкой своих волос.

Кетлин наклонилась над водой, чтобы передать ей темный локон, и в одно мгновение, — это было ужасное мгновение, — морская девушка поднялась над поверхностью темного пруда, обхватила Кетлин своими длинными белыми руками и вместе с ней скрылась в глубине.

Мевис закричала, испуганная, пораженная.

Френсис и Бернар воображали, будто они даже не ахнули. Только «блестящий» мальчик промолчал; только он один не предложил морской девушке взять от него обратно шелковистую прядь волос.

Он тогда же обвил этим локоном свою шею и теперь еще крепче стянул его в узел, потом, шагнув к воде, сказал важно:

— Кети принесла мне кусок паштета!

И кинулся в воду.

Он сразу погрузился в прудик. И странная вещь: это почему-то успокоило остальных. Джо

не боролся, не нырнул, как искусный пловец, а пошел ко дну, как камень.

— Кети — моя сестра, — сказал Бернар и тоже прыгнул в воду.

— Действительно ли это волшебство или нет, но мы не можем вернуться до-

мой без нее, — хриплым голосом шепнула Мевис.

Она взяла Френса за руку, и оба кинулись вслед за скрывшимися в воде.

На деле все это было не так страшно и трудно, как представляется нам со стороны. С минуту исчезновения Кетлин ощущение волшебства, которое напоминает наслаждение странной музыкой, все усиливалось. Это приносило детям утешение. В мире бывают такие ужасные вещи, что, если заставишь себя смотреть им в лицо, ни за что не поверишь, что они настоящая, неумолимая действительность.

Дети не могли допустить мысли, что морская девушка явилась на их зов, ласково, сердечно говорила с ними только для того, чтобы утопить своих четырех избавителей.

— Ничего, — крикнул Френсис, прыгая в воду. — Я...

Он как раз вовремя закрыл рот, не то вода попала бы ему в горло.

Может быть, вам иногда случалось видеть во сне, будто вы отлично плаваете; если да — вы, конечно, помните, какое блаженство плавать в грезах. Снится, будто, не делая ни малейших усилий, плывешь далеко и невероятно быстро.

То же переживали Френс и Мевви. Едва они коснулись воды, как почувствовали себя совсем водяными существами; им стало так же удобно и хорошо в воде, как бывало на земле. Когда они погрузились в прудик, их головы опустились, ноги же приподнялись, и они долго-долго плыли куда-то вниз. Казалось, будто дети направлялись ко дну какого-то огромного, глубокого колодца; наконец колодец этот расширился — и Мевви с Френсом очутились в пещере.

Скоро Френс заметил, что его голова выдается над водой; то же было и с Мевис.

— Пока все идет хорошо, — сказала она, — но как мы вернемся на землю?

— Ничего! Нам поможет волшебство, — ответил Френсис и поплыл еще быстрее.

Пещеру освещали большие куски фосфора. Фосфорные колонны длинным рядом тянулись вдоль стен пещеры.

Ясная, чистая вода имела темно-зеленый цвет; по краям потока виднелись разноцветные морские анемоны, морские звезды самых разнообразных и красивых форм. Стены и потолок пещеры были из слабо блестящего переливчатого перламутра. Словом, все поражало глаз красотой; прелесть окружающего и легкость передвижения совсем прогнали страх.

Вдобавок еще впереди прозвучал веселый голосок:

— Скорее, Френс! Сюда, Мевви!
Это кричала Кетлин.

Брат и сестра помчались к ней, и по мере того как они подвигались вперед, нежный, мягкий свет становился все ярче, все сильнее. Он освещал весь путь такой дорожкой, какую обнаружат на поверхности моря лунный свет в летнюю ночь.

Вдруг дети заметили, что этот все усиливающийся свет льется от больших ворот, преграждавших поток.

К воротам вело пять ступеней, а на ступенях сидели Кетлин, Джо, Бернар и морская девушка, только теперь она была без своего рыбьего хвоста; он лежал подле нее на мраморной лестнице, ну, совершенно так же, как лежат детские чулочки. Теперь из-под легкого платья морской девушки выглядывали белые ножки.

Дети без труда поняли, что платье это было сделано из красных, нежных, перевитых между собой водорослей. Бернар, Кети и Джо были в таких же одеждах, и «блестящий» мальчик больше не походил на девочку. Когда Мевви и Френсис поднимались на ступени и случайно посмотрели на себя, они увидели и на себе одежды из той же ткани.

«Красиво; но неловко вернуться домой в таких костюмах», — подумала Мевис.

— Теперь, — сказала морская девушка, — пожалуйста, простите меня за то, что я сделала. Я знала, что вы будете бесконечно колебаться, и уже начала сердиться. Но смотрите. Эти золотые двери ведут в наше королевство. Хотите войти туда? Да? Досюда я могла привести вас против вашей воли, но не дальше; и вы не войдете в ворота, если не будете безгранично верить мне. Вы верите? Да? Постарайтесь...

— Да,— сказали все дети, кроме Бернара, который проговорил:

— Я еще не верю... Но постараюсь, я хочу верить тебе.

— Если хочешь верить, значит, уже веришь мне,— ласково проговорила морская девушка.— Теперь же я скажу вам одну вещь. То, чем вы здесь дышите — не воздух и не вода; это вещество, которым могут дышать и водяные создания, и существа, живущие среди воздуха.

— Эквивалент воздуха и воды,— заметила Кети,— две величины, равные третьей, — равны между собой.

— Верно! — сказал Френс.

И брат переглянулся со старшей сестрой. Оба удивились, почему Кети знала это.

— Не удивляйтесь,— проговорила морская девушка,— вы подчинились влиянию места. Это пещера учения; вначале она очень темна, но делается все светлее и светлее, по мере того как вы приближаетесь к золотым дверям. Все эти скалы — из книг; из каждой расщелины, из каждой трещины струятся знания. Мы изо всех сил заделываем эти трещины, прикрываем их красивыми вещами, а знания все-таки просачиваются. Идем же, не то вы все заговорите по-санскритски.

Она открыла ворота.

Детей облил яркий поток золотистого света.

Морская девушка толкнула их в двери и тотчас же закрыла тяжелые золотые створки.

— Вот тут мы живем,— прозвучал ее нежный голос.— Ведь вы рады, что попали к нам?

ГЛАВА VII

Дети прошли через золотые двери; ощущение тяжести в голове, которое они начали было испытывать, рассеялось, но им казалось, что они поумнели, и это было крайне приятно.

Мевис и Френсис чувствовали, что еще никогда в их умах не было так ясно, как в эту минуту. Вслед за Бернаром и Кетлин прошли они через золотые двери, а позади их двинулись Джо и морская девушка. Она подняла со ступеней свой рыбий хвост и перекинула его через руку, совершенно так, как это делают дамы со своими снятыми с плеч платками и шарфами.

Она на мгновение отстала и захлопнула двери; замок звякнул.

— Нужна осторожность, — сказала морская девушка, догоняя детей, — в книгах живет книжный народ. А вы сами знаете, что в романах и рассказах не все действующие лица добры. Есть очень злые. Все они вечно стараются вырваться на волю. И если злые книжные существа попадут к нам... случится большая беда.

Теперь все маленькое общество шло по гладкой травянистой тропинке, между двумя рядами живой изгороди из подстриженных буксов, по крайней мере, растения эти как две капли воды походили на буксы. Однако, когда Мевис дотронулась до одного из подрезанных кустов, она поняла, что вся изгородь состоит из морских трав.

Вот они подошли к небольшому коралловому мостику, который аркой перекидывался через тихую глубокую речку.

— Ничего не понимаю, — сказал Бернар, — если мы в воде — что же такое это?

И он указал на ручей.

— Ах, ты задаешь мне слишком трудные вопросы, — ответила морская девушка, — лучше сказать, если я тебе отвечу, то мне придется наговорить слишком много непонятного для тебя. Но идемте же, не то мы опоздаем, и пир начнется без нас.

Тропинка стала шире; скоро дети увидели прелестную перламутровую террасу, гладкую, блестящую, отличающуюся радужными цветами. От нее спускалась лестница с жемчужными ступенями и вела в изумительно красивый сад. Если бы вы старались придумать что-нибудь очаровательнее этого сада и целый год и один день над этим трудились, вы не придумали бы ничего лучше того, что увидели дети.

Из листвы отдаленных деревьев выглядывали сияющие купола и минареты прекрасных зданий; откуда-то издалека, очень издалека, неслись упоительные звуки музыки. Мелодии эти раздавались в таком отдалении, что сначала дети только смутно слышали их.

— Не понимаю, на чем играют, — заметил Джо и решительно прибавил: — Конечно, это не арфы!

— Теперь, — сказала морская девушка, когда они подошли к густым деревьям, — королева всенародно поблагодарит вас. Вам не хотелось бы этого? Но так нужно... Раз вы желали поступить благородно и спасли пленницу, вам следует ждать благодарности за это. Смотрите, поклонитесь! Не забудьте. Но не бойтесь, ничего страшного не будет.

Дети и морская девушка прошли через рощу или парк и очутились на площадке, которая расстилалась перед великолепным дворцом, выстроенным из жемчуга и золота.

Там на серебряном троне сидела изумительная красавица; ее голову увенчивала корона из звезд; одета она была в зеленое платье, а на ее маленьких ногах блестели золотые туфельки.

Она улыбнулась детям, да так ласково, что они и думать позабыли о страхе.

Раздался звонкий, приятный звук; музыка прекратилась сразу, точно оборвалась; наступило полное затишье; и вот дети почувствовали, что кто-то их осторожно подталкивает к подножию трона.

На жемчужном полу стояла густая толпа; она окружала их, точно кольцом.

Королева поднялась с места и протянула своим гостям конец скипетра; а там сияла точно такая же звезда, как в короне, венчавшей ее очаровательную голову.

— Добро пожаловать, — сказала она, и ее голос прозвучал слаще всякой музыки, — добро пожаловать к нам! Вы поступили великодушно, вы поступили отважно. Вы забыли о себе, и все мои подданные приветствуют вас и горячо благодарят.

Услыхав слова королевы, все присутствующие наклонили перед детьми головы, точно тростники-султанчики, сгибающиеся под порывом свежего ветра, а их владычица спустилась со ступенек трона и протянула руки смущенным жителям земли.

А они действительно были смущены; сжатие горла, которое уже давно чувствовал каждый и каждая из пятерых, стало почти невыносимо, когда эти добрые руки касались их голов.

Потом толпа выпрямилась, и кто-то голосом, звонким, как труба, отчетливо произнес:

— Дети спасли одну из наших!.. Мы умираем в неволе!.. Приветствуйте их криками! Приветствуйте!

И толпа, окружавшая детей густым кольцом, разразилась криками. Приветствия напоминали рев диких волн бурного прибоя, грохот водяных валов, разбивающихся о каменные гряды.

Зашелестели веющие платки или флаги, — дети не могли разобрать, что это было, — потом голос «их собственной морской девушки» произнес:

— Ну, конечно. Теперь начнется пир. Правда, мама?

— Да, дочка, — ответила королева.

ГЛАВА VIII

Итак, спасенная морская девушка оказалась дочерью морской королевы.

— Я не знала, что ты принцесса, — сказала ей Мевис, когда все они шли вслед за королевой по длинному коридору.

— Потому-то и было столько шума, — сказал Бернар.

— О нет, — ответила принцесса моря. — Мы прославляли и благодарили бы каждого, спасшего из плена кого-либо из нас, жителей или жительниц морского королевства. Мы любим подобные торжества.

— А можно нам во время пира сесть к тебе поближе? — внезапно спросила Кетлин. — Ведь знаешь, для нас все это так странно и необыкновенно.

— Ну конечно, дорогая, — ответила ей морская принцесса.

Пир был великолепен, только позже дети никак не могли вспомнить, какие кушанья подавали им на серебряных блюдах или какие напитки пили они из золотых красивых кубков. Особенно их поразили лакеи, одетые в плотно облегающие костюмы из серебряных чешуек, в серебряных же митенках и в странных шапках или шлемах. Все это придавало им больше сходства с рыбами, нежели с людьми.

Кетлин сказала об этом принцессе.

— Да они действительно рыбы, — ответила принцесса, широко раскрыв свои прекрасные глаза. — Это осетры; слуга, стоящий за маминим креслом, — главный осетр. Я слыхала, что в вашей стране бывают главные дворецкие, а у нас есть главные осетры.

— И все ваши слуги рыбы? — спросила Мевви.

— Ну конечно, — ответила принцесса, — но, за исключением парадных приемов и обедов, мы редко обращаемся к их помощи. Большая часть работ совершается усилиями существ низшего рода, по большей части с помощью электрических угрей. Почти все силы, двигающие нашими машинами, добываются из них.

— А каким образом? — спросил Бернар.

— У нас чаны полны электрических угрей, скатов и тому подобных существ, — ответила морская девушка. — Эти чаны соединены проводами с жилищами; вы соединяете главный провод с веретеном, с лопатой, словом, с чем понадобится.

— Это просто прелесть! — горячо сказала Мевис. — Я говорю вот об этом, — прибавила она, указывая рукой на ряд белых арок, между которыми проглядывала зелень, вода и то, что походило на голубое небо. Вы живете в таком прелестном месте, ничего не делаете целый день, только играете! Превесело!

— Если вы только играете, вам это, конечно, надоедает, — заметил Бернар. — Во всяком случае, я знаю, что мне недоело бы безделье. Ты когда-нибудь строила паровую машину? — спросил он принцессу. — Вот это я понял бы, это работа!

— И для меня это была бы работа, — сказала она. — А разве ты не знаешь, что работаешь, когда делаешь что-либо нужное, но неприятное; игрой же называются усилия, доставляющие удовольствие?

— Ну, а что же делаете вы? — спросила Кетлин.

— Мы обязаны наблюдать, чтобы все реки текли — реки земные, а не наши, понимаешь, — заботиться о выпадении дождя и снега, о приливах и отливах, обязаны также смотреть за водо-

воротами; по временам открывать клетки, в которых содержатся различные ветры. О, могу вам сказать, что в нашей стране быть принцессой совсем не легко, не знаю, как у вас...

В это мгновение морская королева поднялась со своего места; встали и все остальные.

— Ну, — сказала принцесса, — я должна идти, моя очередь наполнять реки. Такие вещи делают только принцессы.

— А какое у вас самое трудное занятие? — по дороге спросил ее Френсис.

— Не давать морю вторгаться в наше королевство, — был ответ, — и сражаться с народом глубин. Мы стараемся обеими руками изо всех сил держать закрытыми двери.

— А как вы боретесь с жителями глубин, и кто они? — пожелал узнать Бернар.

— Тупоголовые, тяжеловесные существа, обитающие на дне океана.

— Они не похожи на вас? — спросила Кети.

— О, милое дитя!

— Кети хочет сказать, — объяснила Мевви, — что мы не думали, будто в море живут еще какие-либо создания, кроме вас.

— Вы знаете о нас гораздо меньше, нежели мы о вас, — ответила принцесса. — Понятно, в море живут различные народы и племена, с совершенно несходными обычаями, нравами, одеждами и так далее. Но враждебные нам жители вод главным образом делятся на две части: на тонкокожих и толстоголовых. Мы сражаемся и с теми и с другими. Тонкокожие живут близ поверхности моря; это легкомысленные, глупые существа — наutilusы и летучие рыбы; они очень милы, но лживы, ветрены и способны на предательство. Толстоголовые живут в холодной, темной глубине. Они страшные, неукротимые создания. И... пребезобразные!

— А вы когда-нибудь опускаетесь в глубокие воды?

Принцесса вздрогнула.

— Нет, — сказала она, — но мы могли бы сделать это. Если море когда-нибудь ворвется в наше королевство — жители глубин нападут на нас, и нам придется выгнать их; мы постараемся оттеснить их — в их собственное королевство. Однажды, при моем деде, так и было.

В эту минуту дети заинтересовались высокой молодой красавицей, которая стояла на мраморном подножии посреди бассейна. Она держала над головой большой кувшин, из которого тонкой струйкой лилась вода.

Струя эта бежала под арку, перекинутую

через бассейн, потом втекала в узкий желоб, высеченный в мраморных плитах площадки, на которой стояли дети и принцесса, и терялась под темным сводом, видневшимся в противоположной скале.

— Это, — сказала принцесса, — исток Нила и всех других рек... Но теперь наступает моя очередь. Пока моя обязанность заботиться об истоках не окончится, я должна молчать. Идите куда хотите, делайте что вам вздумается. Здесь все ваше. Только смотрите, не трогайте неба. Если рука непосвященного коснется неба, случится большая беда.

Она легко прыгнула на мраморный пьедестал, не дотрагиваясь до той красавицы, которая уже стояла там. Потом очень осторожно, чтобы не изменить дуги падавшей струйки или не заставить ее дрогнуть, взяла урну, а та девушка, которая до тех пор держала кувшин, в несколько прыжков очутилась подле детей и ласково поздоровалась с ними.

— Меня зовут Майя, — проговорила она, — сестра моя Фрейя мне все рассказала. Это я тогда щипнула тебя за ногу, мальчик.

Слушая ее, Мевис и Френсис узнали голос, который в то памятное утро сказал им: «Спасите ее; мы умираем в неволе».

— Что вы хотите делать, пока Фрейя будет занята?

— Я думаю ждать, — произнес Бернар. — Видишь ли, нам хотелось бы услышать что-нибудь о нашем возвращении домой.

— А разве вы не сказали, когда именно вас должны позвать обратно? — спросила Майя.

— Нет, — в один голос ответили дети. Красивое лицо второй принцессы стало очень серьезно.

— А кому вы поручили сказать заклинание, чтобы вернуться домой?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь? — в свою очередь спросил ее Бернар. — Какое заклинание?

— То, которое дало мне возможность говорить с вами, там, в мелком месте, — сказала Майя. — Ведь Фрейя, без сомнения, объяснила вам, что только заклинание, которым вы призываете нас, может вам помочь вернуться на землю?

— Нет, — прошептала Мевис.

— Ах, она так молода, так впечатлительна! Но она, конечно, переговорила с кем-нибудь, попросила призвать вас на землю?

— Нет, кроме нас она никого не знает на земле. Она сама мне это сказала, — заметила Кетлин.

— Ну, заклинание где-нибудь написано? — продолжала расспрашивать Майя.

— Под одной картиной, — сказала Кети.

— В таком случае вам, пожалуй, придется оставаться здесь, пока кто-нибудь не прочтает волшебных слов.

— Да ведь городской дом заперт; там нет ни души и некому читать стихов под картиной, — напомнил Бернар.

Наступило молчание.

— Может быть, в ваш дом заберутся вору и прочитают волшебные слова, — желая утешить своих приятелей, предположил Джо. — Во всяком случае, зачем печалиться? Ведь этим горю не поможешь. Я не понимаю, почему вы хотите домой? Здесь премило. Право, я никогда не видал ничего лучшего и хочу осмотреть все, решительно все. Вон та водяная мисс сказала, что мы можем ходить всюду.

— Отлично, — проговорила Майя, с улыбкой

взглянув на серьезное личико Джо. — В тебе живет истинный дух исследователя-путешественника по неведомым странам.

— Но мы, остальные, совсем не исследователи, — с оттенком неудовольствия перебила ее Мевви. — Кроме того, мы не так себялюбивы, как ты думаешь. Если мы не вернемся к чаю, мама ужасно встревожится. Она подумает, что мы утонули.

— Да ведь вы действительно утонули, — весело сказала Майя, — по крайней мере, мне кажется, что вы, жители земли, говорите это слово, когда кто-нибудь из вас является к нам, забыв попросить, чтобы его призвали обратно на землю.

— Это ужасно, ужасно! — прошептала Меввис. — Ах, Кети!

И она прижала к себе маленькую сестренку.

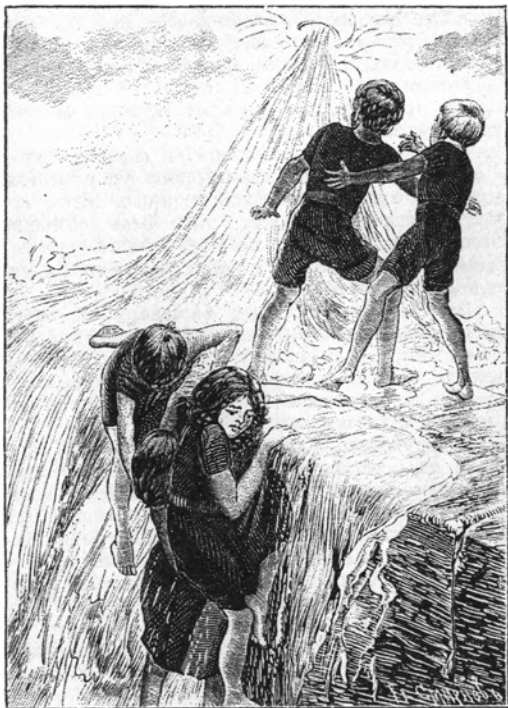
— Но вы не утонете «навсегда», — продолжала Майя, — рано или поздно кто-нибудь непременно произнесет слова заклинания; уверяю вас, это правда, и тогда вы вернетесь домой тотчас же.

Дети почему-то почувствовали, что действительно так именно и случится, и стали спокойнее.

— А мамочка-то? — спросила Мевви.

— Вижу, что вы плохо знаете свойства волшебства, — сострадательно сказала Майя, — в волшебстве прежде всего существует такой закон: время, проведенное кем-либо в силу волшебства в чужом мире, остается незаметным в его доме... Ах, я вижу, вы не понимаете... Слушайте же: у вас дома не прошло ни секунды с той поры, как вы нырнули там, в пещере.

— Да ведь прошли часы! — воскликнул Бернар.

— Знаю; но у вас время совсем не то, что у нас.

— А в чем же разница?

— Я не могу этого объяснить, — продолжала Майя, — но вашего времени нельзя сравнить с нашим, как нельзя сравнить звезду небесную с

морской. Это совсем-совсем две различные вещи. Важно только одно: ваша мать не будет тревожиться. Итак, почему бы вам не повеселиться?

Между тем первая принцесса все время держала урну, которая служила источником всех рек мира.

— А разве она не устанет? — спросил Джо.

— Очень устанет. Но опустить урну нельзя: все реки внезапно пересохнут, а она знает, какие страдания принесет это. Ведь сознание этого будет для нее похуже всякого утомления... Посмотрите-ка в пруд и увидите, что она делает для мира.

Дети наклонились над бассейном, и перед ними явилось нечто, напоминавшее цветной киноматограф; один пейзаж таял и переходил в другой, как те туманные картины, которые занимали и восхищали всех до изобретения подвижной фотографии.

Дети увидели, как краснокожие строили вигвамы на берегах великих рек; как бобры преграждали своими плотинами течение ручьев; как египтяне расставляли на Ниле верши для ловли рыбы, а смуглые индусские девушки пускали на воды Ганга маленькие, отливавшие золотом, кораблики. Они видели огромные, великолепные реки, видели и ручьи, весело блестящие на солнце золотыми струйками.

Видели дети еще пляски обнаженных дикарей в страшных масках подле тропических потоков, затененных невиданными растениями со странными цветами; прачек на Сене и лодочки на зеркальной поверхности пруда в Лондонском парке; молодых людей в фланелевых костюмах, детей и девушек в изящных нарядах на лоне величавой Темзы; видели Ниагару и водопад на Замбези. Зрению детей открылись даже тайные потоки, несущиеся под землей, но поверхность

пруда все время оставалась зеркально-гладкой, а изогнутая дугой струя воды не переставая лилась из урны над их головами и с мелодическим плеском падала в небольшой мраморный канал.

Неизвестно, сколько времени простояли бы дети, опираясь на холодные мраморные перила и следя за сменявшимися картинами, если бы не раздался громкий трубный звук и не забили барабаны.

Все подняли головы.

— Зовут на ученье, — сквозь барабанный бой услышали дети голос Майи. — Вы любите солдат?

— Очень, — ответил Бернар. — Только я не думал, что у вас есть солдаты.

— Мы гордимся нашими войсками, — сказала принцесса. — Я — полковник батальона омаров; моя сестра командует бригадой устричных, но сегодня мы не идем на парад.

Грохот барабанов приближался.

— Вот дорога к военной площадке, — сказала Майя и пошла впереди детей.

Они смотрели на парад через большую арку, и им казалось, что перед ними исполинский аквариум.

Прежде всего показался двадцать третий полк омаров.

Если вы можете себе представить омара ростом с гвардейца, но гораздо толще, — вы поймете, какой блестящий вид имели эти воины. Только не забудьте, что в парадной форме омары не красные; на них бывает нечто вроде лат синеватого металлического цвета, и несут они с собой меткое оружие. Воины двадцать третьего полка были страшны и выступали с гордым и самоуверенным видом.

За ними двигался семнадцатый меч-рыбий

полк; солдаты в нежных серебристых мундирах как бы грозили врагу своими мечами.

Собственные стерляди королевы щеголяли изумительным изяществом; «потешные», в просторечии «морские мальчишки», составляли последний отряд пехоты.

За пехотой показались сидевшие на дельфинах и морских коньках морские люди. Служившие в полку китообразных ехали на великолепных китах. На каждом великане помещалось по эскадрону.

— Они точно огромные трамвайные вагоны, — заметил Френс.

И киты действительно походили на вагоны.

Между прочим, дети увидели, что пехота шла, как и солдаты земли; кавалерия же как бы висела в пространстве, на расстоянии фута от почвы.

Может быть, лучше всего остального была бригада дворцовых осетров. Огромный осетр величаво вел своих серебристых рядовых, а вид сотого полка палтусов, конечно, заставил бы всех врагов морского королевства пожалеть, что они родились.

Это был блестящий парад, и когда он окончился, дети сказали себе, что, любуясь интересным зрелищем, они ни разу не вспомнили о своем желании поскорее вернуться домой.

Но едва последний палтус исчез за деревьями, то есть за громадными морскими растениями, прежняя тоска с невыразимой силой проснулась в детях. Принцесса Майя куда-то исчезла, а «их собственная» морская принцесса все еще исполняла, как они предполагали, свою обязанность: снабжала водой земные реки.

И вдруг им все надоело.

— О, как бы мне хотелось домой, — сказала Кети. — Разве мы не можем вернуться к

воротам и попробовать выбраться на землю?

— Мы могли бы поискать золотые ворота, — осторожно заметил Бернар, — только не знаю, как бы мы попали в наш грот.

— Мы можем плыть, — напомнила ему Мевис.

— Я считаю, что с нашей стороны было бы низко уйти, не простясь с принцессами, — проговорил Френсис, — но поискать, где ворота — можно. В этом нет ничего дурного.

Дети отправились на поиски. Ворота они не нашли, а увидели только серую высокую, толстую каменную стену, над которой не виднелось ничего, кроме голубого неба.

— Что по ту сторону этой ограды? — спросил Бернар.

А кто-то другой (не хочу сказать, кто именно) — шепнул:

— Взберемся на стену и посмотрим.

Подняться на гребень ограды было совсем нетрудно: между неотесанными камнями были пустые пространства, широкие трещины, в которые ноги помещались без малейшего труда; пальцы рук тоже могли цепляться за них.

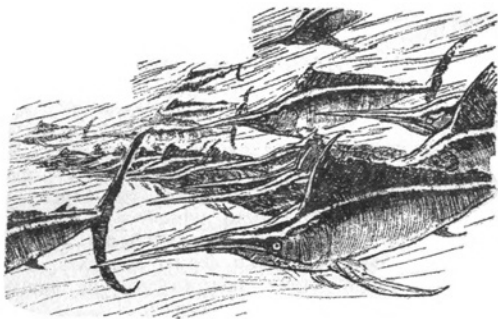
Минуты через две все пятеро очутились на стене, но что было с ее наружной стороны, дети не увидели, потому что ограда имела более восьми футов толщины. Они дошли до противоположного края, посмотрели, но все же не увидели ничего.

— И совсем это не небо! — внезапно вскрикнул Бернар. — Над нами нечто вроде купола, и кажется, оловянного; его просто выкрасили голубой краской, чтобы он походил на небесный свод.

— Не может быть, — усомнилась Мевис.

— Нет, это верно, — подтвердил Бернар.

— Нельзя устроить такого громадного свода!

— Но это купол, говорю тебе.

Тогда кто-то из детей (опять-таки не хочу сказать, кто именно), совершенно забыв о за-
прещении принцессы, дотронулся до голубого купола.

Под неосторожной, любопытной рукой оказа-
лось что-то нежное, тонкое, как мыльный пу-
зырь. И от легкого прикосновения маленьких
пальцев это «что-то» мгновенно лопнуло, и в
страну морского народа хлынуло море.

— Ты — причина несчастья! — крикнул
один из пятерых детей.

И в ту же минуту выяснилось, что все это
время дети жили не в воде; зато теперь через
прорыв в голубом своде бешено лились водя-
ные струи.

Впрочем, только первые струи были страшно
сильны и бурны; меньше чем через мгновение
море залило все королевство; вода стала спо-
койна и кристально-прозрачна.

Дети дышали без затруднения и, переходя с
места на место, чувствовали себя, как, бывало,
на земле в ветреную погоду. Бежать они не

могли, но старались по возможности быстро вернуться к площадке, на которой они оставили Фрейю с урной, питавшей водой реки, речки и ручьи всего мира.

Они отыскиали пьедестал, но там, где еще недавно был прудик, синела часть исполинского моря, то же самое сделалось и с маленьким мраморным каналом.

Фрейи не было; дети пошли ее отыскивать; они тревожились все сильнее и сильнее и чувствовали себя очень несчастными.

— Это твоя вина, — сказал Френсис, — зачем не послушался принцессы. — А Бернар проговорил:

— Ну, молчи, молчи, пожалуйста.

Не скоро дети нашли свою принцессу, наконец, отыскав Фрейю, с трудом узнали ее. Она подплыла к ним. Теперь ее ноги снова скрывались в рыбьем хвосте; она была в шлеме и кирасе из великолепного переливчатого перламутра. На гребне ее шлема красовалась прекрасная жемчужина, величиной с бильярдный шар.

Через ее руку было что-то перекинуто.

— Вот где вы! — сказала она. — Я вас искала... Нам грозит опасность, — вода ворвалась в наше королевство.

— Да, мы это заметили, — сказал Бернар.

Мевис проговорила:

— Это сделали мы. Мы дотронулись до неба.

— Нас накажут? — спросила Кетлин.

— У нас нет наказаний, — серьезным тоном ответила изукрашенная жемчугом морская принцесса, — вы только пострадаете от последствий вашего поступка. Наша главная защита от народа морских глубин — тонкая голубая пелена, которую вы разорвали. Теперь жители бездны ежеминутно могут напасть на нас. Я направляюсь к моему войску. Хотите быть со мной?

— Да, очень, — сказал Джо; остальные поддерживали его, но без одушевления.

Однако следующая фраза принцессы Фрейи ободрила детей.

— Это единственное средство доставить вам безопасность. У меня в штабе — четыре свободных места, и я принесла вам мундиры.

Она развернула пять рыбьих хвостов и четыре такие же кольчуги, какая была на ней, только маленькие и с круглыми жемчужинами, заменявшими пуговицы.

— Скорее наденьте их; это волшебные кольчуги, — сказала она, — сам Нептун подарил их одному из моих предков. Нажав третью пуговицу сверху — вы сделаетесь невидимками; третья пуговица ниже делает видимым желающего не скрываться больше от глаз окружающих. Последняя пуговица делает вас неосязаемыми.

— Неосязаемыми? — спросила Кети.

— Да; никто не почувствует прикосновения того из вас, кто нажмет самую последнюю пуговку.

— Но тут только четыре кольчуги, — заметил Френс.

— Да, — сказала принцесса, — что делать! Пятому придется попытать счастья в рядах потешных. Кто решится поступить в их полк?

Все дети хотели сказать «я», но раньше всех это сделал Джо.

Едва принцесса выговорила последнюю букву, как Джо закричал:

— Я, — и тотчас прибавил: — Пожалуйста.

— Хорошо, — ласково произнесла принцесса. — Гляди, барак морских мальчишек вот за этой скалой. Скорее! Не забудь же хвоста. Он помогает плавать с быстротой и ловкостью рыбы.

Джо схватил хвост и ушел.

— Одевайтесь, — приказала принцесса остальным.

И дети стали натягивать хвосты, надевая их на обе ноги сразу, точно один громадный чулок. Потом они накинули на себя кольчуги.

— А у нас не будет мечей? — спросил Френс, поглядывая на свой скользкий рыбий хвост.

— Мечи? В этой бригаде? Нет, нет, дети, пожалуйста, не забывайте, что вы вступили в ряды собственных устриц принцессы. Вот ваше оружие.

Она указала им на груды громадных устричных раковин, величиной с древние римские щиты.

— Смотрите, — продолжала Фрейя, — вы берете ее вот так. — Она схватила одну из раковин. — Очень сильная пружина развертывается, если вы повертываете ее вот этак.

— А что же мы должны делать с этими раковинами? — спросила Мевис.

— Хватать врагов за ноги, — был ответ, — и держать их. У жителей глубин нет рыбьих хвостов. Прячьтесь подле какой-нибудь скалы и, когда враг явится, хватайте его за ногу, другой конец вашего оружия кладите на камень. Устричная раковина мгновенно пристанет к скале и...

В эту минуту пронесся ужасный рев, визг, вой; принцесса замолчала.

— Что это? Ах, что это? — спросили дети. Принцесса вздрогнула.

И опять раздалась те же дикие звуки.

— Что же это? — повторили дети.

Принцесса выпрямилась, точно стыдясь своей минутной слабости, и ответила:

— Это военный клич жителей глубин океана.

ГЛАВА IX

После страшного воя наступила тишина, то есть в том месте, где находились дети; над собой же они слышали движение, шелест, звон. Армия морского королевства вооружалась, строилась.

— Это клич народа глубин, — повторила принцесса.

— Раз они уже подошли так близко, вероятно, все пропало? — упавшим голосом спросила Кети.

— Нет, — ответила принцесса, — жители глубин очень сильны, зато неповоротливы; они не могут сразу подняться к нам. Им еще придется перебраться через громадную стену ограды.

— Но они переправятся через нее?

— Нет, пока живы королевские палтусы. Палтусы заняли стену и будут отражать натиски врагов. И народ глубин нападет не скоро; он будет высылать вперед своих разведчиков. До приближения врага устричная бригада должна бездействовать. Я знаю: тяжело наблюдать за боем, не имея возможности вступить в дело; прошу вас извинить меня за то, что пришлось доставить вам такое незавидное положение.

— Ничего, нам все равно, — быстро сказала Кети, — но что это?

Над ними появилась какая-то плотная блестящая серебряная завеса, похожая на ковер, вслед за тем на ней появились как бы трещины, увеличились, умножились, и вдруг она распалась на серебряные нити.

— Это бригада меч-рыб, — объяснила принцесса. — Мы можем немножко подняться и, если вам не страшно, посмотреть. Видите ли, первую атаку произведет, вероятно, один из

их акульих полков. Седьмой полк акул страшен. Но наши меч-рыбы несколько не уступят им, — с гордостью прибавила Фрейя.

Меч-рыбы медленно плавали взад и вперед, точно собирая силы для предстоящей борьбы, опасность которой хорошо сознавали.

Вдруг быстро, беззвучно акулы кинулись на благородных воинов, защищавших свою родину — морское королевство.

Меч-рыбы со своим убийственным оружием встретили врагов, и в следующее же мгновение все превратилось в арену дикой, ожесточенной борьбы.

Акулы сражались с грубым, жестоким мужеством, и дети, которые немного отступили, не могли не восхищаться их смелым натиском. Но меч-рыбы оказались еще лучшими воинами. Более ловкие и одинаково отчаянно-отважные, они отбили натиск лютых недругов.

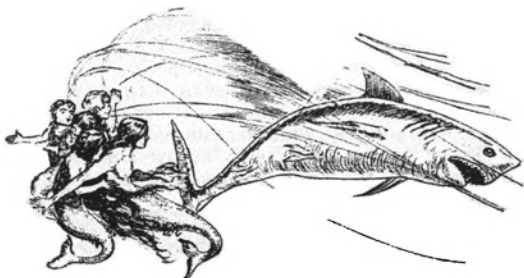
Из глубины поднялись несметные полчища спокойных, медлительных рыб. Это были стаи трески. Не торопясь, рыбы стали переправлять через стену тела убитых акул, а также — увы! — и трупы меч-рыб, потому что, к несчастью, морскому королевству недешево досталась победа.

Когда ряды победоносного меч-рыбьего полка снова сомкнулись и опять образовали как бы серебряный ковер, дети невольно вскрикнули от восторга.

— Преследовать врага не стоит, — заметила принцесса, — акулы до того тяжеловесны, что, конечно, не повторят нападения.

Мимо нее проплывала испуганная акула, и принцесса захватила своей раковиной кончик ее хвоста.

Акула свирепо повернулась, но одним движением своего рыбьего хвоста Фрейя отпрянула

от страшного противника. В то же время морская девушка широко раскинула руки и заставила четверых детей отступить.

Злая акула не могла освободиться от исполинской раковины и пошла ко дну.

— Устрица утащит ее вниз, — сказала принцесса. — А мы возьмем новый щит... Хотелось бы мне знать, в каком месте состоится второй бой?

Все медленно погружались.

— Где-то теперь Джо? — заметил Бернар.

— О, ему не грозит никакой опасности, — успокоила его принцесса. — Потешные не выходят из-за стен; по временам, правда, они выкидывают смелые штуки, но большую часть времени только помогают добрым камбалам ухаживать за ранеными.

Они очутились в наводненном саду и повернули к королевскому дворцу. Когда принцесса и ее спутники уже двигались вдоль одной дорожки, над живой изгородью поднялась раковина, — раковина «морского мальчишки», за ней показался длинный рыбий хвост.

Раковина остановилась; из-под нее выглянуло плутовское лицо Джо.

— Эй, принцесса! — закричал он. — Я везде искал тебя и их. Мы сделали разведку. Я закрылся морской травой, и враги приняли меня за ком водорослей. Таким-то образом мне удалось совсем близко подобраться к их рядам.

— Что за неблагоприятие, — заметила Фрейя, и в ее голосе послышалась суровость.

— Не все считают это неблагоприятием, — обидчиво произнес Джо. — Сначала меня называли нестроевым морским мальчиком за то, что я надел вот этот славный хвост. (Тут Джо подпрыгнул, как веселая рыбка.) Теперь мне пожаловали высокий чин главного морского ежа. Теперь я «строевой» и хотел сказать тебе, принцесса, что приблизительно через полчаса враги нападут на северную башню.

— Славный мальчик, — похвалила его Фрейя. (И мне даже кажется, не будь Джо в форме морского мальчишки, она поцеловала бы его.) Ты герой! Не можешь ли ты сделать еще одну вещь, конечно, не подвергая себя опасности... Не можешь ли узнать — не грозит ли нам опасность со стороны книжного народа?.. Мы всегда побаивались, что они тоже нападут на нас. И если это случится... Ну, я охотнее пойду в зубы акулы, чем в руки какой-нибудь сказочной ведьмы... Вот тут много морской травы; в нее можешь закутаться, когда пойдешь на разведку.

Принцесса сорвала с ближайшего дерева охапку водорослей. Джо тотчас же окутался ими и поплыл прочь; издали мальчик-разведчик походил на ком зеленой морской травы.

Действуя согласно сведениям, которые им принес Джо, защитники морского королевства начали стягиваться к северной стене.

— Теперь и нам пора, — сказала принцесса. — Двинемся по туннелю; время от времени

мы будем делать вылазки и захватывать в плен врагов.

— Майор, соберите ваших людей.

Крупный морской мальчик в мундире устричных затрубил в длинную раковину. Солдатам устричной бригады еще не пришлось сражаться, а потому они помогали всем, кому нужна была их помощь. Теперь они поспешили к своим офицерам.

Когда все «устрицы» стянулись к принцессе, она обратилась к войску с краткой речью:

— Воины! Война возгорелась внезапно, неожиданно, но она не застала нас врасплох. Я горжусь сознанием, что все мои офицеры, все солдаты вполне готовы; что каждая жемчужная пуговица их мундиров на месте. И я знаю, что все вы с такою же гордостью, как и я, скажете себе это. Борьба предстоит тяжелая. Нам об этом известно из предания о прошлых войнах. Мы двинемся в глубины моря, чтобы бороться с врагами дорогой родины и, в случае нужды, положить наши жизни ради защиты дорогого отечества.

Солдаты ответили громкими приветственными криками.

После этого Фрейя, четверо детей и устричное войско двинулись к круглому зданию в саду. Она напоминало те садовые беседки, которые в дни наших бабушек и дедушек носили названия — «храмов дружбы», «храмов Флоры» и т. д. По приказу сержанта четверо солдат схватили золотое кольцо, вделанное в одну из мраморных плит пола, и подняли этот плоский камень. Под ним оказался темный подземный ход.

Красивый капитан раковин-гребенок и шесть рядовых двинулись впереди всех; за ним три офицера устриц, дальше авангардный устричный отряд.

Во главе стояла Фрейя и ее штаб, то есть дети Фредди. По дороге принцесса объяснила своим офицерам, почему им приходится идти по такому длинному и так круто понижающемуся подземному ходу.

— Видите ли вы, — сказала она, — с внутренней стороны наша стена имеет всего десять футов высоты, но ее наружная часть опускается на сорок футов. Она была возведена на горе. Теперь замечу вам, что вы совсем не обязаны выйти за стену и сражаться. Вы отлично можете остаться под прикрытием укреплений и только держать наготове щиты, чтобы мы в любую минуту могли их взять из ваших рук, когда явимся за ними. Туннель так узок, что жители глубин не проникнут в него; однако у них на службе очень хорошо обученные морские змеи, которые умеют вползать в самые узкие отверстия.

— Кети очень не любит змей, — тревожно сказала Мевис.

— Не бойся, — успокоила ее принцесса. — Эти змеи трусливы; они знают, что омары всегда охраняют наш подземный проход. Они ни за что не подойдут близко к туннелю. Однако главные силы неприятеля двинутся именно этим путем. Невдалеке поднимается большая подводная гора, и единственная дорога к нашей северной башне идет по узкому ущелью между этой горой и морским королевством.

Туннель окончился большой, высеченной в скале залой. С одной стороны к ней примыкал оружейный склад, увешанный десятью тысячами блестящих щитов; а с другой была караульная комната, где толпились воинственные омары. Со стороны моря открывался очень узкий и короткий коридорчик; там на часах стояли два омара в своих великолепных темных латах.

С того мгновения, в которое небо (сперва действительно походившее на небо, а потом — на выкрашенное олово) при ближайшем знакомстве оказалось мыльным пузырем, с той секунды, как оно лопнуло и дало воде доступ в морское королевство, военные приготовления совершенно поглотили детей и мир, в котором они жили теперь, стал им казаться действительностью, а их прежнее существование на земле — чем-то вроде сна.

Потому-то, когда принцесса сказала:

— Вам незачем сражаться с врагами, если вы этого не хотите, — все они с изумлением ответили:

— Да ведь мы хотим сражаться!

— Отлично, — произнесла Фрейя. — Я только хотела посмотреть, не испортились ли они.

— Кто? Что? Какие они?

— Ваши кольчуги. Они, понятно, кольчуги смелости.

— Мне кажется, я могу быть храбрым и без кольчуги, — ответил Бернар и принялся расстегивать свои жемчужные пуговицы.

— Ну конечно, — подтвердила принцесса. — Начать с того, что, не будь вы храбры, кольчуги не могли бы действовать на вас. Трусам они не принесли бы никакой пользы. Кольчуги просто подогревают ваше мужество и придают лишний холодок хладнокровию.

— Да, кольчуга придает храбрости, — внешне сказала Кетлин, — мне хочется думать, что я сама по себе смелая, но, кажется, это от кольчуги. Во всяком случае, я рада, что не трушу. Я хочу быть смелой. О, принцесса...

— Ну, что? — серьезно, но очень ласково спросила Фрейя.

Кетлин постояла неподвижно, сжав свои маленькие руки и опустив глаза, потом порывисто

растегнула все жемчужные пуговицы своей маленькой кольчуги и, сняв ее с себя, бросила к ногам принцессы.

— Я обойдусь без нее, — сказала она и перевела дыхание.

Все остальные молча и выжидательно смотрели на девочку.

— Я... — внезапно сказала Кети, — это я тронула небо и впустила воду в вашу страну, — тут она вздохнула с облегчением. — Мне очень, очень грустно, что я это сделала, и я знаю, что ты никогда меня не простишь... Но...

— Скорее, — сказала принцесса, поднимая Кетину кольчугу, — надень ее, надень, тогда ты не расплачешься. — Она быстро накинула кольчугу на Кетлин и обняла ее. — Мужественная, славная деточка, — шепнула морская девушка, — я рада, что ты сказала мне все без кольчуги. — В это время остальные дети из вежливости отошли в сторонку. — Конечно, я *знала*, — прибавила Фрейя, — но ведь ты-то не думала, что я знаю.

— По чему ты узнала? — спросила Кетлин.

— По твоим глазам, — ответила принцесса, — теперь они стали совсем-совсем другие... Ну, пойдемте к дверям и посмотрим — не дают ли нам наши разведчики сигналов.

Два омара отдали принцессе честь, и она, вместе со своим штабом, вышла на песчаную равнину морского дна.

Дети с удивлением заметили, что они могут видеть под водой на далекое расстояние, совершенно как там, на земле. Да и вид-то походил на те пейзажи, к которым они привыкли на суше.

Сперва гладкая песчаная равнина, усеянная кустарниками морских трав, дальше — леса из древовидных растений, кое-где утесы, наконец

высокая, обрывистая горная цепь. От одной горы отходил большой выступ; эта гора была границей морского королевства, она соединялась со скалой, высившейся позади ее. По узкому горному проходу между этими возвышенностями должны были подойти вражеские войска. Комки морских трав висели в воздухе (по крайней мере, казалось, что они висели в воздухе, хотя, само собой разумеется, это была вода, а не воздух). Разведчиков нигде не замечалось.

Вдруг зеленые комки трав собрались вместе, и принцесса прошептала:

— Я так и думала!

В эту минуту комья выстроились в правильные ряды, опустились на почву и на мгновение замерли в неподвижности; один из них очутился впереди остальных.

— Это морские мальчики-разведчики, — сказала Фрейя. — Ваш Джо дает им приказания.

Действительно, в следующую же секунду зеленые шары рассеялись, рассыпались в разные стороны. Бывший же во главе их комок поплыл к тому месту, где стояли дети и принцесса. Зеленый ком очутился перед ними, травы раздвинулись, и среди листьев и стеблей оказался Джо.

— Мы еще кое-что узнали, ваше высочество, — сказал он принцессе. — В авангарде — конница, всадники на морских коньках, не на обыкновенных маленьких, а на тех, которые водятся у них в глубинах.

— Нападать на кавалерию не стоит, — заметила Фрейя, — она тверда, как скала. Кто ведет всадников?

— Тот, кого зовут «Прости надежда», молодой и смелый.

— У них есть кольчуги?

— Нет, их защищает только природная чешуя, впрочем, надо сказать, она достаточно

груба и прочна. Скажи, принцесса, — теперь Джо говорил ей «ты», так как в эту минуту смотрел на нее как на друга и не считал начальством. — Мы, морские мальчишки, можем поступать, как нам угодно?

— Да, — ответила Фрейя, — но, конечно, только в тех случаях, когда вам не дают каких-нибудь особых приказаний.

— Так вот, — сказал Джо, — мне кажется, омары могли бы пощипать морских коней. Что, если бы они вцепились в их хвосты? Ведь сделать вреда омарам кони не могут, так как не в состоянии дотянуться до собственных хвостов.

— Да; но что будет, когда омары отпустят их? — спросила принцесса.

— Омары не отпустят их, пока не оттеснят врага, — заметил капитан омаров. — Позвольте, ваше высочество, спросить: думаете ли вы воспользоваться советом этого морского ежика?

— А разве совет нехорош? — спросила Фрейя.

— Хорош, ваше высочество, — ответил капитан омаров, — но довольно-таки дерзок.

— Я не считаю слов ежа дерзкими, — кратко проговорила принцесса. — Помни: это благородные добровольцы; только собственное желание заставляет их сражаться за нас.

Омар отдал ей честь и ничего не сказал.

— Я не могу послать туда омаров, — сказала предводительница устричной бригады, — они охраняют вход. Вот крабы...

— О, ваше высочество, пошлите нас! — попросил капитан омаров.

— Крабы не в силах защитить вход, — ласково возразила она. — Вам ведь известно, что эти наши воины слишком широки. Френсис, хочешь быть моим адъютантом и отправиться к королеве с моим поручением?

— А мне можно с ним? — спросила Мевис.

— Да... Нам нужны двойные силы. Если крабы нападут на морских коней, кто будет действовать против всадников?

— У меня и на этот случай есть план, — сказал Джо. — Нельзя ли выслать какой-нибудь очень тяжелый полк, способный внести смятение в неприятельские ряды, а для окончательного поражения вражеской конницы — отряд воинов с острым оружием. Вот, например, меч-рыбий полк?

— Ты прирожденный генерал, — сказала Фрейя, — но плохо знаешь наши силы. Смять вражескую конницу, как ты выражаешься, могут нарвалы; их длинные винтообразные зубы — тяжелы и остры. А теперь...

Она подняла с песка мягкий кусок мелового камня, а проворный омар подал ей заостренную косточку. Сильно надавливая косточкой на меловую пластинку, принцесса быстро писала.

— Отнесите это королеве, — сказала Фрейя Френсису и Мевви. — Она в главной квартире... Расскажите ей все. Я прошу ее дать мне два полка. Объясните сами остальное... Полагаю, вас пропустят. Во всяком случае, наш па-роль «Слава», а лозунг — «Или смерть». Ну, живет, живет в дорогу!

Мевви и Френсис никогда в жизни не чувствовали такого волнения, как в эту минуту, и сознание, что они исполняют важное поручение, заставило их спешить что было сил.

— Только где же дворец? — вдруг сказала Мевис и остановилась.

Дети переглянулись.

— Хотите, я покажу? — раздался позади их тонкий голосок.

Они обернулись и увидели изящную рыбку макрель.

— Я знала, что понадобится вам, — сказала она, — я проводница... Пожалуйста сюда, мисс и сэр.

И она поплыла через сад, скользя между деревьями, камнями и зелеными изгородями из подстриженных водорослей.

Наконец они подплыли ко дворцу. Его окружали солдаты, выстроенные правильными рядами. Все воины нетерпеливо ждали сигнала для начала битвы с врагами своей родины.

— «Слава», — сказала макрель, проводя детей через линии аванпостов.

— Или смерть! — ответил часовой-палтус.

Королева была во дворе, как раз там, где население королевства впервые приветствовало детей. Это случилось так недавно, а между тем с тех пор произошло столько невероятных перемен!

Когда, благодаря паролю, детей пропустили через ряды войска, королева в шлеме и красивой коралловой броне приветливо встретила их.

Она прочитала письмо Фрейи и, несмотря на все свои заботы и тревоги, ласково поблагодарила гонцов дочери.

— Посмотрите, как двинутся нарвалы, — прибавила она, — затем вернитесь на свои места и скажите вашему командиру, что книжный народ не подает признаков жизни; золотые ворота хорошо защищены собственными тресками короля, и...

— А я и не знал, что здесь есть король, — заметил Френсис.

На лице королевы появилось суровое выражение, а макрель дернула Френса за рукав и шепнула:

— Т-с!

— Короля больше нет, — спокойно ответила королева, — он пропал в море.

Величавые, важные нарвалы прошли к назначенному месту. Дети поклонились королеве и двинулись в обратный путь.

— Мне жаль, что я спросил про короля, — обратился Френсис к макрели, — но я не знал... И потом — разве морской король мог заблудиться и пропасть в море?

— А разве ваши короли или простые люди никогда не попадали в глухие места, не пропадали без вести? Что скажете вы о путешественниках, исследователях новых земель? — возразила проводница.

— Да, вы правы, — заметила Мевви. — И никто не знает, что случилось с ним?

— Никто, — ответила макрель. — Он исчез уже давно, и мы боимся, что он погиб. Если бы наш король остался жив, — он вернулся бы. Мы думаем, что его захватили жители глубин. Они умеют колдовством заставлять своих пленников забывать, кто они. Понятно, против их волшебства имеется и противоядие. В каждом мундире, как раз против сердца, устраивается карманчик, и в карманчике помещается противоядие.

Тут макрель одним из своих передних плавников вынула из карманчика, между чешуями, нечто вроде икры.

— И у вас, конечно, есть это, — прибавила она. — Если вы попадете в плен — сразу глотайте лекарство.

— Но если пленник забывает, кто он сам, он, конечно, забывает и о противоядии, — заметил Френс.

— Нет ни одного волшебства, достаточно сильного для того, чтобы оно могло заставить забыть о чарах, действующих против него, — объяснила вежливо макрель.

Они подошли к дверям, охранявшимся ома-рами.

Навстречу им выбежала Фрейя.

— Как долго вы не возвращались! — сказала она. — Все ли хорошо? Заняли ли нарвалы назначенную им позицию?

Узнав, что это исполнено, принцесса повела детей по крутой и длинной дороге. Вскоре они увидели в стене окно, из которого открывался вид на глубокое ущелье. Отсюда дети могли видеть наступление неприятеля.

Нарвалы расположились в высокой части ущелья, там, где оно образовало нечто вроде амфитеатра.

— Без тебя, Джо, — сказала принцесса, когда пятеро детей и она сама облокотились на широкий каменный подоконник, — неприятели могли бы взять штурмом северную башню, — ведь все наши главные силы стянуты к южной части стены. В исторических книгах говорится, что в последнюю войну они нас атаковали именно там.

Послышался грохот. Он становился все сильнее, все ужаснее. Это подходили вражеские полки. Вдали на морской равнине что-то двигалось.

Поднимаясь по ущелью, плыл ком морской травы.

— Морской мальчик спешит поднять тревогу, — сказала принцесса. — Как хорошо служат эти маленькие разведчики. Во время последней войны их еще не было. Мой дорогой отец придумал это... — Она замолчала, вздохнула и прибавила: — Смотрите!

Подвигалась тяжелая кавалерия народа глублин. Громадные морские кони двадцати футов длины и великаны-всадники, вероятно, ростом в восемь или десять футов, приближались очень быстро. Дети никогда не видели ничего ужаснее этих кавалеристов. С головы до ног их покрыв-

вала частая чешуя; у них были громадные головы, огромные рты, расплюснутые широкие носы и большие, но точно слепые, глаза.

Каждый из страшных воинов сидел на морском коне, покрытом броней, и размахивал громадным гарпуном.

Морские кони понеслись быстрее прежнего. Послышалось что-то вроде хриплого звука трубы.

— Это сигнал для начала нападения, — сказала принцесса.

И еще не замолк ее голос, как всадники бешено понеслись по ущелью.

— Ах, никто не выдержит их нападения, — с отчаянием сказала Кети. — Бедные нарвалы! Они не удержат их. Нет, нет...

Из окна можно было видеть засаду нарвалов.

Кавалерия мчалась пока без помехи. Когда же она приблизилась к амфитеатру — клубы морских водорослей подплыли к лицам всадников. Воины старались отбросить липкие травы, а в это время нарвалы показали из засады, ударили на врагов и сбили их на песок. Крабы выползли из-под камней и с невероятной быстротой захватили клешнями хвосты коней.

Всадники не могли двинуться. Морские кони бесновались от страха и боли, когда клубы морской травы (понятно, в каждом было по морскому ежу или мальчику) нападали на них спереди. Всадники поднялись и бились до последней минуты. Но рог нарвала сильнее гарпуна.

— Идем! — сказала принцесса.

Морские кони уступили исполинским крабам и обратились в беспорядочное бегство; их преследовали нарвалы и морские мальчишки.

Принцесса и дети вернулись к омарам.

- Они бежали! — сказала Фрейя.
Омары разразились криками:
— Хип-хип! ур-ра!!
— Ну что, принцесса? — слышался вопрос из середины большого зеленого комка.
Ком этот развернулся, и из него выглянуло лицо Джо.
— Что? — повторила принцесса. — Победа! И благодаря тебе, Джо! Но ты ранен?
— Пустяки, царапина! — отозвался Джо. — Гарпун не попал в меня.
— О, Джо, ты герой! — сказала Кети.
— Молчи, глупышка, — весело крикнул он.

ГЛАВА X

И в военное время необходим отдых; всем воинам нужно питанием поддерживать свои силы.

Устричная бригада воспользовалась временным затишьем после победы над морской конницей и двинулась к дворцу. Следовало подумывать о подкреплении сил.

Обед был очень прост; он совсем не напоминал пира в честь избавителей принцессы.

Нигде не виднелось ни нарядных столов, украшенных букетами из морских трав, ни тарелок, ни ножей, ни вилок. Пищу передавали руками; пили из рога морской коровы. (Один рог приходился на шесть солдат.) Все сидели на земле, как во время пикников. Королева ходила между воинами и говорила им ласковые слова. Как уже сказано, пища была простая, но сытная. Несколько корзин с едой отправили омарам.

— Наши воины, — заметила принцесса

Майя, — должны быть на местах. Необходимо приготовить заранее обед. Я пойду с провизией и подбодрю солдат.

— Хорошо, дорогая, — ответила принцесса Фрейя, — только будь благоразумна. Не делай вылазок. Твои омары очень храбры, но помнишь? Мама просила нас быть как можно осторожнее.

— Знаю, — проговорила Майя. — Ах, война ужасная вещь! Во что превратятся реки? Вода бушует, ветры не в клетках и делают все, что им вздумается. Долго, долго придется приводить все это в порядок.

— Знаю, милочка, — согласилась с ней Фрейя, — но мне известно, кто виновник войны... Он очень, очень печалится. Итак, не будем огорчать его еще больше.

— Я не хочу этого, — заметила Майя; она ласково улыбнулась детям и пошла ободрить своих омаров.

— Что же мы будем теперь делать? — спросил Френс после обеда.

— Ждать известий, — ответила ему принцесса. — Наши маленькие разведчики скоро узнают, что делается за стенами. Только бы книжный народ не напал на нас теперь же. Это самое страшное.

— А как могли бы они попасть в королевство? — спросила Мевис.

— Через золотые ворота, — объяснила принцесса. — Понятно, они не могли бы ничего сделать, если бы мы не читали тех книг, в которых о них идет речь. Это самое ужасное! Подумайте: даже наши рыбы читали очень много... Вот только голубчики дельфины не умеют читать. Потому-то именно дельфины и охраняют золотые ворота.

— Если мало читавшие полезны, мы можем

пригодиться, — сказала Мевис. — Мы мало читали. Не можем ли мы помочь дельфинам защищать ворота?

— Конечно, — весело ответила Фрейя. — У вас отличное оружие против книжных людей: незнание. Если вы искренно скажете им: мы о вас никогда ничего не слышали, у вас окажется оружие, которое поразит их в самое чувствительное место — тщеславие.

Маленькое общество прошло к золотым воротам; там дети увидели множество дельфинов.

Из-за ворот доносился свирепый, злобный крик, дельфины же в один голос отвечали на угрозы книжных людей:

— Мы не слышали о вас... Вы не можете пройти через эти двери... Мы не знаем вас! Совсем, совсем не знаем!

— Мы не принесем здесь ни малейшей пользы, — прозвучал голос Бернара среди хора громких дельфиньих голосов. — Они всех прогонят.

— Да, — сказала Фрейя, — но если злые книжные люди посмотрят в щелку и увидят, что с ними говорят одни дельфины, — их раненое тщеславие мигом исцелится; они станут сильнее и настойчивее, чем когда бы то ни было. А вот если они увидят таких обитателей земли, которые никогда о них не слышали, это поразит их насмерть. Пока вы будете искренно говорить им, что не знаете никого из них, — они не войдут к нам.

— Ах, Джо мог бы очень пригодиться в данном случае, — заметил Френсис. — Я думаю, он ничего не читал.

— Ну ведь и мы не много читали, особенно о людях дурных, — спокойно проговорила Кети.

— К сожалению, я читала, — со вздохом шепнула Фрейя, прислушиваясь к крикам, раз-

дававшимся за воротами, — к сожалению, я знаю их всех.

И она прибавила, что узнает голоса некоторых злых созданий из сочинений Диккенса, Вальтер Скотта, Шекспира, Байрона и других знаменитых английских писателей.

— Боюсь, что мы тоже знаем некоторых из них, — сказала Мевис.

— Ну так смотрите, не говорите знакомым вам, что вы их знаете... Только я все-таки думаю, что в числе наших книжных врагов найдут-

ся совершенно неизвестные вам: Джон Нокс, Макиавелли, Дон Диего... Да мало ли! Теперь я должна уйти. Если что-нибудь случится, обхватите руками ближайшего дельфина и полагайтесь на ваше счастье. Люди из книг не в силах убивать; они только ошеломляют врагов.

— А почему же ты, принцесса, знаешь их всех? — спросила Мевис. — Разве они часто нападают на ваше королевство?

— Нет, только в тех случаях, когда падает наше небо. Но в полнолуние они постоянно кричат подле ворот.

Фрейя повернулась и затерялась в толпе верных дельфинов.

А за воротами шум увеличивался. Слышались более отчетливые слова. Книжные герои, один за другим, выкрикивали свои имена.

Это были все злые женщины, мужчины, дети, драконы, чудовища.

— Я Мондидье!

— Я безобразный Калибан из «Бури» Шекспира!

— Я дракон английских преданий!

— Я великан из сказки «Мальчик с пальчик»!

Потом снова хор кричал, вопил, выл:

— Впустите нас! Впустите меня! Отворите двери!

Детям приходилось слушать, напрягая все свое внимание. Ведь они должны были отвечать: «Мы тебя не знаем», когда раздавалось незнакомое им; слыша же знакомое, — упорно молчать.

Напряжение стало почти невыносимо.

— Что же случится, если они ворвутся? — спросила Кети ближайшего к ней дельфина.

— Не знаю, мисс, — ответил он.

— Но что вы будете тогда делать?

— Да ничего, мисс, — был ответ. — Видишь ли, мисс, они не могут убивать, они могут только ошеломлять своих врагов, но мы, дельфины, в полной безопасности. Понимаешь? — мы же глупые, и потому они не могут нас ошеломить, то есть навести на нас что-то вроде столбняка, глупее, чем теперь, мы сделаться не можем.

— Вот потому-то нам и доверяют охрану золотых дверей, — с гордостью прибавил добродушный зверь.

Голоса книжных людей смешивались в один хор, переплетались между собой, сливались. Детям становилось все труднее и труднее различать их, вовремя отвечать: «Я тебя не знаю» и таким образом ранить тщеславие наступающих врагов.

Наконец давно надвигавшееся бедствие разлилось...

И опять по вине Кети, но на этот раз она просто ошиблась...

— Опять, Кети, — сказал Френс.

— Молчи, — остановил его Бернар.

Две последние фразы прозвучали среди полной тишины, нарушавшейся только пыхтением дельфинов.

Голоса за дверями из золота замолкли. Дельфины столпились к воротам.

— Помните про дельфинов, — сказал Френсис. — Не забудьте, нужно держаться за них.

Четверо добродушных, хотя и глупых морских животных отошли от толпы охранителей дверей. И каждый прижался к одному из детей.

Все глаза, не отрываясь, смотрели на закрытые толстые створки. И вот ворота начали медленно-медленно открываться.

Распахнулись; за ними стояла толпа людей. Виднелись жестокие лица, глупые, хитрые, рассерженные, злобные. Не было ни одного человека, которого кто-либо захотел бы снова увидеть.

Медленно, наводя ужас, безмолвно двигались сплоченные ряды книжных злодеев.

Теперь дети почему-то сразу узнали имена всех этих страшных людей и от ужаса не могли пошевелиться, наблюдая за их постепенным приближением. Только в ту минуту, когда дракон преданий завыл от злобной радости, они вспомнили об опасности и схватились за шеи дельфинов.

Увы, они опоздали!

Злобная миссис посмотрела на них ледяным взглядом, страшный мистер погрозил им пальцем. Испуганные, ошеломленные дети потеряли сознание и вместе со своими четырьмя верными дельфинами погрузились в сон тупости, в сон без сновидений. Дети оглупели. Напрасно дельфины теснили пришельцев, их героизм не при-

нес пользы, и армия победителей вошла в пределы морского королевства.

Первый очнулся Френсис. Дельфин, к которому приник мальчик, обвевал его своими ластами и умолял прийти в себя, посмотреть на него, сказать хоть слово.

— Хорошо, дружище, — сказал Френс. — Я, кажется, заснул. Где мы?

Все они были тут же, и верные дельфины скоро привели их в чувство.

Четверо детей стояли вместе и смотрели друг на друга.

— Жаль, что здесь нет Джо, — проговорила Кети, — он придумал бы что-нибудь.

— Он знает не больше моего, — запальчиво крикнул Френс.

— Необходимо что-нибудь сделать, — решила Мевис, — ведь опять виноваты в несчастье — мы.

— Виновата я, — поправила ее Кети, — но я не могла не ошибиться.

— Не ты, так ошибся бы кто-нибудь другой, то есть, конечно, кто-нибудь из нас четверых, — попробовал утешить ее Бернар.

— Но скажите, почему эти дурные люди могли выйти из книг?

— Я знаю это, — сказал дельфин Бернара, быстро поворачивая к нему свою темную голову. — Ведь даже самые глупые существа все-таки знают что-нибудь. Жители глубин открывают книги, вернее, посылают книжных червей и велят им открыть тот или другой том. Понятно, они развертывают только те страницы, в которых заключены враги королевства.

— Значит, — начал быстро Бернар, поглядывая на сломанный замок, который сделался вполне бесполезен.

— Да, — сказала Мевис, — мы могли бы...

Правда? Я хочу сказать, что мы могли бы раскрыть другие книги. Ведь да?

Она посмотрела на своего дельфина.

— Да, — сказал он, — может быть, это вам удалось бы. Кажется, дети людей могут открывать книги. А вот дельфины этого делать не в состоянии. Жители морского королевства не могут открывать книг в пещере ученья; им для чтения нужно отправляться в публичные морские библиотеки. К сожалению, я знаю это, — прибавил дельфин.

Ему, очевидно, было очень стыдно, что он не вполне глуп и туп.

— Идемте, — предложил Френсис, — мы наберем армию, которая победит вторгшихся в королевство книжных людей. Попытаемся сделать что-нибудь, что не навлечет беды на королевство.

— Молчи, — остановил его Бернар и, слегка подтолкнув Кети, шепнул ей, чтобы она не огорчалась.

Они подошли к золотым воротам.

— Вероятно, все дурные люди уже выскочили из книг? — спросила Мевис своего дельфина, который не отставал от нее, точно верная собака.

— Не знаю, — с оттенком гордости ответил он. — Ведь я глуп, ведь я туп. Но я не могу не знать, что люди выходят из книг, только когда их зовут; иначе они не могут освободиться. Нужно ударить по корешку книги, сказать имя, потом открыть книгу; тогда из нее выскочит тот, кого вы звали. Так делают книгоеды. И вам так же следует поступить.

Вода в потоке, струившемся вдоль пещеры ученья, была совсем не такая, как в морском королевстве. Дети уже не могли ходить в ее глубине: им пришлось плавать. В пещере было

темновато, однако от золотых дверей исходило достаточно света, чтобы дети могли разбирать заглавия книг. Понятно, предварительно им пришлось отодвинуть морские водоросли, покрывавшие многие из томов. Одной рукой они держались за скалы, сделанные из книг, другой отодвигали и обрывали морские растения.

Вы понимаете, в какие книги стучались дети? В сочинения Кингслея, Шекспира, Марриетта, мисс Олькот, миссис Бернет, мисс Мид, Майн Рида, Купера, и каждый раз называли имя хорошего действующего лица.

Роб Рой, Айвенго, Цезарь, Кориолан и многие-многие еще вышли из толстых томов. Вышли и столпились около детей, которые горели желанием поскорей поправить беду, постигшую морское королевство по их вине.

— Довольно! — сказал наконец Френс. — Нужно приберечь еще нескольких про запас. Ведь, может быть, позже нам снова понадобится помощь героев.

Величавый отряд поплыл к золотым воротам (ведь двигаться можно было только вплавь) и остановился, ожидая детей. Дети очень волновались, думая, что им придется говорить речи полку героев, но оказалось, что этого совсем не было нужно, у верных дельфинов нашлось достаточно смысла объяснить героям, в чем дело.

С гордостью двинулись дети ко дворцу во главе отряда благородных воинов, которых они призывали на защиту морского королевства. Между живыми изгородями из подстриженных морских растений шли они; дорожки, вымощенные жемчугом и перламутром, блестели. Наконец показался дворец.

Дети сказали пароль:

— «Слава».

— «Или смерть», — ответил часовой, и дети со своим отрядом пришли к королеве.

— Мы привели подкрепление, — сказал Френсис, узнавший это слово от одного из книжных людей.

Королева окинула взглядом новых воинов и сказала только:

— Мы спасены!

Злобные действующие лица книг не атаковали дворец; они бродили вокруг него, ошеломляя встречных одиноких рыб и разрушая все прекрасное, что им попадалось под руки. Ведь эти люди ненавидели счастье и красоту. Вот они собрались в дворцовом саду, близ того бассейна, в котором принцессы, бывало, держали урну — источник всех рек. Злые люди из книг совещались и говорили одну речь за другой. Ропот их глухих голосов доносился до дворца. Они любили слушать самих себя.

Новопришедшие выстроились перед королевой и ждали ее приказаний. Собрание книжных добрых героев походило на парад из замаскированных. Тут были: Жанна д'Арк в своих доспехах, и люди в беретах с перьями и в кружевных манжетах, и люди в колетах, и джентльмены Англии, жантильомы Франции, бояре России. У всех лица светились мужеством и отвагой.

— Разве вы не хотите действовать, как сами найдете нужным? — спросила королева предводителя этих воинов, бледного человека с умным лицом и в одеянии римлянина. — Ведь я не собираюсь, — прибавила она скромно, но с большим достоинством, — учить Цезаря военному искусству.

— О, королева, — ответил он, — мы прогоним ваших врагов, потом сами уйдем в те двери, через которые вышли на зов ваших юных защитников. Мы прогоним мужчин без труда.

Но Цезарь не воюет с женщинами, а у нас всего три женщины; хотя, я знаю, у Жанны д'Арк — сердце львицы.

— А не позвать ли амазонок? — предложила Кетлин.

— Отлично, — ласково улыбнулся ей Юлий Цезарь. — Не сбегаете ли, дети, за ними? Они в третьей книге от угла, там, где лиловая морская звезда. Вы сразу заметите ее.

Дети поспешили в пещеру и скоро отыскивали лиловую звезду с фиолетовыми лучами. Они постучали по книге, и Кети сказала:

— Пожалуйста, царица амазонок, выйди да приведи с собой твоих воительниц.

Из книги появилась красивая женщина в сияющих золотых латах и шлеме; за ней выбежали и другие амазонки в воинских уборах. В руках они держали луки, копья и стрелы.

Их собралось столько, что казалось, им конца не будет, и Мевви сказала:

— О, царица, останови амазонок... Я знаю, что их еще множество; но мы, пожалуй, опоздаем, если будем ждать всех.

И царица амазонок остановила шествие, затем все направились ко дворцу.

Царица амазонок приветствовала Жанну д'Арк, точно старую знакомую.

Бой произошел в саду перед дворцом, но дети не видали всего, так как им не позволили принять участия в сражении. Издали они слышали звон и лязг стали, жужжание стрел и воинский клич. Вдруг целый поток обращенных в бегство наполнил вымощенные жемчугом дорожки; герои преследовали врагов королевства и яростно поднимали свои мечи.

В толпе же оставшихся замолкли воинственные крики, вместо того слышались взрывы веселого смеха, и сама королева морской стра-

ны двинулась к арене битвы; подойдя поближе, она тоже рассмеялась. Дело в том, что амазонки пускали свои стрелы только во врагов-мужчин, и ни одна из недобрых книжных женщин не была ранена. Однако, когда злой книжный народ отступил, добрые книжные героини сделали натиск на оставшихся позади вражеских женщин. Не пуская в ход ни ножей, ни копий, каждая из них просто хватала в охапку одну из неприятельниц и уносила. Так все вражеские женщины были перенесены в те книги, в которых им надлежало быть.

Понятно, Жанна д'Арк принимала участие в этой странной борьбе.

Победители и победительницы тоже вошли с торжествующими песнопениями и радостным смехом в те сочинения, из которых были вызваны. Они поднимали обложки, точно раскрывавая двери, и исчезали за ними.

Когда ушла последняя амазонка, дети вернулись ко дворцу.

Во дворце их встретила прелестная принцесса Фрейя, пожала им руки, назвала избавителями и защитниками морского королевства и горячо поблагодарила за услуги, оказанные ее родине. Все это было очень приятно. Фрейя также сказала, что близ южной части города, там, где были грядки морских раковин, произошла стычка с жителями глубин, и неприятель отступил.

— Но Джо, этот драгоценный лазутчик, — прибавила принцесса, — говорит, что главное нападение они произведут в полночь. Ляжем спать теперь, чтобы явиться сюда, когда раздастся призывной клич. Вы, конечно, помните, в чем заключаются ваши обязанности? Ложитесь, не снимая кольчуг и вооружения... Бедняжки, вы, верно, устали!

Дети легли на груды морских трав, мгновенно заснули и не просыпались, пока устричный кап-рал не разбудил их, шепнув лишь одно слово:

— Пора!

Они мгновенно очнулись от сна, вскочили и подняли свои щиты-раковины, лежавшие подле них на траве.

— Я чувствую себя римским воином, — сказала Кети, — а вы?

Братья и Мевви ответили:

— Мы тоже.

Омары принесли факелы, и темная караульная комната осветилась. Надо заметить, что этими факелами или фонарями служили светящиеся рыбы, которые разливали слабый свет, похожий на лунный.

За сводчатым выходом, находившимся под охраной устриц, омаров и лангуст, виднелась освещенная вода; там большие, вернее, длинные рыбы обвивали деревянные столбы и разливали свет. Все кругом было светло, как в ясную лунную ночь на лугу, оттененном деревьями.

Происходила суматоха. Все спешили. Осетры выслали отряд, поручив ему беспокоить неприятеля, а «морские мальчишки», под предводительством Джо, гуще закутались в водоросли и превратились в комки зелени.

Тем временем дети учились действовать своим оружием — раковинами устриц. Ими они ловили проплывавшие мимо обломки стеблей морских растений, толщиной в человеческую руку, ведь предстояло защемлять этим оружием ноги врагов. Скоро они научились действовать раковинами. Френс только что поймал особенно толстый стебель и, тронув скрытую в раковине пружину, снова освободил его, когда раздалась команда:

— Все по местам!

Дети горделиво стали подле Фрейи. Почти в ту же секунду послышался слабый, но все возрастающий звук. Он усиливался и скоро загрозил так, что казалось, будто почва заколебалась под ногами.

— Идет главная армия жителей глубин, — прошептала Фрейя. — Готовьтесь! Мы спрячемся между этими скалами. Держите ваше оружие наготове! Ловите врагов раковинами за ноги. Остальное dokonчат сами раковины.

— Хорошо, милая принцесса, — сказала Мевис, — разве ты не видела, как мы сейчас упражнялись?

Но принцесса не ответила, занятая тем, чтобы спрятать получше своих солдат между камнями.

Вот, наконец, дети увидели подвигавшееся к ним население глубин. Это были страшные создания, рослые, гораздо больше людей. Солдаты этой армии казались несравненно сильнее и крупнее участников первого отряда, удачно отбитого соединенными силами нарвалов, крабов и «морских мальчиков». Враги приближались, и скрывавшиеся между камнями дети с любопытством рассматривали их. У всех жителей глубин были энергичные, но, странное дело, скорбные, печальные лица. Казалось (по крайней мере, Френсис находил это), будто все могучие обитатели глубин гордо и мужественно страдали под бременем какой-то почти нестерпимой печали.

«Но ведь я их противник», — мысленно сказал он себе, стараясь подавить поднимавшееся в его сердце сочувствие к ним.

Первые колонны неприятельских войск поравнялись с принцессой. Фрейя первая бросилась вперед и сжала раковиной ногу одного воина.

Ее примеру последовали дети. Упражнения принесли им пользу: они не делали ошибок. Каждая раковина захватывала врага за щико-

лотку и в то же время прикреплялась другой своей стороной к камню. Сердца детей бились от восторга. Как легко было справляться с этими глупыми жителями глубин; почему же население морского королевства до такой степени боялось их?

Около пятидесяти — шестидесяти неприятелей уже лежало со связанными ногами.

Увлеченные своим успехом, дети не двигались с мест; они совсем забыли, что по правилам им следовало спешить в оружейную за новыми раковинами.

Это была роковая ошибка. Что-то тонкое, похожее на бечевку, обвилося вокруг них; сначала коснулось концов их пальцев, потом поползло мимо ушей, прижалось к их носикам. Дверь, охраняемая омарами, стала отодвигаться от них все дальше и дальше...

Дети повернулись против воли: они двигались вслед за спешившим куда-то огромным врагом-пехотинцем.

— Ах, зачем мы забыли о приказании принцессы, — задыхаясь, прошептала Кети. — С нами что-то случилось.

— Ну, конечно, случилось, — произнес Бернар, — нас поймали сетью.

Он был прав; громадный пехотинец армии глубин без малейшего труда и очень быстро тащил свою добычу. Для него дети были не тяжелее игрушечных воздушных шаров.

ГЛАВА XI

Легко представить себе, как расстроились дети, когда поняли все: они сердились, но ничего не могли поделать. Сеть, сплетенная из скрученных и перевитых между собой волокон мор-

ских трав, была необыкновенно прочна; все усилия прорвать ее оставались бесплодны, а разрезать ее было нечем, — дети не захватили с собой даже раковин устриц, острые края которых могли бы послужить для них орудием и освободить их. Положение детей было ужасно; по выражению Кети, «все они перепутались».

И до чего было им неудобно!

— Погодите, — предложила Мевис, — нужно поодиночке выбираться из общей груды. Френс, начни первый. Ползи вправо и постарайся сесть на свободное место в сети, то есть там, где никого из нас нет. Потом ты, Кети, постарайся освободиться.

Так и сделали, наконец все четверо сели рядом на «пол» сети, если можно так выразиться. Им было бы совсем удобно, если бы края сети не сжимали их и не заставляли качаться.

Теперь дети стали осматриваться: окружавший их мир совсем переменялся. Стало темнее, но какие-то длинные, светлые предметы, точно трамваи или омнибусы, скользили мимо них; другие огоньки, поменьше, усеивали светлыми точками темное пространство, и там, где они скоплялись особенно густо, — тьма исчезала в сиянии серебристого света. Были еще какие-то длинные линии светящихся пятен; они напоминали ряды круглых окошечков-люков в больших пассажирских пароходах. Один из этих больших предметов приближался к сети с детьми, и в уме Кети промелькнула странная мысль.

«Может быть, — подумала она, — утонувшие большие суда продолжают под водой жить и двигаться, вот как мы?»

Однако, когда предмет этот совсем близко подплыл к сети, он оказался громадной рыбой, оба бока которой были усажены рядами светящихся пятнышек.

Проплывая мимо сети, чудовищная рыба разинула пасть, и дети невольно зажмурились, думая, что настал их конец. Но, когда они снова открыли глаза, страшилище уже исчезло.

Кети плакала.

— Зачем мы пошли в морское королевство, — жалобно сказала она, и остальные мысленно согласились с нею. Тем не менее Френс, Мевви и Бернар старались утешить маленькую сестренку и самих себя, говоря, что все кончится хорошо.

— Что мы сделаем прежде всего? — в двадцатый раз спросила Кети. (А неутомимый воин-исполин продолжал тянуть сеть с прежней скоростью.)

— Нажмем наши жемчужные пуговицы, — предложил Френсис. — Тогда мы станем невидимы, «неощутимы» и, может быть, убежим. — И мальчик дотронулся до жемчужины.

— Нет, нет, — остановил его Бернар. — Разве ты не понимаешь, что, сделав это, мы ни за что не выберемся из сети? Они подумают, будто в ней ничего нет, и повесят ее на крючок или спрячут в ящик.

— И забудут о ней на много-много лет, — прибавила Кети.

Когда, наконец, громадный пехотинец протаскивал сеть через несколько улиц, окаймленных огромными гранитными дворцами, и прошел через колоссальную арку в бесконечную залу, дети увидели толпу жителей глубин; они сидели на каменных скамьях за грубо сделанными каменными же столами и ели что-то светящееся.

Завидев пехотинца, все повскакали с мест и громким хором спросили:

— Что нового?

— Четыре пленника, — ответил пехотинец. — Полковник сказал, что они из морского коро-

левства, и отдал приказание доставить их нашей королеве.

Несколько мгновений он молчал и не шевелился, как будто о чем-то раздумывая; потом закинул сеть за плечи и двинулся вверх по поднимавшейся в конце залы большой лестнице. Ее ступени были сделаны из чего-то прозрачного, зеленого, не то из стекла, не то из смарагда. Под ними горел свет, и нежные, ясные лучи проникали сквозь зеленое вещество. Это было до того волшебно красиво, что Френс, точно в забытии, сказал:

«Сабрина, красавица, ты скрываешься под прозрачными водами. Слушай!»

Мгновенно в сети стало гораздо меньше места; дети почувствовали нежные поцелуи и увидели подле себя Фрейю, свою морскую принцессу!

— О, дорогая принцесса, я не хотел этого, не хотел, — проговорил Френс. — Только изумрудные ступени напомнили мне о прозрачных водах...

— Да, я понимаю, — сказала Фрейя. — Ах, если бы вы только знали, что я чувствовала! Вы, наши гости, наши благородные защитники, наши рыцари, попали в плен, а мы все остались целы и невредимы! Я так надеялась, что вы меня позовете! И в то же время я горжусь вами, так как вы меня вызвали не нарочно, а случайно.

— Мы даже не думали просить у тебя помощи, — сказала Мевис, — но, мне кажется, если бы нам это даже и пришлось в голову, мы не вызвали бы тебя, чтобы ты не попала также в сеть.

— А почему вы не нажали ваших жемчужных пуговиц? — спросила Фрейя.

Дети объяснили ей почему.

— Умницы, — сказала она, — во всяком слу-

чае, мы теперь обратимся к помощи талисманов, которые помешают нам потерять память.

— Я не сделаю этого, — заметила Кети, — я не хочу «помнить». Если у меня пропадет память, я забуду, что можно бояться. Пожалуйста, позволь мне ничего не помнить.

И она с умоляющим видом прильнула к принцессе.

Фрейя наклонилась к Мевви и шепнула ей:

— Может статься, это действительно лучше.

И они позволили маленькой Кети поступать, как ей угодно.

Едва успели остальные сделать все необходимое для сохранения памяти, как пехотинец бросил сеть на большой стол, казалось, высеченный из громадного цельного алмаза, а сам упал ниц.

— В сети пленники, ваше величество, — сказал он, поднимаясь, — четверо.

Он повернулся к сети и остолбенел.

— Там еще кто-то, — прибавил солдат сильно изменившимся голосом, — кто-то, кого не было, когда мы пустились в путь.

— Открой сеть, — прозвучал нежный голос, — и прикажи пленникам подняться; я хочу их видеть.

— Но они могут убежать, дорогая, — ответил другой встревоженный голос, — и кто знает, не кусаются ли эти существа?

— Субмерсия и еще четверо из моих придворных дам, будьте наготове, — сказал первый голос. — Вынимайте пленников по одному и держите их, дожидаясь моих дальнейших приказаний.

Сеть развернули, большие, сильные руки схватили Бернара и держали его осторожно, но крепко; он висел над столом. Потом то же произошло и с другими.

Стоять сами они не могли; им мешали их рыбы хвосты.

На троне сидела высокая королева в великолепном блестящем наряде и с очень красивым, но печальным лицом. Рядом с ней помещался король (дети поняли, что это король и королева, так как увидели на их головах короны). Он не был так хорош, как его жена, но все же совершенно не походил на остальных безобразных, неуклюжих жителей глубин.

Король тоже казался очень грустным. Дети рассмотрели, что король и королева были в одеждах, сотканных из волокон блестящих водяных растений и усеянных искрящимися драгоценными камнями; короны же их были верхом вкуса и роскоши. Троном служил один огромный кроваво-красный рубин; балдахин над тронном был сделан из зеленых водяных широколистных трав, перемешанных с топазами и аметистами.

Королева спустилась со ступеней трона, шепнула что-то даме, которую назвала Субмерсией, а та, в свою очередь, сказала по нескольку слов своим четырем подругам, которые держали каждая по пленнику или пленнице.

Придворные дамы ловко и быстро сняли с захваченных ими неприятелей волшебные кольца и рыбы хвосты.

Теперь принцесса и дети стояли на столе на ногах.

— Какие смешные маленькие существа, — довольно ласково сказал король.

— Молчи, — заметила королева, — может быть, они понимают, во всяком случае, морская-то девушка, конечно, понимает.

Дети рассердились, слыша, как непочтительно говорят о их принцессе, но Фрейя осталась спокойна.

— Теперь, — продолжала королева, — скажи,

будешь ли ты отвечать нам, пока мы не уьем твоей памяти?

— На некоторые вопросы — да, — сказала принцесса, к которой именно и обратилась королева, — на некоторые же — нет.

— Это дети людей?

— Да.

— Как же они очутились в море?

— В силу волшебства моря; ты не поймешь, — высокомерно ответила принцесса.

— Они сражались против нас?

— Да! — закричали Бернар и Мевис, не дав принцессе времени ответить.

— И нас радует это, — прибавил Френсис.

— Если вы расскажете нам, сколько войска в морском королевстве, вам отдадут ваши кольца и рыбы хвосты. Вы скажете?

— Возможно ли это? — возразила Фрейя. — Я уроженка королевства и принцесса королевского дома. Мы не изменяем отчизне.

— Конечно, — согласилась королева и, помолчав, дала приказание: — Подайте им кубок забвения.

Напиток забвения был очень вкусен; в нем чувствовался шоколад, кокосовые орехи, сливное варенье. Самый кубок, сделанный из опала, отливал то розовым, то зеленым, то голубым, то серым цветом; на его стенках красовались резные фигурки красивых спящих людей.

Эта чаша переходила из рук в руки. Королевский кравчий, — красивая серебряная рыба, — смотрел за тем, как пили пленники. Позволив одному сделать определенное количество глотков, он брал чашу своими передними плавниками и передавал следующему.

Кетлин выпила позже всех.

На четверых пленников напиток не произвел ни малейшего действия, но Кети совершенно

изменилась. Хотя дети отлично знали, что она потеряет память, но все же им было тяжело видеть действие напитка забвения.

Мевис нежно обнимала свою сестренку, но, сделав последний глоток, Кети оттолкнула любящую руку старшей сестры и отодвинулась от нее. Мевви стало больно, точно ее ранили ножом. Потом Кетлин посмотрела на своих братьев и на сестру, точно на чужих.

Когда все пленники были еще в сети, они сговорились притворяться, будто напиток забвения подействовал на них, молчать и казаться глупыми. Но холодности маленькой, милой Кети Мевви не вынесла и душераздирающим тоном сказала:

— О, Кети, милочка моя... Что же это? Что это такое!

Ни принцесса, ни братья не успели ее остановить. Еще хуже: мальчики слышным шепотом сказали:

— Молчи, Мевис.

Только одна принцесса имела присутствие духа промолчать.

Кети повернулась и посмотрела на сестру.

— Кети, милочка! — повторила Мевви.

— Я тебя не знаю, — холодно проговорила Кетлин. — И зачем ты меня зовешь Кети? Мне это ужасно не нравится.

Она протянула свои ручки к королеве глубин. Та ее взяла на колени. В эту минуту королева походила на исполинскую девочку, которая баюкает куклу.

— Я возьму ее себе, — сказала мужу владительница глубин. — У меня никогда еще не было такой зверушки... Нужно ей надеть ошейник с цепочкой. Я приручу ее. Хорош зверек? — спросила она, лаская Кети, которая, к ужасу остальных пленников, ответила:

— Да, дорогая королева, — и поцеловала ее руку.

— Как я вижу, — продолжала королева, обращаясь к другим детям и Фрейе, — на вас еще не подействовал напиток, а потому я не могу подарить вас моим придворным. Завтра испытаем другой напиток. А пока... Тюремщик! Оковы!

Подошел огромный мрачный житель глубин. На его руке висели длинные чешуйчатые полосы, от одного взгляда на которые сердца детей забились: им показалось, что это их собственные рыбы хвосты. Но едва на них надели эти странные вещи, как бедные пленники поняли горькую истину.

— Да, — сказала королева, — это фальшивые хвосты, вам не удастся ни снять их с себя, ни плавать или ходить с их помощью. Однако вы без затруднения можете двигаться по дну океана. Что там такое, тюремщик?

— Ни один из хвостов не приходится впору этой пленнице, ваше величество, — ответил он.

— Я принцесса королевской крови, — сказала Фрейя, — и ваши фальшивые, отвратительные хвосты не пристанут ко мне.

— Заприте их скорей в темницу, — проговорил король. — Я никогда не видывал таких мрачных, несговорчивых пленников.

Темницей служило большое здание, которое сверху было шире, нежели внизу, и опиралось с двух сторон на скалы. Пленников отвели туда, они были так смущены и рассержены, что опомнились только тогда, когда тюремщик оставил их одних. Наконец они поняли, что эта тюрьма не что иное, как затонувший огромный, совершенно неповрежденный корабль. Их заперли в кают-салоне, и, утомленные всем пережитым в этот день, они легли на мягкие бархатные диваны и заснули.

Дольше всех не смыкала глаз Фрейя. Она долго смотрела на детей.

— Ах, зачем они не подумают об «этом»? — прошептала она. — И зачем я не могу им посоветовать «этого»?

Ответа она не нашла, а потому через несколько минут тоже заснула.

Я сожалею, что мне некогда рассказать обо всем, что случилось с Кетлин, — «зверьком» королевы морских глубин.

Это было так же интересно, как отчет о жизни наших любимых собачек, кисок, белочек и т. д.

На следующий день тюремщик явился в тюрьму с пищей и с новым кубком забвения, который, понятно, тоже не подействовал ни на троих детей, ни на принцессу. Весь день они старались придумать план бегства. Вечером к ним явился сын тюремщика, дал им ужинать и предложил выпить еще из третьего кубка.

Исполнив свою обязанность, он не ушел из тюрьмы. У сына тюремщика было совсем не злое и не суровое лицо, а потому Френсис решился поговорить с ним.

— Я хочу тебе кое-что сказать, — начал Френс.

— Что именно? — был вопрос.

— Тебе запрещено с нами разговаривать?

— Нет.

— Тогда объясни мне, что с нами сделают?

— Не знаю, но скоро это станет известно; тюрьмы наполняются с такой быстротой, что в них скоро совсем не останется места. Тогда нам придется выпустить некоторых пленников с так называемыми отпускными билетами, иначе говоря, с искусственными хвостами; они помещают бежать даже тем, на которых не подействуют кубки забвения.

— Вот что я спрошу, — в свою очередь сказал Бернар.

— Ну?

— Почему ваши король и королева не участвовали в битвах, как морское королевское семейство?

— По закону, — сказал молодой сын тюремщика. — Мы захватили раз в плен одного короля, и теперь наш народ боится, что наши власти тоже могут попасть в руки врагов; поэтому был издан закон, в силу которого короли не могут братья за оружие.

— А что вы сделали с пленным королем? — спросила Фрейя.

— Отправили его в водяной остров, то есть в пространство воды, со всех сторон окруженное землей.

— Хотелось бы мне на короля посмотреть, — сказала принцесса.

— О, это нетрудно, — ответил житель глубин, — только прежде вам всем нужно получить отпускные билеты. До озера — длинный путь, ну, конечно, по воде; но многие из нашей молодежи по три раза в неделю отправляются туда. Конечно, он теперь уже не король, его сделали профессором науки о раковинах.

— И он забыл, что когда-то был королем? — спросила принцесса.

— Разумеется. Однако он был очень учен, и наш кубок забвения оказался не в силах заставить его забыть все. Потому-то его и сделали профессором.

— А в какой стране был он прежде королем? — тревожно спросила Фрейя.

— В стране варваров, — ответил сын тюремщика.

Принцесса глубоко вздохнула.

— Я подумала было, что это, может быть,

мой отец, — сказала она. — Ведь он исчез, затерялся где-то в море.

Молодой житель глубин океана сочувственно кивнул головой и ушел.

— Мне кажется, он недурной малый, — сказала Мевви.

— Да, — согласилась Фрейя. — Странно: я думала, что все жители морских глубин ужасные, свирепые существа, что они жестоки и неумолимы.

— А между тем они отличаются от нас только наружностью, — заметил Бернар.

— Хотелось бы мне знать, — задумчиво проговорила Мевис, — из-за чего, собственно, началась война.

— Мы всегда враждовали, — беспечно сказала принцесса.

— Да, но когда и почему зародилась между вами вражда?

— Причина нашей вражды затерялась в тумане давно минувших веков...

— О-о-о! — протянула Мевис.

Когда Ульфин снова принес пленникам кушанье (не помню, было ли сказано, что сына тюремщика звали Ульфином), Мевви задала ему тот же вопрос.

— Не знаю, маленькая девушка с земли, — ответил он, — но постараюсь узнать об этом. Мой дядя — хранитель наших архивов и писаний, выгравированных на каменных плитах. Таких сочинений столько, что никто не в силах сосчитать их; впрочем, у нас есть и маленькие плитки, на которых вкратце обозначено, что заключается в больших...

Ульфин помолчал, точно не решаясь продолжать, наконец прибавил:

— Скажите, если я попрошу позволение по-

казать вам залу архива, дадите ли вы мне слово не пытаться бежать?

Пленники пробыли взаперти целых два дня, соскучились и потому охотно дали Ульфину обещание никуда не убежать.

— Наши тюрьмы полны, — сказал он, — и я не вижу, почему бы именно вам не получить первых отпускных билетов. Я поговорю с отцом.

— Вот что... — начала Мевви.

— Что? — спросил Ульфин.

— Знаешь ли ты что-нибудь о нашей сестре?

— О ручной маленькой девушке с земли? Она любимица королевы. Сегодня для нее принесли золотой ошейник, на котором выгравировано ее имя. Его делал зять моей двоюродной сестры.

— Ее имя? Кетлин? — спросила Мевви.

— На ошейнике стоит имя «Фидо», — ответил сын тюремщика.

На следующий день Ульфин принес пленникам отпускные билеты, то есть особенно тяжелые фальшивые хвосты и надел их на детей; Фрейя осталась свободной.

— Ползите со мной, — сказал сын тюремщика.

Опираясь руками и искусственными рыбьими хвостами, дети передвигались по дну и очень походили на тюленей.

Ульфин вел их и Фрейю по странным улицам, между странными зданиями и попутно называл их своим спутникам.

— Вот башня астролога, — сказал он, указывая на громадное серое здание, поднимавшееся над всеми остальными. — Там сидит мудрец и наблюдает за звездами.

— Да ведь здесь вы не можете видеть звезд! — заметил Бернар.

— Нет, можем. На башне трубы, зеркала и

приборы, придающие воде прозрачность. В этой башне все мудрецы, но профессор науки о раковинах мудрее всех остальных; например, сеть, которой поймали вас, — его изобретение, вернее, он раньше умел делать сети и не забыл этого.

— А кто же придумал ловить сетью пленников? — спросила Фрейя.

— Я, — с гордостью ответил Ульфин. — За это мне дадут стеклянную медаль.

— А у вас есть стекло? — спросил Френс.

— Оно иногда попадает к нам и очень высоко ценится. Мы его покрываем гравированными письменами. Вот библиотека, видите? В ней миллион каменных плит. Рядом с ней зала увеселений. Вот сад матерей; они отдыхают в нем, пока их дети учатся в школе. Вот одна из наших школ, а вот, наконец, и архивы.

Хранитель записей вежливо встретил их. Дети ежедневно видали Ульфина, а потому уже привыкли к наружности жителей глубин и перестали удивляться их печальным лицам.

Зала, в которой на каменных полках лежали каменные таблицы, поразила их своим огромным размером.

— Что вам угодно узнать? — спросил хранитель. — По словам Ульфина, вас что-то очень интересует?

— Мы хотим знать, почему и когда начались войны, — сказал Френсис, — а также почему ваши король и королева не похожи на остальных жителей глубин?

— Ссора, — заговорил хранитель архива, — началась около трех миллионов пятисот семидесяти девяти лет тому назад. Один житель глубин, торопливо соскочив с своего морского коня, наступил на рыбий хвост уроженца морского королевства и не извинился, так как дал обет целый

день и один час не произносить ни слова. Если бы жители моря подождали, он объяснил бы им все, но они сразу начали войну, а тогда уже, конечно, никто не мог ждать извинений. И вот с тех пор война все не может прекратиться.

— Они так и не перестанут сражаться? — спросил Бернар.

— Пока не извинимся мы, а это сделать невозможно, или пока о н и не узнают, почему вспыхнула ссора, и не поймут, что мы не были виноваты.

— Какой ужас! — сказала Мевис. — Ведь, в сущности, вражда началась без причины?

— Да, — сказал хранитель архива. — Ну, на ваш второй вопрос мне не следовало бы отвечать, но я знаю, что вы забудете мои слова, когда кубок забвения начнет на вас действовать. — (Ульфин сказал, что до сих пор его сила еще не сказалась)... — Так вот, наши король и королева чужеземцы. Мы были республиканцами, но все наши президенты, их друзья и родственники нам не нравились, и мы решили сделать нашу страну монархией, а с целью не возбуждать зависти между жителями глубин сочли за лучшее выбрать правителей, как говорится, со стороны, и выбор наш пал на красивых мужчину и женщину, обитателей земли.

ГЛАВА XII

После того как хранитель архивов любезно ответил на все вопросы пленников, принцесса неожиданно спросила:

— А можно нам познакомиться с наукой о раковинах?

— Почему бы нет? — ласково ответил хранитель. — Завтра приемный день профессора.

— Нельзя ли нам отправиться к нему сегодня, — попросила Фрейя, — хотя бы только затем, чтобы сговориться с ним о времени уроков, об условиях и так далее.

— Если дядя согласится, я охотно доставлю вас к водяному острову. Для вас, принцесса, я согласен еще и не на то...

Ульфин переговорил с дядей, и скоро дети и принцесса вошли в чудовищно большую закрытую раковину, запряженную чудовищно большими спрутами-осьминогами. Ульфин поместился на козлах. Это была тюремная карета. (Понятно, дети были в «оковах», то есть в фальшивых рыбьих хвостах, а принцесса — нет. К ней ведь эти «оковы» не приставали.)

В свое время карета-раковина остановилась подле места заключения короля-профессора.

Все вышли из экипажа и стали осматриваться. Ульфин соскочил с козел и указал на подходившего к ним величавого человека в длинном темном одеянии.

Он подошел совсем близко и вежливо поклонился своим гостям.

— Нам хочется узнать, — сказала Мевис, — не может ли ваше величество давать нам уроки.

Король ответил, но принцесса не слыхала его слов: она разговаривала с Ульфином в сторонке от других.

— Ульфин, — сказала она, — пленный король — мой отец.

— Да, принцесса, — произнес Ульфин.

— И он меня не узнает.

— Узнает! — уверил ее Ульфин.

— Ты знаешь это?

— Да.

— Но тебя накажут, если узнают, что ты привел нас сюда и что он мой отец. Тебя убьют, Ульфин, почему ты это сделал?

— Потому что этого хотела ты, принцесса; ведь я охотнее соглашусь умереть за тебя, чем жить в разлуке с тобой.

Дети нашли, что у профессора изумительно доброе лицо и благородная осанка; а принцесса не могла смотреть на него. Теперь она чувствовала то же, что испытывала Мевис, когда Кети перестала узнавать своих близких. Фрейя отвернулась, сделав вид, что рассматривает листья и ветви живой изгороди, сделанной из переплетенных и перевитых между собой морских растений.

Между тем Френсис и Мевви говорили с профессором о времени для уроков. Решили, что профессор будет заниматься с ними по три раза в неделю, от двух до четырех часов.

— Да, — в заключение заметил король-профессор, — я только изгнанник, преподающий юным чужестранцам науку о раковинах. Но в моем уме мелькают обрывки мудрости, собранной в течение долгой жизни. Я знаю, что я не то, чем кажусь, да и вы тоже, и что ваше желание познакомиться с моей наукой — неискренно, что оно скрывает другие намерения... Ведь правда, мое дитя?

Никто не ответил — этот вопрос был обращен к Фрейе. Очевидно, она угадала его, так как повернулась и сказала:

— О, да, премудрый король.

— Я не король, — возразил профессор, — я скорее слабый ребенок, подбирающий камешки на отмелях безбрежного моря знания.

— Нет, ты именно... — начала было принцесса, но ее перебил Ульфин, сказав:

— О, госпожа моя, все погибнет, если ты не будешь лучше играть свою роль. Если ты не станешь осторожнее, я заплачу за это жизнью. Смерти я не боюсь, но у вас-то, пленников, не

останется тогда друга в чужой стране, и я умру, сожалея, что ничем не помог вам.

Он прошептал это на ухо принцессе, а профессор смотрел на него и на нее с кротким удивлением.

— Этот молодой человек, по-видимому, красноречив, но я не слышу его голоса, — улыбаясь, заметил король.

— Я хотел бы обладать красноречием, — проговорил Ульфин, — чтобы попросить вас, профессор, думать только о том, что вы профессор, и больше ни о чем, не то с вашими учениками случится беда. Вам ведь этого не хочется?

— Нет, — сказал профессор, глядя на Фрейю.

— Значит, завтра в два часа? Да? — спросила принцесса.

Они вернулись в тюрьму и прошли в отведенное им помещение.

Бернар сказал:

— Мне кажется, Ульфин хочет помочь нам бежать.

— Ты думаешь? — спросила Мевис. — И мне кажется, он хочет тоже вернуть морского короля его опечаленной семье.

Фрейя ласково пожала ей руку.

— Я хочу того же, — проговорил Френс, — а еще больше мне хочется прекратить эту войну.

— И мне! — воскликнула Мевви. — Но что можем сделать мы?

— Я попрошу свидания с королем глубин и постараюсь его уговорить, — сказал Френс, — он мне показался добрым и совсем неглупым.

Дети так и ахнули; смелая и простая мысль Френса поразила их. Но принцесса сказала:

— Я знаю, вы постараетесь сделать все, что от вас зависит; но тем, кто не привык обращаться с королевскими особами, трудно говорить с ними.

— А почему бы не попробовать тебе самой, принцесса?

— Я не решусь на это, — сказала Фрейя. — Я только принцесса. Вот если бы мой отец мог поговорить с королевой, он убедил бы ее. Вернись бы только к нему память, он, благодаря своей мудрости, поправил бы все. Нам теперь нужнее всего отыскать кольчугу Кети.

— Да, конечно, — согласился Френс.

— Позовем Ульфаина, — предложила принцесса.

И они стали царапать дверь из белого камня, которая отделяла их помещение от остальной тюрьмы.

Ульфаин прибежал.

— Мы держим совет, — сказала Фрейя. — Помоги нам.

— Хорошо. Что нужно?

Пленники объяснили ему все.

— Целую ваши руки, — сказал Ульфаин. — Вы вернули мне честь. Ради принцессы я хотел помочь вам бежать и собирался принести спрятанную кольчугу, но, сделав это, я согрешил бы против чести и родины. Теперь же, зная, что вы хотите водворить мир, я поступлю честно. Ведь все мы жаждем мира? Да?

— А ты знаешь, где все наши кольчуги? — спросила Мевви.

— В музее редкостей, — ответил Ульфаин. — Их сторожат. Но завтра хранителями музея будет морская кавалерия; офицер — мой друг. Я скажу ему, к чему мы стремимся, и он поможет мне. Обещайте вернуться домой только с разрешения наших властителей.

Дети обещали.

— Итак, завтра!

На следующий день наших пленников приве-

ли в большое строение, изукрашенное жемчугом и бирюзой, — в музей редкостей.

Попечитель музея с гордостью показывал им все сокровища.

Вот они подошли к большому ящику с ярлыком: «Драгоценные вещи, захваченные у врагов». В эту секунду попечителя позвали куда-то, и он ушел, сказав:

— Прошу извинения, я оставляю вас на несколько минут.

— Я устроил, чтобы его вызвали, — сказал Ульфин. — Скорее берите ваши кольчуги, они тут, в стеклянном ящике. Скорее, пока он не вернулся...

Но как поднять крышку?

Принцесса положила руку на стеклянную крышку, сказала волшебное слово, и в то же мгновение стекло лопнуло и растаяло, как водяной пузырь.

Дети быстро надели вынутые из ящика кольчуги, взяли и свои хвосты, но их надеть не могли.

— Вот эта кольчуга Кетина, — шепнула Мевис.

Принцесса схватила ее; она тоже натянула на себя свою жемчужную кольчугу и спрятала за пазуху ту, которая принадлежала крошке Кети.

— Скорее, — крикнула она детям, — нажмите третьи пуговицы! Хорошо!

В музее послышались шаги стражи. Случилась удивительная вещь: принцесса и дети скрылись, в воздухе осталась видной только маленькая кольчуга Кети. Она вырастала и обвинялась вокруг Ульфина.

— Надень ее, — прозвучал голос принцессы, ставшей невидимкой, так же как и дети.

Подбегали солдаты.

— Нажми третью пуговицу, Ульфин, — закричала принцесса.

Один солдат уже подскочил к сыну тюремщика и схватил его за левую руку.

— Изменник! Я тебя арестую! — сердито крикнул часовой. Но Ульфин нажал третью пуговицу своей кольчуги и сделался невидимкой, тем не менее солдат чувствовал в своей руке его руку...

— Последнюю пуговицу, Ульфин! — прокричала принцесса. — Нажми ее!

Солдат, к своему ужасу, перестал ощущать в пальцах руку Ульфина; он разжал их. А Ульфин, принцесса и трое детей, теперь не только невидимые, но и неосязаемые, направились к сводчатой двери.

— Мы все невидимы и неосязаемы даже друг для друга; возьмемся же каждый за кончик морской травы, — прикосновение травы мы почувствуем. Я возьму один конец первой моей травки, Ульфин другой; один конец второй былинки он будет держать сам, а другой даст Френсу... ну, и так далее. Составим цепь...

Травки поплыли к конюшням; никто не обратил на это внимания; никто не заметил, что невидимые руки развязали недоуздки пяти морских коней.

Между тем в это время профессор науки о раковинах готовился принять своих новых учеников. Он был в саду, когда принцесса, трое детей и Ульфин приблизились к нему, дотронулись до соответствующих пуговиц и снова сделались видимы и осязаемы.

— Ага, — без удивления сказал король. — Волшебство. Хорошо исполнено... Можешь не снимать твоей кольчуги, — прибавил он Ульфину, — это не требуется во время занятий.

Но Ульфин все же скинул ее с себя и пере-

дал чудесное одеяние принцессе. Та сразу нащупала в ней внутренний карман, а из него достала маленькую золотую коробочку, которую и протянула профессору. Он без колебаний открыл ее, вынул из нее волшебное зелье и проглотил.

И тотчас обнял Фрейю. Прильнув к отцу, принцесса наскоро начала ему давать объяснения, но король остановил ее.

— Знаю, мое дитя, знаю, — сказал он, — ты принесла мне лекарство, которое воскресило мою память и снова превратило меня в короля. Но зачем, о, зачем не принесла ты с собой моей кольчуги? Моей жемчужной брони. Она была в том же ящике, где лежали и все остальные. Никто об этом не подумал.

— Возьмите эту кольчугу, — сказал королю Ульфин. — Я не имею права носить волшебных доспехов вашей страны.

— Но тебе-то особенно нужна кольчуга, — заметил Френс. — Лучше я отдам королю свою. Мне она не будет нужна, если все вы позволите мне пойти и поговорить с властелином глубин.

Но король поднял руку.

— Тише! — сказал он. — Если кому пристало говорить с властителями этого королевства, то именно мне. Идем! Сделаем круг, чтобы не встретить моих других учеников.

Так и сделали и прокрались к морским коням. Лучшего из них, понятно, отдали королю. Но когда он увидел, до чего детям было неудобно оставаться в фальшивых хвостах, он сказал дочери:

— Прокуси шкуры, которые стягивают их фальшивые хвосты; только острые зубки принцессы могут разгрызть эти оковы. И доброе дело не унижит моей дочери.

Фрейя повиновалась. Дети прицепили к себе свои настоящие хвосты и поплыли к городу.

На улицах они слышали сильный шум. Бежали отряды солдат и толпы жителей глубин.

— Нужно торопиться, — сказал профессор, — не то мы опоздаем.

И они двинулись быстрее прежнего.

А шум все увеличивался, толпа становилась гуще. Наконец Ульфин оставил всех своих спутников под аркой у входа в башню астрологов, чтобы узнать причину волнения. На улице засверкали мечи, замелькали знамена. Потянулась армия морского королевства. Воины шли с видом победителей, а во главе войска двигались принцесса Майя и Джо.

— Джо, Джо! Мы спасены! — закричала Мевис и кинулась бы к «блестящему» мальчику, если бы ее не остановил Френс.

— погоди, — сказал он, — ведь мы же дали слово не бежать отсюда без разрешения короля или королевы. Скорее во дворец! Принесем туда мир раньше, чем наша армия нападет на него.

ГЛАВА XIII

Королева глубин океана и ее муж сидели на троне и оба с улыбкой следили за прыжками своей любимицы Фидо, игравшей с мячиком, свитым из морской травы.

— Странные сны снятся мне иногда, — заметила королева, — сны ясные, точно воспоминания.

— А тебе приходило иногда в голову, что у нас нет воспоминаний о нашем детстве и ранней юности? — спросил ее король.

— Мне иногда кажется, — продолжала королева, — что мы когда-то сами выпили кубок забвения. Мы ни на кого не походим... И потом,

если мы родились в этой стране, почему мы не помним наших родителей? А главное, дорогой, мне часто снится, что у нас был сын, очень похожий на нас, но что он пропал, исчез куда-то.

— Фидо на нас походит, — шепнул король. И он погладил красивую головку Кети, забывшей свое имя.

В эту минуту золотая завеса зашелестела, откинулась, и в залу вошла высокая фигура.

— Ах, это профессор! — сказал властитель глубин.

— Нет, — поправил его появившийся в зале, — я король морского королевства. Брат мой и сестра моя, приветствую вас.

— Это не по закону, — заметил король глубин.

— Все равно, — шепнула ему королева, — послушаем, что он скажет.

— Да воцарится мир между нашими народами, — сказал морской король. — Обе стороны долго страдали от бесконечных войн... К вам пришел я, ваш пленник, просить о мире. Мне дали выпить из кубка забвения, и я потерял память; новые же чары вернули мне ее. Я говорю с вами от имени моего народа: мы вам причинили вред и просим у вас прощения. Если вы тоже были перед нами виноваты, мы охотно извиняем вас. Скажите, наступит ли мир? Будут ли все сыны моря жить в братской любви?

— Право, это было бы недурно, — сказал король глубин. — Мой ум колеблется, но сердце...

— Говорит «да», — dokonчила за него королева. — Я тоже говорю «да», но ведь наше войско осаждает ваш город, твои подданные скажут, что ты просишь мира, так как ты побежден.

— Нет, они знают меня. Ваш народ тоже не осудит вас. Протянем же друг другу руки...

— Но что это за шум! — перебил его король

глубин. Действительно, с улицы доносились громкие крики, звуки песен, музыка.

— Выйдем на балкон и покажемся народу все вместе, — предложил морской король.

— Отлично, — сказала королева и, схватив на руки Фидо, направилась к большой арке, завешенной роскошной драпировкой.

Готовясь выйти на балкон, скрытый этой блестящей завесой, королева откинула ее и вдруг замерла от ужаса. Под балконом тесными рядами стояла армия морского королевства.

— Враги! — вскрикнула она.

— Мой народ, — проговорил морской король. — Прекрасно, что вы, считая себя победителями, согласились на мир. Позволите ли вы мне говорить от вашего и от своего имени?

Король и королева глубин молча кивнули головами в знак согласия.

Морской народ узнал своего долго пропадавшего властителя и закричал от восторга, но бывший профессор поднял руку, и все затихло.

В коротких, ясных словах он объявил своим воинам о заключении мира, объяснив, что властители глубин согласились прекратить войну, считая себя победителями. Когда он замолчал, поднялись восторженные, долго не смолкавшие крики.

Во дворце устроили пир. На нем, конечно, присутствовали оба короля, королева, принцессы, трое детей и Джо. Майя попросила позвать и Ульфаина, но его нигде не могли найти.

Все было прекрасно. Джо сидел справа от королевы; главнокомандующий армией глубин — слева от своего короля. Морской король поместился между своими дочерьми. Наши трое детей сидели рядом; с одной стороны от них был астролог, с другой — попечитель музея редкостей.

Приблизительно в середине пира служившая

за столом рыба шепотом доложила о чем-то королеве.

— Конечно, введи его, — сказала властительница глубин.

Вошел Ульфин; на руке его висели жемчужная кольчуга и чешуйчатый хвост. Молодой человек опустился на одно колено и поднес их морскому королю. Король взял то и другое и из кармана кольчуги вынул три золотые коробочки. Он взглянул на них и, улыбаясь, сказал:

— Король имеет право владеть тремя такими вещами. Позволит ли мне твое величество дать одну лепешечку твоей Фидо? Я уверен, что после этого ты охотно отдашь милую малютку ее братьям и сестре.

Королева сама дала волшебное снадобье Кети; она думала, что девочка тотчас же убежит от нее. Но Кети, вспомнив, что ее братья, сестра и сама она — пленники, стояла теперь изумленная, оторопелая.

— А, Мевви! — наконец закричала Кетлин. — Вот славная перемена! Как хорошо! Спасибо, милая королева; я вижу, ты добрая! Обними меня!

Итак, все радовались. Только лицо Фрейи омрачала какая-то тень, и ее глаза следили за Ульфином, который поклонился и пошел к дверям.

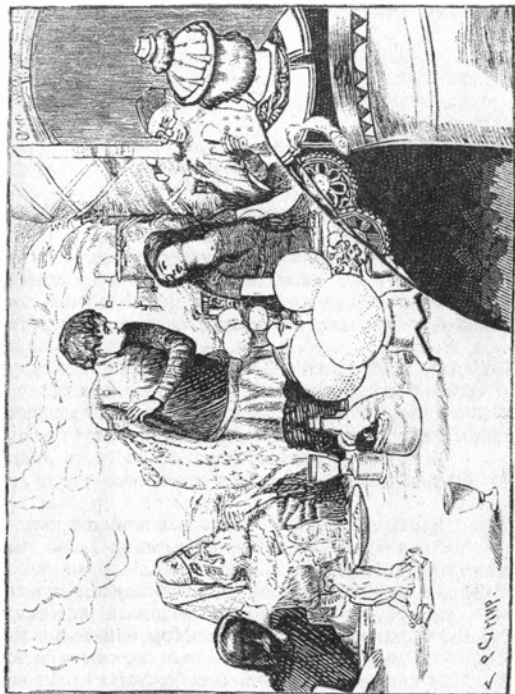
— Отец, — шепнула Фрейя на ухо морскому королю, — не отпускай его. Ведь все сделал он.

— Правда. Но он, кажется, отказался пировать?

— Не может быть. Позови его!

— Я приведу его, — предложила Мевис. — Хочешь, принцесса?

— Если ты, отец, немножко подвинешься ко мне, между тобой и Фрейей останется местечко для Ульфина.

— 9 —

Он вернулся и занял место между морским королем и его дочерью.

Станный это был пир. Все подданные морского короля, его дочери и наши пятеро детей отличались красотой; прекрасны были также королева и король глубин, зато уроженцы их королевства поражали своим безобразием.

Фрейя разговаривала со своим соседом, Ульфином.

— Принцесса, — сказал он ей. — Я всю жизнь буду счастлив, что узнал тебя.

Фрейя опустила глаза.

— Знаешь ли, — продолжал он, — что сказал бы я тебе, если б был принцем?

— Да, — прошептала она, — и я знаю, что ответила бы тебе, если бы ты походил на жителей нашего королевства. Тогда мне было бы совершенно безразлично, принц ты или нет... Но ведь ты житель глубин, а я — морская девушка, и потому скажу только, что никогда не позабуду тебя и не выйду замуж ни за кого другого.

— Значит, только моя наружность мешает тебе быть моею женой? — спросил он.

— Конечно, — ответила она.

Ульфин быстро поднялся со своего места и сказал:

— Ваши величества и ты, великий астролог, не пора ли нам снять наши маски. Ведь мы между друзьями!

Король, королева и астролог кивнули головами. Зашуршали материи, развязались шнурки; шлемы и латы упали на пол. Морским жителям казалось, что их недавние враги меняют свою кожу. В сущности же, они освобождались только от чешуйчатой брони, которая покрывала их платье, тело, даже лица. Теперь они остались в богатых одеждах, скрывавшихся под грубой оболочкой, и оказались очень красивы.

— Как хорошо! — сказала Майя. — А мы-то думали, что эти брони приросли к вам.

Жители глубин засмеялись.

— Ты совсем такой же, как мы! — сказала Ульфину Фрейя.

— В мире нет никого похожего на тебя, принцесса, — прошептал красивый черноволосый Ульфин и прибавил: — Ты тогда говорила серьезно?

— Папа, — сказала Фрейя, — позволь мне, пожалуйста, выйти замуж за Ульфина.

— Хорошо, я очень рад, — ответил морской король и тотчас же объявил гостям о помолвке своей старшей дочери с Ульфином.

— А почему бы им не править нашим королевством? — спросила королева глубин. — Нам же с королем пусть позволят вспомнить забытое и вернуться туда, откуда мы пришли, — туда, где у нас был сынок.

— К несчастью, у меня осталась только одна волшебная лепешка, — сказал морской король. — Но если ваш народ согласен, чтобы вы отказались от трона, я ее разделю между вами и душой, этого окажется достаточно.

Тут в разговор вмешался астролог, который до тех пор шептался с Джо.

— Хорошо было бы, ваши величества, — сказал он, — дать хлебнуть из кубка забвения детям с земли, чтобы они забыли о своих приключениях в море. Жителям земли не нужно знать слишком много о подводной жизни... У нас давно хранился священный сосуд. Передадим его нашим гостям; пусть они его возьмут с собой и выпьют напиток забвения, когда очутятся на земле.

За сосудом послали. Принесли толстую глиняную бутылку от натуральной сельтерской воды.

Дети сердечно простились с принцессами, с Ульфином и с другими, в сопровождении двух королей, королевы и астролога вышли они из дворца и в последний раз отправились туда, где морской король так долго изучал раковины.

Достигнув водяного острова, морской король обратился к властителям глубин:

— Проглотите по половине лепешечки, затем поднимитесь на поверхность и прочитайте заклинание, написанное вот на этой водоросли. Остальное сделается само собой. Прощайте! Мы никогда вас не забудем!

Король и королева глубин исполнили его приказание, поплыли вверх, все выше и выше, наконец скрылись.

Вдруг что-то потянуло детей от морского короля, как магнит тянет иголки. Они закрыли глаза, а подняв через секунду веки, увидели себя в лесу, на берегу озера. Френсис держал в руках глиняную бутылку.

— На земле чары действуют медленнее, сказал мне астролог, — заметил Джо. — Раньше чем мы выпьем из этой бутылки, я хочу сказать вам, что вы были славными, добрыми товарищами... А теперь я сниму с себя платье девочки.

Действительно, Джо был в платье Мевви. Он быстро снял его.

— До свидания, — сказал Джо и всем пожал руки.

— Да разве ты не пойдешь к нам?

— Нет, — ответил он. — Астролог сказал, что первые мужчина и женщина, которых я встречу на земле, — мои родители. Я подойду к ним и покажу рубашечку и башмачок. Помните? Я все время хранил их... Прощайте, надеюсь снова увидеться с вами...

После этого каждый из детей выпил по глотку жидкости, бывшей в бутылке, и Джо быстро зашагал по зеленой траве. Дети увидели, что он остановился и заговорил с какими-то господином и дамой в синих купальных костюмах. По-видимому, господа эти только что плавали по озеру, а теперь отдыхали, сидя на мраморных ступеньках террасы. Джо побежал к ним; они протянули ему руки... Когда господин и дама повернули головы, дети увидели, что они как две капли

воды походили на короля и королеву глубин, только теперь их черты озаряло счастье.

Но тут напиток забвения подействовал, и дети навсегда забыли мир чудес, в котором побывали.

Странная вещь: Джо они не забыли. Дети пришли домой к чаю и рассказали своим родителям о «блестящем» мальчике. По их словам, он был украден цыганами, бежал из цирка и здесь, на морском берегу, встретил своих отца и мать.

Дня через два у подъезда коттеджа Фредди остановился автомобиль; из него выскочил Джо.

— Знаете, я нашел маму и папу, — сказал он, — и мы приехали поблагодарить вас за пирог со сливами и за все. Папа с мамой здесь, подойдите, познакомьтесь с ними.

Дети подошли и снова увидели лица короля и королевы глубин, но ничего не вспомнили. Им казалось только, что они познакомились с какими-то красивыми, очень приветливыми и ласковыми людьми.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГОРБУНЬЯ.

С польск. Соч. А. Дыгасинского.

Пер. А. Черского..... 5

КАРЛЕТТО И ДУХИ ЦВЕТОВ.

С итальянск. Ферручио Черрини.

Пер. К. Чистяковой-Вэр..... 13

ПРИНЦЕССА И ЕЖИК.

С английск. Е. Несбит. Пер. Е. Чистяковой-Вэр..... 33

ИНФАНТА ИНЕСА.

С испанск. В пересказе Е. М. Чистяковой - Вэр 58

АЗЕРГ.

С английск. Е. Несбит. Пер. Е. Чистяковой-Вэр..... 84

ТРИ ДАРА. Индусская сказка.

В пересказе Е. Чистяковой - Вэр..... 101

РОДИНА. Сказка Л. Черского..... 118

ДУРОЧКА. Болгарская сказка.

В пересказе Е. Чистяковой - Вэр..... 121

КРЫМСКОЕ ПРЕДАНИЕ О БЕЛОМ КАМНЕ.

Е. Чистяковой - Вэр..... 126

СПУТНИЦА. Галицийская народная сказка.

В пересказе Е. Чистяковой - Вэр..... 129

ДОЖДЕВОЙ ЧЕРВЯК.

С английск. Е. Несбит. Пер. Е. Чистяковой-Вэр..... 142

ХИТРЫЙ ГАНСЕЛЬ. Норвежская сказка.

В пересказе Е. Чистяковой - Вэр..... 154

ВЕРНЫЙ ДРУГ.

С польск. А. Дыгасинского. Пер. Л. Черского..... 163

ЛЕОИ РОЗА.

С франц. В пересказе Е. Чистяковой - Вэр..... 180

ЦАРЕВНА ЗОРЕНЬКА.

С польск. А. Дыгасинского. Пер. Л. Черского..... 203

ВОЛШЕБСТВО ВОДЫ.

С английск. Е. Несбит. Пер. Е. М. Чистяковой-Вэр..... 222

Литературно-художественное издание

СКАЗКИ СТАРОГО ФИЛИНА

Редактор Л. В. Грязнова

Художник В. В. Толстоногов

Художественный редактор В. В. Покатов

Технический редактор В. И. Тушева

Корректоры Г. П. Панова, М. Г. Курносенкова

Издание подготовлено к печати по автоматизированной редакционно-издательской технологии на персональных ЭВМ

Операторы: Н. А. Опрышко, Е. В. Аристархова,
Н. И. Меламед, О. Н. Воробьева

ИБ № 6535

Сдано в набор 12.11.92. Подписано к печати 06.04.93. Формат 84х108/32. Гарнитура таймс. Печать офсет. Бумага юн. жур. №2. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,32. Уч.-изд. л. 15,02. Тираж 100000 экз. Заказ 2353 С 044

Издательство «Современник» Министерства печати и информации Российской Федерации и Союза писателей Российской Федерации
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

ТОО ПФ «Полиграфист»
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

